

Въ этомъ духѣ онъ началъ издавать въ Петербургѣ морально-пѣдѣгическій журналъ («Разсвѣтъ»), имѣя въ виду цѣли исцѣленія и укрѣпленія ума и духа, поборенія поверхностнаго рационализма времени. Онъ наполнялъ журналъ преимущественно переводами съ нѣмецкаго; доходъ съ изданія назначилъ для сиротской школы, которую вскорѣ и былъ уже въ состояніи выстроить.

Филантропическая и публицистическая дѣятельность Новикова возросла до огромныхъ размѣровъ, когда онъ переселился въ Москву, принявъ на себя, предложенную ему масономъ Херасковымъ, попечителемъ университета, университетскую типографію и изданіе «Московскихъ Вѣдомостей» — число абонентовъ которыхъ благодаря ему быстро увеличилось въ семь разъ. Рѣшающее вліяніе имѣло знакомство съ профессоромъ Шварцемъ, розенкрейцеромъ, ревностѣйшимъ поборникомъ юношескаго воспитанія, который старался отвлечь молодежь отъ чтенія матеріалистическихъ книгъ, не посягая при этомъ, подобно позднѣйшимъ русскимъ масонамъ-обскурантамъ, на выводы научнаго, философскаго изслѣдованія; въ союзъ съ другими масонами, Лопухинымъ, Гамалеемъ и др., основали они «общество друзей науки», заботились о воспитаніи родственной по духу молодежи, которую посылали за границу и потомъ пріобщали къ сотрудничеству въ качествѣ переводчиковъ для все растущей издательской дѣятельности Новикова. По смерти Шварца (1784) Новиковъ окончательно выступилъ во главѣ общества, теперь обратившагося въ типографскую компанію. Въ короткій срокъ удесятерилъ онъ книжное обращеніе въ Москвѣ и провинціи; онъ первый распространялъ книгу въ Россіи, даромъ раздавая свои изданія школамъ и народу. Это были различныя историческія и политическія сочиненія, между прочимъ весьма искаженное жизнеописаніе Вашингтона, которое заключалось замѣчаніемъ: изгнанная изъ Европы свобода будетъ искать убѣжища въ Америкѣ; затѣмъ произведенія географическія и педагогическія, религіозныя и пѣдѣгическія. Онъ не довольствовался этимъ; основалъ благотворительныя учрежденія для своихъ работниковъ, организовалъ въ голодный годъ энергичную помощь, въ чемъ ему оказывалъ поддержку одинъ молодой другъ въсѣмъ своимъ, болѣе чѣмъ миллионнымъ состояніемъ; такъ великъ былъ авторитетъ его начинанія, которое впервые совершенно освободилось отъ официальнаго опекунства. Хотя и не свободный отъ заблужденій розенкрейцерства и пѣдѣтизма, Новиковъ, однако, сознательно выступалъ за идеалы своего младшаго друга, служилъ просвѣщенной религіозности «внутренней» церкви, возбуждая обвиненія въ неспроверженіи виѣшней, официальной, интересовался сектантами, отпечаталъ рѣзкую анти-иезуитскую исторію ордена, что опять весьма не понравилось императрицѣ, покровительницѣ иезуитовъ въ Россіи, преслѣдовалъ еувѣріе и нетерпимость, за что императрица называла его фанатикомъ.

Боязнь Екатерины, не знавшей источника денежныхъ средствъ Новикова и считавшей его филантропическую дѣятельность только эгоизмомъ, одурачиваніемъ невѣжественныхъ простаковъ, возрастала постоянно; съ 1785 г. начались явныя притѣсненія. Прежде всего было мобилизовано противъ него духовенство; московскій митрополитъ Платонъ долженъ былъ провѣрить религіозную благонадежность многихъ сотенъ печатныхъ статей Новикова и его самого. Платонъ раздѣлилъ ихъ: на безусловно полезныя — особенно при бѣдности русской литературы; — на непонятныя ему: «мистическія» и на безусловно вредныя, ех-любимыя императрицей: энциклопедическія; о самомъ Новиковѣ онъ выразился торжественно: молюсь Всевышнему, пусть были бы не только въ довѣренномъ мнѣ стадѣ, но и во всемъ свѣтѣ такіе христіане, какъ Новиковъ! Не только духовное, но и свѣтское оружіе отказалось; еще въ 1791 г., на

значенный для особо тайнаго изслѣдованія, графъ Безбородко не нашелъ никакого повода обвинить Новикова; между тѣмъ императрица, еще болѣе напуганная книгой Радищева, уже предвѣстила его погибель. Въ 1791 г. онъ долженъ былъ закрыть «Типографскую компанію» и въ 1792 г. былъ подвергнутъ инквизиціи Прозоровскаго и Шешковскаго, которые пришли къ заключенію, что все поведеніе Новикова исходило изъ стремленія скрыть свое преступленіе; только сущность самого преступленія «старая пушка» не могла опредѣлить, хотя она чувствовала даже въ Новиковскихъ цитатахъ изъ Свящ. Писанія краснорѣчивые признаки пагубныхъ плановъ и преступнаго ученія! Новиковъ былъ схваченъ, какъ опаснѣйшій государственннй преступникъ, и отвезенъ въ Шлиссельбургъ, гдѣ съ нимъ обращались такъ жестоко, что онъ тщетно умолялъ царицу о жалости. Павелъ, вступивъ на престолъ, сейчасъ же освободилъ невиннаго; онъ долженъ былъ просить его на колѣняхъ о прощеніи за преступленіе, которое императрица учинила надъ нимъ. Допросъ и темница окончательно сломили мученика; онъ влачилъ еще долгіе годы въ строгомъ уединеніи, взявъ на себя попеченіе объ оставшихся безъ всякихъ средствъ вдовахъ Шварца, Гамалтя. Единственное преступленіе, въ которомъ онъ былъ уличенъ, это печатаніе масонскихъ сочиненій, хотя масонство, какъ таковое, не было запрещено; подлинное же—въ его открытой, энергичной филантропической дѣятельности, въ его широкомъ моральномъ вліяніи, котораго самодержавіе не могло терпѣть рядомъ съ собою; къ этому присоединялся паническій ужасъ передъ революціей, жертвою котораго пали, напр., другіе возвратившіеся изъ заграницы масоны—убѣжденные сторонники революціи!

Масонская литература въ Россіи, расцвѣтшая въ періоды времени между 1775—1792 и 1806—1820, богата числомъ своихъ произведеній, но не ихъ значеніемъ; перевѣсъ брали почти исключительно переводы начиная съ сочиненія Св.-Мартина и Аридта «Объ истинномъ христіанствѣ», до Эккартгаузена и Юнгъ-Штиллинга. Гораздо интереснѣе, чѣмъ эти переводы и оригинальные труды Елагина, петербургскаго гросмейстера, Тургенева, доказывавшаго, что только масонъ въ состояніи выполнить идеаль хорошаго вѣрнопопданнаго и т. д.,—сами люди; прежде всего Лопухинъ—Лопухина была первою женою Петра В. Европейецъ довольствуется слишкомъ часто теоріей и абстракціей, зато его жизненный корабль плыветъ совсѣмъ по другимъ путямъ; русскій принимаетъ теорію въ серьезъ и переставляетъ ее на мѣсто дѣла. Такъ было и съ Лопухинымъ, который, несмотря на свое масонство и мистику, много разъ такъ живо напоминаетъ Толстого, даже прямо является предшественникомъ его. Мы пожалуй найдемъ наивною его борьбу противъ Гольбаха, которому онъ незадолго предъ тѣмъ дивился и котораго переводилъ; быть можетъ его «Духовный рыцарь или ищущій премудрости» и его «Очерки внутренней церкви» (то и другое отпечатано многократно на иностранныхъ языкахъ) покажутся намъ не совсѣмъ понятными, благодаря масонской или скорѣе мистической терминологіи. Пусть его драма «Тріумфъ справедливости и добродѣтели или праведный судья» (1798) совсѣмъ не драматична,—намъ импонируетъ судья и сенаторъ Лопухинъ, который всегда заступался за обвиняемыхъ,—товарищи называли его за это мартинистомъ, который столѣтіемъ раньше выступалъ съ аргументами и ходомъ мыслей, извѣстными намъ изъ Толстовскаго «Воскресенія»; онъ добился гуманнаго отношенія къ сектѣ духоборовъ, принятыхъ позже Толстымъ подъ свою защиту, несмотря на сопротивленіе духовенства, которое поносило его еретикомъ; свое имѣніе онъ раздѣлил между бѣднягами,—генераль-губернаторъ Москвы, эта «старѣйшая пушка», заподозрилъ его въ поддѣлкѣ монетъ; никогда не могъ понять Лопухинъ, какъ это люди могутъ бояться пить постомъ чай съ сахаромъ, и безъ всякаго чувства

робости совершать величайшія подлости по отношенію къ своимъ ближнимъ. Такъ, Лопухинъ, какъ Толстой, думалъ въ своихъ письменныхъ трудахъ, какъ и на дѣлѣ, объ истинной пользѣ человѣка,—только не доставало ему Толстовскаго таланта. И такихъ личностей русское масонство знаетъ очень много; напр., ученика Лопухина, Невзорова, который годами, благодаря Екатеринѣ, оставался заточеннымъ въ сумасшедшемъ домѣ, который, какъ чловѣкъ правды, порвалъ со всѣми и, раздавъ все имущество, оставался нищенски бѣднымъ. Самымъ значительнымъ былъ Лабзинъ, котораго Шварцъ въ числѣ другихъ юношей наставилъ относительно Гельвеція, Руссо, Спинозы и обратилъ къ вѣрѣ, о которой тогда немного знали;—Св. Писаніе было почти всѣмъ большею частью неизвѣстно, казалось существующимъ только для духовенства; самые набожные были убѣждены, что чтеніе его могло только смутить мірянъ. Лабзинъ сдѣлался потомъ ревностѣйшимъ переводчикомъ Юнгъ-Штиллинга и издавалъ «Сіонскій Вѣстникъ», запрещенный, конечно, скоро Святѣйшимъ Синодомъ и снова ожившій при Разумовскомъ и Голицинѣ, когда масоны получили руководящее вліяніе въ министерствѣ просвѣщенія и пока они не были отвержены на всегда подлинными стражами Сіона, непримиримыми ортодоксами. Въ этотъ второй періодъ масоны приобрѣли себѣ печальную славу, какъ обскуранты наихудшаго разбора, противники революціи, дерзости чловѣческаго ума, испытующаго знанія; но, во всякомъ случаѣ, не должно забывать того, что сдѣлали старшіе изъ нихъ для распространенія гуманныхъ и справедливыхъ идей въ странѣ начальственнаго произвола и судебной неправды.

Нѣмецко-англійское вліяніе не ограничивалось исключительно рамками масонства и иллюминатства; для литературы, какъ таковой, была плодотворнѣе другая сторона этого направленія, которое стало въ рѣзкую оппозицію исключительному французскому вліянію, псевдоклассицизму равно какъ и его рационализму, сухости и трезвости петербургской литературы, выступило за права сердца и чувства противъ чрезмѣрнаго господства *raison-a;* громъ Ломоносова—Сумароковскихъ одъ и драмъ оно промѣняло на «сладкій» слогъ Карамзина, завоевало сердца молодежи, вызвало переворотъ на Парнасѣ въ выборѣ матеріала, стилѣ и языкѣ, и создало первые рѣзкіе литературные контрасты.

Герой этого переворота, первый русскій литераторъ, оказавшій дѣйствительное образовательное вліяніе на весь читающій міръ, его любимецъ, послѣдующій историографъ русскаго государства,—Карамзинъ. Тургеневъ ввелъ его въ кругъ московскихъ масоновъ, гдѣ продолжали дѣйствовать традиціи Шварца; тутъ онъ заключилъ сердечный союзъ съ единомышленниками (Петровъ), вступилъ въ пѣтистически-масонскую мастерскую, сначала, какъ переводчикъ Галлера и др. Но масономъ онъ не сдѣлался, хотя послѣ и вспоминалъ съ благодарностью объ ихъ дружескомъ содѣйствіи. Пѣтистомъ Карамзинъ не былъ рожденъ; отъ этого его предохраняла уже его жизнерадостность, сантиментальныя склонности, чувство къ природѣ, его съ ранней юности пробужденный интересъ къ литературѣ. Не французы привлекали его, а англичане и нѣмцы, Югъ и Томсонъ, Ричардсонъ и Стернъ, Галлеръ и Гесснеръ, Гердеръ и Лафашеръ, Руссо, но не Вольтеръ. Въ Москвѣ, уже въ пансіонѣ у проф. Шадена, потомъ черезъ Петрова и др., также чрезъ Ленца онъ рано познакомился съ этой литературой, перевелъ Эмилию Галотти, Юлія Цезаря (который въ 1794 году былъ запрещенъ, какъ опасная книга); но восхищеніе Шекспиромъ, Гете и Шиллеромъ у него скорѣе дѣланное, чтобы не выказывать отсталости; наоборотъ Оссианъ дѣйствительно воодушевлялъ его, для Стерна онъ не можетъ найти достаточно похвальныхъ эпитетовъ и, умалчивая о Гете и

Шиллеръ, онъ дивится Галлеру, величайшему философу-поэту, Теоокриту Альпъ, Гесенеру, безсмертному пѣвцу весны, Клейсту, пѣвцу Мессіады, которую перевелъ его старшій сотоварищъ изъ московскаго кружка, Кутузовъ,—Виланду, его юмористическимъ вещамъ.

Сантиментальнаго юношу, «прекрасную душу», томила жажда по свѣжимъ впечатлѣніямъ, и вотъ онъ предпринялъ заграничное путешествіе, которое должно было сдѣлать эпоху въ русской литературѣ. Во время этого путешествія, 1789 и 1790, чрезъ Кенигсбергъ, Веймаръ, гдѣ онъ посѣтилъ Гердера и Виланда, не Гете, чрезъ Швецію, Парижъ, Лондонъ, моремъ обратно, отмѣчалъ онъ впечатлѣнія, собиралъ литературу и по возвращеніи изложилъ видѣнное и еще болѣе пережитое въ тогда столь излюбленной формѣ, въ «Письмахъ русскаго путешественника»; эти письма украшали новооснованный имъ «Московскій журналъ» (1791 и 1792), представляя томы безконечныхъ продолженій, которыя онъ продолжалъ въ альманахахъ: «Аглайя», «Аониды», потомъ въ «Пантеонѣ иностранныхъ и русскихъ писателей». Онъ избралъ себѣ образцомъ не Стерна, хотя дѣйствительно точно держался маршрута, наставляя русскаго читателя относительно всѣхъ достопримѣчательностей, описывалъ мѣста, отыскивалъ мужей науки, отъ Канта до Лафатера; конечно, онъ безпрестанно прерывалъ объективность разсказа проявленіями мечтательности, преизобилія чувствъ, веселыми замѣчаніями, анекдотами и разсказами. По отношенію къ событіямъ въ Парижѣ онъ долженъ былъ изъ уваженія къ императрицѣ притвориться возможно наивнымъ, даже равнодушнымъ; уже это ставили ему позже въ упрекъ, обвиняли его въ распространеніи французскаго яда. Въ Англіи путешественникъ интересовался конституціей и судомъ присяжныхъ, и болѣе, чѣмъ это подобало русскому. Карамзинъ горячій поклонникъ гуманности: все національное ничто въ сравненіи съ человѣческимъ; главное быть человѣкомъ, не рабомъ; что для человѣка хорошо, не можетъ быть дурно для русскихъ;—позднѣе онъ думалъ иначе. Терпимость, истинная религіозность, безъ конфессіональныхъ ограниченій, свобода, равенство и братство заманчивы и для него. Онъ не раздѣлялъ ни одного идеала своей императрицы, не упоминаетъ о ней, вовсе не обнаруживаетъ особеннаго уваженія къ Фридриху II; зато восхваляетъ Петра Великаго, лучшаго просвѣтителя Россіи, превозноситъ его реформы, какъ источникъ многихъ благъ. Онъ стремится къ спокойной умственной работѣ, на лонѣ природы, среди друзей—и это вовсе не были фразы; онъ дѣйствительно отказывался отъ всякой карьеры—одинъ изъ немногихъ русскихъ литераторовъ по призванію. Отсюда его почтеніе предъ Англіей, восхищеніе предъ Швейцаріей; въ сердцѣ Карамзинъ всегда оставался республикански настроеннымъ, плакалъ при извѣстіи о смерти Робеспьера, что позже совѣмъ не помѣшало ему въ качествѣ реакціонера, коренного русскаго, критиковать реформу Петра и возвышать свой предоостерегающій голосъ противъ всякаго умаленія самодержавія,—непоследовательность, которая какъ разъ у русскихъ еще и теперь часто встрѣчается: либеральное, даже оппозиціонное настроеніе въ рѣчахъ и мысляхъ идетъ на ряду съ совершенно противоположнымъ въ дѣлахъ; двойная бухгалтерія повидимому, въ дѣйствительности же простая, переходящая неслѣдовательность ума, въ сравненіи съ столѣтнимъ, привычнымъ, впитавшимся въ плоть и кровь деспотизмомъ.

На читателя эти письма, позднѣе отдѣльно изданныя и много разъ передѣланныя, производили необыкновенное впечатлѣніе. Они не обращались, какъ вся прежняя литература, къ разуму; они апеллировали къ сердцу, вызывали слезы умиленія и радости, изображали природу, восхваляли все доброе и благодородное. Пусть чисто информаторская часть этихъ путе-

выхъ писемъ была заимствована, все же восхищали тонъ, трогательное настроеніе, ликованіе сердца, все было выражено отъѣнно простымъ, естественнымъ, свѣжимъ, яснымъ, гладкимъ языкомъ. Отъ варваризмовъ Ломоносова и его прославленнаго высокаго или средняго штиля Карамзинъ сумѣлъ сохранить свободнымъ свой природный вкусъ; съ европейскими мыслями и чувствами соединилъ онъ и европейскій способъ выраженія. Карамзинъ не остановился для новыхъ потребностей своего выраженія составить новыя слова (по иностраннымъ, французскимъ или нѣмецкимъ), или даже сохранить нѣкоторые «варваризмы», т. е. иностранныя слова. Богъ всякаго педантизма произвелъ Карамзинъ эту реформу; онъ впервые дѣйствительно освободилъ русскій письменный языкъ отъ «славянскаго», указавъ ему естественный, непринужденный порядокъ словъ, присоединилъ къ нему и новое сокровище—большая часть его словопроизводства сохранила значеніе навсегда.

Для сентиментальнаго направленія еще большее значеніе имѣли два его разсказа: «Бѣдная Лиза» и «Наталья, боярская дочь»; они вызвали цѣлый рядъ подражаній; первая сдѣлала окрестности Симонова монастыря, гдѣ мнимо происходило дѣйствіе разсказа, мѣстомъ свиданія всѣхъ чувствительныхъ персонъ. Бѣдная Лиза была добродѣтельная, неопытная крестьянка, которую соблазняетъ и отталкиваетъ московскій ловеласъ, Эрастъ; опозоренная она кончаетъ самоубійствомъ. Боярская дочь была еще худшимъ прегрѣшеніемъ противъ всякой правды. Карамзинъ не остался, однако вѣренъ своей литературѣ; онъ, отличаясь отъ всѣхъ современниковъ широкимъ литературнымъ образованіемъ, вкусомъ и критическимъ смысломъ, увидѣлъ себя вынужденнымъ ради личной безопасности совершенно прекратить литературную дѣятельность; за мрачными днями старой императрицы послѣдовало ужасное господство цензуры, Туманскаго въ Ригѣ и т. д., цензура, невѣроятная ограниченность которой соотвѣтствовала ея необычайной злобности. Она запретила: «Ежегодники прусской монархіи», ибо они содержали критику папства и утверждали, что реформація была необходима; «Странствованія по Нидерландамъ», такъ какъ они позволили себѣ непочтительный отзывъ о Карлѣ V. и о Карлѣ V; «Всеобщій учебникъ для гражданскихъ школъ», потому что онъ рабство представлялъ противнымъ разуму; «Нравственные разсказы для дѣтей отъ 8—12 лѣтъ» за утвержденіе, что всѣ люди братья и т. д. Такъ свирѣпствовала цензура противъ иностранныхъ книгъ; на русскихъ она не могла наступать, ибо таковыхъ, вообще, больше не появлялось. Египетская тьма начала безпрепятственно распространяться надъ Россіей. Карамзинъ потерялъ почву подъ ногами; Туманскій уже въ 1792 г. обвинилъ его въ томъ, что онъ среди неопытной молодежи сѣетъ ядъ почитанія всего иностраннаго и пренебреженія къ родинѣ; его спасли только близкія отношенія къ любимцу Павла, но охоту и чувство къ изящной литературѣ потерялъ онъ навсегда; Карамзинъ обратился къ изслѣдованію прошлаго. Относительно его тогдашнихъ стиховъ имѣетъ значеніе то же, что мы сказали и о его фразѣ, они пріятны своей простотой и естественностью, прежде всего элегически сентиментальны, оплакиваютъ смерть друга, превратность земного счастья.

Это два главныхъ направленія екатерининской литературы: петербургское, французское, покровительствуемое императрицей, правда только до извѣстныхъ границъ, придворное и сатирическое вмѣстѣ; въ противоположность ему Москва, съ тѣхъ поръ какъ она пулучила высшую школу, охраняетъ въ теченіе цѣлаго столѣтія свою свободу и независимость. Она покидаетъ проторенныя петербургскія тропы, отыскиваетъ новыя, освобождаетъ писателей отъ унижающей службы дня, отъ временныхъ фаворитовъ, заставляетъ его слышать собственное сердце и чувство, оставляетъ ему мо-

ральный авторитетъ, столь неудобный для властителей въ Петербургѣ. Раздѣленіе умовъ, впрочемъ, вовсе не было рѣшительнымъ; Радищевъ уже существенно затронуть сентиментальнымъ направленіемъ; Новиковъ былъ сперва порицателемъ, прежде чѣмъ сдѣлался учителемъ своихъ согражданъ; но въ существенномъ противоположность между Петербургомъ и Москвой сводится къ разницѣ между натянутостью французскаго, раціоналистическаго псевдоклассицизма и нѣмецко-англійской свободой чувства, формы и выраженія.

На промежуточную область между обоими направленіями падаетъ рядъ литературныхъ явленій, которыя преобладая то здѣсь, то тамъ, только имѣютъ цѣль устранить пробѣлы прежней литературы, восполнить категоріи русской эпикки, анакреонтики и т. д., дабы ни одинъ изъ признанныхъ псевдоклассическимъ кодексомъ родовъ не остался не представленнымъ; въ сущности простое заполненіе литературы.

Такъ настоятельно чувствовался недостатокъ въ эпопеѣ. Прежніе Петриады Кантемира и Ломоносова или Телемахиды Тредьяковскаго никого не обманывали относительно этого недостатка, восполнить который удалось впервые масону и позднѣе попавшему въ немилость Хераскову, одному изъ патриарховъ русской литературы, просвѣщенному, благородно мыслящему, поэтически совершенно немощному писателю; изъ его богатаго наслѣдія романовъ, трагедій, одъ и т. д. обѣ поэмы «Россиада» (1779) и «Владимиръ» (1785) удѣлили въ памяти потомковъ. Только «Россиада», строго говоря, настоящая эпопея, которая подражаетъ Генриадѣ; въ двѣнадцати обязательныхъ пѣсняхъ, съ непремѣнными персонификаціями неба и ада, добродѣтелей и пороковъ, съ постоянными видѣніями, пророчествами о величіи Россіи, съ эпизодами и отступленіями, воззваніями, картинами и сравненіями, пишется въ стихахъ выдуманная съ начала до конца исторія о покореніи Казани царемъ Иваномъ IV въ 1552 г.; русскаго тамъ—два-три имени, все остальное Вольтеръ, Шассо и Вергилій; хорошо задуманный планъ развивается неуклюже, несмотря на всѣ труды и прилежаніе, изложеніе выполнено дурно, и вся поэма производитъ удручающую скуку. «Владимиръ» хуже уже потому, что это не разсказъ, но аллегорія: каждый изъ насъ долженъ искать истину и противостоять искушеніямъ, какъ это дѣлаетъ Владимиръ, пока онъ съ помощью покровителя славянъ, Св. Андрея, не находитъ истинную вѣру, при чемъ ему мѣшаетъ злой духъ, соблазняя прельщеніями языческихъ жрецовъ, красивыхъ женщинъ и т. д. Впрочемъ, не слѣдуетъ дѣлать отвѣтственнымъ за это содержаніе Владимира только масонство Хераскова, который, будучи попечителемъ университета, призвалъ и поощрялъ Шварца и Новикова; ибо уже задолго раньше въ своемъ разсказѣ «Нума Помпилій» (1768, слѣд. гораздо раньше Флоріанскаго «Нумы») представилъ Римъ, разумѣя подъ нимъ Россію и современную эпоху, что видно изъ самаго содержанія, начиная съ эпитафиа, *Puissent tous les hommes se souvenir, qu' ils sont frères*, до проповѣди религіозности въ храмѣ Весты и заключительнаго стихотворенія съ прославленіемъ Екатерины. Молодой Карамзинъ могъ назвать Лафатеру только два большихъ произведенія, «Россиаду» и «Владимиръ»; но только первая, которая не подлежала аллегорическому толкованію, въ теченіе десятилѣтій пользовалась дѣйствительной славой національной эпопеи, еще въ 19 ст. могла приниматься въ серьезъ любителями староотцовской напыщенности и неестественности (вспомнимъ, напр., декламацию тургеневскаго лакея).

Несравненно жизненнѣе были опыты въ комическомъ эпосѣ; русскій Скарронъ назывался Майковымъ; грубо непристойныя картины его «Елисей» совѣтъ не позволяли предполагать въ немъ позднѣйшаго масона и друга Хераскова. Но даже и комическій эпосъ не могъ отдѣлаться отъ

псевдоклассическаго балласта мѣологій. Токъ, Вакхъ разгнѣвался, что откупщики удорожаніемъ воды уменьшили толпы его почитателей, и побудилъ извозчика Елисея къ безчинствамъ, освободилъ его изъ темницы, настоявъ на этомъ въ одномъ изъ собраній боговъ, пока, наконецъ, Зевсъ не приказалъ запрятать его въ солдаты; въ фривольности и насмѣшкѣ подъ богами сцены не оставляютъ желать ничего большаго; но онѣ впервые забавляли также энергическимъ вторженіемъ народнаго кабачнаго и уличнаго быта въ рамки александрийскаго стиха; другіе поэты, Котляревскій, достигали той же цѣли пародіями на Энеиду à la Vishnauer даже на народномъ діалектѣ. Менѣе грубо, зато въ сущности фривольнѣе было подражаніе Лафонтеновской «Психеѣ» Богдановича; теперь эта вещь напоминаетъ намъ, какъ будто кто танцуетъ менуэтъ въ высокихъ неуклюжихъ мужицкихъ сапогахъ; современниковъ она восхищала. Представленіемъ Психеи въ качествѣ заколдованной русской сказочной принцессы, сравнительною легкостью языка, стихами съ мѣняющимися приемами и числомъ слоговъ, легкимъ тономъ цѣлаго, который освобождалъ отъ неестественности и скучноты академическаго эпоса Хераскова, Богдановичъ создалъ въ эпопеѣ то, что одновременно, съ большимъ талантомъ и размахомъ, пытался сдѣлать въ одѣ Державинъ.

Н. Ф. Богдановичъ.

Одописаніе со временъ Ломоносова никогда такъ не торжествовало; только трескотня шла на Парнасъ отъ бряцаній Майкова, Хераскова и всѣхъ другихъ «поэтовъ», къ которымъ присоединились, какъ особо призванные, Поповскій, Петровъ, Костровъ, московскій университетскій одописецъ, и др. Къ нимъ принадлежалъ и Державинъ. Неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства сильно замедлили его выступленіе на литературномъ поприщѣ, а какъ разъ литература много облегчала его жизненный путь, освобождала его часто изъ тяжелыхъ, почти безвыходныхъ положеній. Державинъ сдѣлался русскимъ одописцемъ, пѣвцомъ Екатерины и ея вельможъ, поставщикомъ для поэтической «галлеріи славы» современниковъ; въ панегирической литературѣ столѣтія онъ побилъ рекордъ; отблескъ екатерининскаго солнца упалъ на самого поэта и освѣщалъ его безконечныя строфы скрытымъ свѣтомъ: «Ты—славою—твоей; я—эхомъ буду жить», говорилъ съ правомъ поэтъ къ императрицѣ.

Рецептъ для одъ по словамъ поэта таковъ: воодушевленіе, смѣлый приступъ, полетъ, беспорядокъ, единство, многообразіе, краткость, вѣроятность, свѣжесть чувствъ и выраженій, воплощеніе и оживленіе, блестящія картины, отступленія и эпизоды, сомнѣніе и вопросы, антитезы, влеченія рѣчей, аллегорій, сравненія и уподобленія, удвоенія и усиленія, другія риторическія украшенія, нерѣдко мораль, но всегда гармонія и вкусъ, т.-е. извѣстныя предписанія эстетическаго катехизиса, требованіе лирическаго *désoûdte* и т. д., которыя уже и другіе «поэты» плохо-дурно пытались выполнять. Въ чемъ же теперь состояла особенность Державина, которая далеко возвысила его надъ этими другими, которая сейчасъ-же почувствовалась и была признана? Онъ началъ совершенно пустою высокопарностью Ломоносовскаго типа; но она не удовлетворила его самого. Совѣтъ его литературныхъ друзей, теорія Батто о подражаніи прекрасному, привлекательному

въ природѣ, примѣръ Горациа указали ему на болѣ легкій, пріятный, даже лукавый тонъ; его другъ Львовъ, напр., ставилъ цѣлью поэзіи простоту и естественность и боролся противъ Ломоносова какъ за насиліе, которое онъ причинилъ языку, такъ и за безнравственность его льстивыхъ и попрошайничавшихъ одъ. Такъ разорвалъ Державинъ свою оду. «На рожденіе на сѣверѣ порфиророднаго отрока», Александра I, написалъ въ 1779 г. новую, ввелъ простое описаніе зимы, которое поражало своею естественностью, однако, и онъ отважился сказать: не нимфы заснули отъ скуки между ска-

Державинъ.

лами и въ тростникъ, собрались вокругъ огня сатиры, чтобы погрѣть руки. Эта пародія à la Котляревскій или Майковъ равнымъ образомъ восхищала современниковъ. Самая извѣстная и значительная изъ этихъ одъ, которая обезпечила ему благосклонность и покровительство императрицы, «Фелица» (1782), мнимо составленная татарскимъ мурзой и переведенная съ арабскаго; чтобы не возникало никакого сомнѣнія, кого авторъ разумѣлъ подъ «богоподобною царицею киргизкайскаго орды», въ первыхъ строфахъ были помѣщены имена Фелица и Хлоръ, заимствованныя изъ сказокъ императрицы. Въ слѣдующихъ стихахъ Екатерина восхвалялась косвенно: берется противопоставленіе ея собственной, въ высшей степени простой, неустанно дѣятельной, строго правильной жизни и дѣятельности и времяпровожденія

ея «мурзы», тучнаго, лѣниваго, безсмысленнаго; еще дальше перечисляются достоинства Фелицы, прославляется переменъа время (теперь можно шептаться другъ съ другомъ и безъ боязни не произносить за столомъ тоста за царя, можно въ строкѣ съ именемъ Фелицы вычеркивать ошибки, даже уронить неосторожно ея портретъ); превозносится императрица, которая не хочетъ быть тиранномъ, которая дозволяетъ своимъ подданнымъ путешествовать за границу, которая заботится о бѣдныхъ. Стихотвореніе заканчивается увѣщеніемъ, что поэтъ ничего не ожидаетъ за это, и пожеланіемъ дальнѣйшаго благоденствія. Слѣдуетъ отмѣтить, что Державинъ зналъ тогда императрицу только по слухамъ и что его сужденія измѣнились, когда онъ могъ наблюдать ее вблизи. Чѣмъ менѣе искрененъ онъ былъ теперь, тѣмъ широкѣе и больше дѣлаются его оды, доходящія до 58 строкъ въ «Изображеніи Фелицы», что составляетъ главный недостатокъ этого стихотворенія. Другой—его неровность; Державинъ никакъ не можетъ удержаться на одинаковой высотѣ, унижается до банальной прозы; удачны мѣста у него чередуются съ совершенно плохими. Далѣе утомляютъ безпрестанныя гиперболы; наряду съ немногими, дѣйствительно грандіозными картинами, которыя возвышаютъ и потрясаютъ, портитъ впечатлѣніе чрезмѣрная изысканность, и искусственность. Онъ впадаетъ въ сухой тонъ перечисленій; рефлексія убиваетъ чувство; такъ, напр., въ знаменитыхъ одахъ: «Богъ»,—новомъ стихотворномъ *Symbolum Athanasianum*, «Безсмертіе души» съ ея схоластическихъ ходомъ доказательствъ и др. Только въ заключительной строкѣ «Бога» пробивается истинное чувство, но оно не вознаграждаетъ насъ за бряцаніе словъ и игру антитезами въ предыдущемъ; извѣстность, безконечное число разъ переведенной, даже на японскій (яз.), оды, совсѣмъ не соответствуетъ поэтическимъ достоинствамъ.

Не было ни одного фаворита и майната, ни одного значительнаго происшествія, завоеваніе Измаила, паденіе Варшавы и т. д., которыхъ бы не прославляла его Муза; такъ мы читаемъ объ осаждающихъ Измаилъ: «ничто имъ путь не возвыщаетъ: смертей ли блѣдныхъ полкъ встрѣчаетъ, или адъ скрежешетъ зѣвомъ къ нимъ: идутъ—какъ въ тучахъ скрыты грома, какъ двигнуты безмолвны холмы; подъ ними стонъ,—за ними дымъ. Идутъ въ молчаніи глубокомъ, собой пренебрегаютъ, рокомъ». Настроена эта ода на высокій тонъ: «Громъ побѣды раздавайся, веселися храбрый Россѣ, звучной славой украшайся» и т. д. Еще и въ позднѣйшихъ его одахъ вѣетъ самый гордый патріотизмъ: только воззрѣли мы къ Богу, вострепетули, какъ львы со сна. Мы имѣли врага, татаровъ, гдѣ они? Мы имѣли недруга, поляковъ, и гдѣ они? Мы имѣли того, имѣли этого, далеко они, но Россія» и т. д. Или: «О Россѣ (эта греческая форма должна звучать особенно благородно), о доблестивый народъ, единственный, великодушный, великій, сильный, славою звучный! По мышцамъ ты неутомимый, по духу ты непобѣдимый, по сердцу простъ, по чувству добръ, ты въ счастья тихъ, въ несчастья бодръ... въ терпѣнны лишь себѣ подобенъ». Гиперболы приводили и поэта къ столкновеніямъ съ императрицей, не позволившей печатать оды на Суворова изъ-за словъ, которыя звучали для нея якобински: «Тронъ подъ тобою, вѣнецъ у твоихъ ногъ, властитель въ плѣну»; еще болѣе недоразумѣній было съ цензурою Павла, которая усомнилась въ стихѣ «Фелицы»: Желѣзный скипетръ самодержавья своею щедротою озолочу я». Пришлось пропускать его, и чрезъ это возникъ пробѣлъ въ строкѣ, которую поэтъ подъ приличными предлогами медлил измѣнять.

Несравненно чаще были конфликты съ правдой. Храповицкому, который посоветовалъ ему воспѣвать истинныхъ героевъ, а Потемкиныхъ и ихъ единомышленниковъ оставить въ «потемкахъ», Державинъ отвѣчалъ: «должны мы всегда стараться, чтобы сильнымъ угодить... Рабъ и похва-

лить не можетъ: онъ лишь можетъ только льстить. За слова—меня пусть гложетъ, за дѣла—сатирикъ чтить». Къ Геликону влекли его: природа, нужда и враги. Слѣдуетъ по крайней мѣрѣ признать, что Державинъ никогда не изливалъ своего гнѣва на людяхъ и безъ того уже униженныхъ; что его поэзія не могла быть заказана по прихоти; тщетно ожидала императрица долгое время продолженія оды Фелица; онъ оставлялъ безъ вниманія относящіеся сюда намеки; только изъ страха передъ его сарказмами должна была Екатерина назначить его сенаторомъ. И при Павлѣ Державинъ молчалъ довольно упорно. На открытыя нападенія онъ рѣшался правда еще менѣе, на Потемкина, напр., только послѣ смерти, сравнивая его съ Румянцевымъ; но общими фразами онъ охотно задѣвалъ судей и властителей, напр., въ извѣстномъ перифразѣ 82 псалма, который былъ запрещенъ цензурой.

Сентиментальнымъ настроеніямъ его разсудочно настроенная натура оставалась всегда чужда (отсюда предпочтеніе къ анакреонтическимъ пѣснямъ); но такъ какъ онъ не отставалъ отъ моды, то съ 1790 г. попадаютъ ясныя оссіановскіе тоны въ его пѣняхъ; такъ, уже въ одѣ на Измаилъ: «Уже въ Эвксинѣ съ полунощи межъ водъ и звѣздъ лежитъ туманъ: подымь плывуть дремучи рощи; средь нихъ, какъ горь отломогъ льдянь, иль мужа нѣка тѣнь сѣдая сидитъ, очами озирая; какъ полный мѣсяць щитъ его, какъ сосна, рында, обожженна глава до облакъ вознесена,—орелъ надъ шлемомъ у него»; особенно, однако, въ «Водопадѣ» на смерть Потемкина, съ великолѣпнымъ вступленіемъ, пластическимъ изображеніемъ грандіозной картины природы; оду портитъ только чрезмѣрная величина (74 строфы!). Къ простымъ предметамъ нисходятъ его пѣсни только изрѣдка, все-таки ему весьма удалось кое-какія вещи, напр., «Ласточка»; другія только съ виду просты, какъ пѣсня о счастьѣ, т. е. объ императрицѣ, съ язвительными уколами, направленными противъ отдѣльныхъ фаворитовъ. Поэтому онъ считалъ возможнымъ сказать о себѣ въ подражаніе Гораціевскому *Echedi monumentum*: «Изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ, что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ, о добродѣтеляхъ Фелицы возгласить, въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ, и истину царямъ съ улыбкой говорить». Переводовъ Державинъ далъ немного; кромѣ переложеній псалмовъ, нѣсколько подражаній Козегартену, Гагедорну, Рамлеру, Галлеру; Шиллеръ былъ для него слишкомъ скученъ, онъ находилъ у него только слова, мякину безъ зерна; то у Шиллера не было Пиндаровскаго огня, то остроумія Горація. Всему, что имѣло успѣхъ, онъ пытался подражать; писалъ невозможныя драмы, оперы, комедіи, несравненно лучшія басни, именно политическія: о французской революціи, о раздѣленіи Польши: «Безполезно копаемъ мы безпомощному сосѣду могилу, хуже будетъ намъ жить съ волкомъ и медвѣдемъ и т. д.» Онъ остается пѣвцомъ Екатерины: «Съ ея смертью—что буду я пѣть?» Теперь засыпаетъ его муза; цѣликомъ наполняя его жизнь, она все же была для него скорѣе только времяпровожденіемъ; Фелицѣ онъ говоритъ: Поэзія тебѣ любезна, пріятна, сладостна, полезна, какъ лѣтомъ вкусный лимонадъ». Это точка зрѣнія Тредьяковскаго и Ломоносова.

Какъ драмы Сумарокова и Княжнина, какъ поэмы Хераскова, такъ и оды Державина имѣли воспитательное значеніе, говорили о великихъ людяхъ, дѣлахъ и чувствахъ; онъ превосходилъ ихъ всѣхъ поэтическимъ талантомъ, склонностью къ грандіозному, импозантному. Настоящія зерна поэзіи часто разсыяны у него, какъ золото въ пустыхъ породахъ.

Гораздо менѣе плодотворна была дѣятельность друга Карамзина, Дмитриева, несмотря на его долгую жизнь, которую онъ провелъ также, какъ и Державинъ, въ качествѣ юстицъ-министра, но безъ содѣйствія одъ, хотя

эти императрицѣ часто весьма правились; онѣ были во всякомъ случаѣ короче и появлялись рѣже, въ остальномъ держались почти прежнихъ основаній, были богаты гиперболою и преувеличеніями. Это впрочемъ не помѣшало поэту въ лучшей написанной имъ сатирѣ «Чужой толкъ» осмѣять одописцевъ, которые уже всѣмъ наскучили: самъ Державинъ скоро признался въ этомъ, однако, до конца остался вѣрнымъ Парнасу. «Патріархъ литературы», какъ позднѣе назывался Дмитріевъ, хотя послѣдніи тридцать два года своей жизни онъ ничего не писалъ и только поддерживалъ обширную корреспонденцію съ друзьями, Карамзинымъ и др.,—удовлетворился приобретёнными лаврами: про него говорили даже, будто онъ для русской поэзіи сдѣлалъ то же самое, что Карамзинъ для прозы! Его заслуга состояла какъ разъ въ томъ, что онъ совершенно примкнулъ къ Карамзину и подражалъ ему; этотъ издалъ собраніе стихотвореній: «Мои бездѣлки», Дмитріевъ спустя годъ опубликовываетъ: «И мои бездѣлки»; онъ изготовлялъ легкія, пріятныя вещицы, альбомную поэзію и изощрялся въ вытачиваніи формъ, особенно въ своихъ переводахъ изъ Лафонтена.

Изъ изящной литературы романъ, благодаря своей прозаической формѣ, былъ почти исключенъ; беллетристомъ считался тотъ, кто писалъ стихи. И все-таки романъ уже тогда былъ излюбленнѣйшимъ и самымъ распространеннымъ литературнымъ жанромъ; онъ принималъ не малое участіе въ европеизованіи Руси, въ смягченіи нравовъ, расширеніи гуманныхъ воззрѣній, возвышеніи общественнаго тона; только романъ сдѣлалъ книгу изъ простаго предмета роскоши необходимою потребностью; онъ училъ русскихъ читать; его вліяніе проникало, быть можетъ, глубже, чѣмъ драматической литературы. Существенное различіе отдѣляло его отъ этой послѣдней; въ сравненіи съ изобиліемъ «оригинальныхъ» драмъ Суморокова, Княжнина и т. д. почти не существуетъ оригинальныхъ романовъ, все переводы, около 600 номеровъ, главнымъ образомъ, съ французскаго, такъ какъ и англійскія книги въ большинствѣ переводились только съ французскихъ подлинниковъ. Понятно, представлены всѣ роды романовъ, отъ моральныхъ, сентиментальныхъ, политическихъ, историческихъ, чудесныхъ, восточныхъ (особенно излюбленныхъ) и страшныхъ—Радклифа—до безнравственныхъ: Фоблаза и сотоварищей; длинный списокъ авторовъ идетъ отъ Лесажа до Флоріана, Коцебу, Лафонтена; есть Руссо и Вольтеръ; Мармонтель и Жанлисъ были особенно любимы. Такъ же многочисленъ и рядъ переводчиковъ; мы находимъ Визина, Карамзина, Тургенева съ нѣмецкими романами и т. д. Оригинальные труды едва составляютъ и два процента.

Теперь особенно слѣдуетъ отмѣтить политическій моментъ, который приобрѣтаетъ важное значеніе въ литературѣ романа. «Телемакъ» съ 1747 г. девять разъ выходилъ въ пяти различныхъ переводахъ; различные менторы воспитывали по нему молодыхъ князей, указывали на примѣры отвратительности тиранніи, пускались въ утопіи счастливыхъ странъ и добродѣтельныхъ правленій; только конецъ столѣтія значительно охладилъ это рвеніе. Типичный примѣръ представляетъ Херасковъ. Его «Нума или пылающій Римъ», 1768, почти безъ дѣйствія, состоитъ преимущественно изъ наставленій Егеріи, которая вступаетъ за монархію вельдствіе разнузданности и своекорыстія сенаторовъ, но монархъ долженъ быть свободно избранъ; правленіе—тяжелая ноша, отецъ отечества долженъ забыть о самомъ себѣ; любовь, а не преторіанцы должны защищать его; добродѣтели важнѣе, чѣмъ законы, добродѣтельнымъ прежде всего долженъ быть повелитель. Въ ближайшемъ романѣ, «Кадмъ и Гармонія», 1786 года, берутъ перевѣсъ уже мистическія направленія; Кадмъ поддается соблазну, и только послѣ очищеній можетъ найти свою «Гармонію»; но еще появляются рѣзкія выходки

противъ рабства и т. п. Потомъ Херасковъ выступаетъ уже противъ «свободы, уродливаго чудовища», противъ «выродковъ природы, друзей равенства, безсмыслия»; это въ «Полидорѣ, сынѣ Кадма» (1794 г.), который идетъ къ терзителямъ, т. е. французамъ и дико возбужденныхъ, ослѣпленныхъ вольводумцами людей приводить къ разумному порядку, который возможенъ только въ монархическомъ государствѣ,—что должно было доказывать и его «Царь и спасенный Новгородъ» (1800), на этотъ разъ въ стихахъ. Отъ давящей скуки этихъ «романовъ», безконечнаго «Арфаксада» Захарьина, «Храма истины» Львова и т. п. читатель бѣжалъ къ Эмину, который въ своемъ «Непостоянствѣ счастья или въ приключеніяхъ Мирамонда» и въ «Вознагражденномъ постоянствѣ или что случилось съ Лизаркомъ и Сармандой», заставлялъ своихъ героевъ предпринимать отдаленнѣйшія путешествія и блужданія, а въ «Письмахъ объ Эрнестѣ и Дорорѣ» онъ подражалъ «Новой Элоизѣ»; но и онъ провинился политическимъ романомъ, «Фемистокломъ». Безконечныя любовныя исторіи рассказываютъ герои неизвѣстнаго автора въ «Несчастномъ Никанорѣ или жизни русскаго дворянина Никанора»; повѣствованія были менѣе увлекательны, чѣмъ чувствительны, и прежде всего банальны. Пикантна была, зато съ моральною цѣлью, «Прекрасная кухарка или приключенія порочной женщины» Чулкова, которой обнаружилъ любовь къ народному языку, принявъ въ свой романъ многочисленныя идиотизмы и поговорки,—еще суворовскую весьма простую бібліотеку украшало это произведеніе: понятно; и у Чулкова не было недостатка въ политическихъ утопіяхъ. Дальше лучшее далъ 18-ти лѣтній Измайловъ: «Евгеній или гибельныя послѣдствія дурнаго воспитанія и общества». (1799—1801): Евгеній съ парой воспитателей, Пандаромъ и Сомподоромъ, которые заключили свою дѣятельность Сибирью, дѣлаетъ всякую честь пансіону Езельмана, съ достоинствомъ слѣдуетъ указаніямъ своей родительской четы и кончаетъ рано въ тюрьмѣ для несостоятельныхъ должниковъ въ Петербургѣ, куда онъ отправился для службы въ качествѣ гвардейскаго офицера; въ самую гвардію онъ былъ записанъ еще до своего рожденія; нравы времени или, вѣрнѣе, отсутствие ихъ проходитъ передъ нами съ необыкновенною правдивостью. Отъ этого многообщаваго начала реалистическаго романа авторъ скоро обратился, однако, къ журналистикѣ, баснямъ и т. д. Уже упомянутая нами исторія московскаго вора, Ваньки-Каина, положительно сдѣлалась народной книгой.

Изъ рамокъ беллетристики выходитъ всегда болѣе богатая литература мемуаровъ, такъ какъ различные дневники — Державина, Дмитріева и др. тоже предназначались вовсе не для опубликованія, а просто для фамильнаго архива, и издавались только спустя много десятилѣтій. Простотою тона и поразительнымъ содержаніемъ выдаются замѣтки княгини Долгорукой, которая черезъ три дня послѣ свадьбы послѣдовала въ Сибирь за своимъ мужемъ и по его рѣшенію вступила въ монастырь, гдѣ она въ 1767 г. и описала свою трагическую судьбу вплоть до прибытія въ Березовъ. Среди многочисленныхъ другихъ, часто очень обстоятельныхъ, напр., Болотова, необходимо упомянуть дневникъ секретаря императрицы, Храповицкаго, ибо онъ почти день за днемъ, 1782—1793, отмѣчаетъ сужденія императрицы о литературѣ, о политикѣ и даетъ цѣнное представленіе о духовной жизни замѣчательной женщины. Ради курьеза назовемъ еще «Правдивыя исторіи» и др. Хомякова, простаго солдата, рассказы о его простыхъ приключеніяхъ въ семилѣтней войнѣ и т. д., такъ какъ они тогда же появились въ печати не такъ, какъ остальные мемуары.

Этимъ мы заключаемъ разсмотрѣніе столѣтія. Въ чемъ было теперь его значеніе?

Россія впервые присоединилась къ духовной жизни Европы, предва-

рительно лишь внѣшне, такъ какъ результаты пренебреженія въ прошломъ не легко было устранить. Столѣтіе, преимущественно занятое разрѣшеніемъ внѣшнихъ государственныхъ вопросовъ, не оставило безъ вниманія и духовной области; созрѣвали уже слабыя зачатки литературы. А эта литература представлялась, большею частью, людьми, среди которыхъ и посредственные таланты были дѣйствительно рѣдки; но они все работали для одной цѣли; еще не было никакихъ междоусобій, никакихъ противоположныхъ направленій. Просвѣщенію, гуманности, добродѣтели учили Екатерина, какъ и масоны; обскуранты и славянофилы пска не возвышали своей головы. Оптимистически смотрѣли на дѣло, думали, что уже обладаютъ литературой, такъ какъ все ея виды имѣли уже русскихъ представителей. Критика отсутствовала совершенно; когда двое сходились, чтобы критиковать «Россиаду», обнаруживалось, что они способны были только къ наивному удивленію. Національнаго въ этой литературѣ не было ничего, кромѣ языка и имени, только въ рѣдкихъ случаяхъ присоединялось и содержаніе; духъ, освѣщеніе оставались чужими. Однако, сначала должны были создаваться внѣшнія формы, и дѣйствительною заслугою было усвоеніе мелодическаго стиха, выработка чистой прозы, яснаго выраженія: при томъ тормазѣ, какимъ былъ «Словенскій» языкъ», уже этимъ было много достигнуто. Безъ всякаго пониманія стояли передъ народомъ, его нуждами и идеалами, его языкомъ и традиціонной литературой; крѣпостное право образовало непроходимую пропасть, которая исключала всякое сближеніе. И все-таки уже пробуждался интересъ къ этому народу, народная лирика проникаетъ въ собранія пѣсенъ, наблюдаютъ обычаи, сочиняютъ даже на народные сюжеты—здѣсь снова выступилъ Радищевъ, который свободно переработалъ въ 12 пѣсняхъ народную книгу о Бовѣ, не подозрѣвая ея иностраннаго происхожденія; Карамзинъ далъ «Илью Муромца» и т. д.; пытались даже подражать свободному размѣру былинъ.

Въ сущности, однако, нигдѣ пока не вступили еще на путь настоящей литературы и «націи», литература была изгнана изъ жизни, ограничивалась небольшимъ кругомъ и форменно витала въ воздухѣ, не пустивъ въ національной почвѣ никакихъ корней. Она всегдѣ не имѣла традиціи; не разъ даже лучшіе представители ея были лишены болѣе основательнаго образованія—какъ неполно, случайно набрано отовсюду было, напр., литературное знаніе Державина или Дмитріева! Отсюда ихъ полная зависимость, беспомощность дѣтекая въ сравненіи съ иностранными образцами; отсюда одностороннее преобладаніе французскаго не только въ обществѣ, при дворѣ, но также и въ литературѣ, даже у людей, которые были подвержены нѣмецко-англійскому влиянію, напр., Карамзина: они думаютъ по-французски и пишутъ по-русски—именно прозой, которая, несмотря на Карамзина, далеко уступала поэтическому языку; простота, искренность, правдивость, которыхъ достигаютъ Державинъ, напр., въ извѣстномъ описаніи осени передъ Очаковымъ, и мѣстами Дмитріевъ, остаются невѣдомыми ихъ прозѣ, которая постоянно суха, вынужденна, вила, какъ дурной переводъ.

Литература упадаетъ до простой забавы, особенно послѣ того, какъ въ послѣднее десятилѣтіе былъ сдѣланъ рѣшительный шагъ къ созданію «легкой», анакреонтической поэзіи, которая должна была вытѣснить однообразную напыщенность одъ. Державинъ поставилъ на голову нормальное развитіе поэзіи, писалъ при старости самыя незначительныя и пустыя вещи, простыя бездѣлушки, — и кое-что удавалось ему недурно; съ этой мелкой поэзіи начнетъ еще и Пушкинъ, чтобы, наконецъ, покончить съ ней. Литература исключительно звучитъ панегирическимъ тономъ, какъ только она касается гласности; одинъ Державинъ дерзалъ въ свои гимны Екатеринѣ, въ свои «облака оиміама» вставлять рѣзкіе

нападки противъ разныхъ фаворитовъ, напр., противъ Завадовскаго и его кievскаго «прекрасно-схоластическаго пера». Поэтому эта литература не могла претендовать на какое-либо уваженіе и вниманіе; а если осмѣливалась она выходить за границы придворной поэзіи, то мы знаемъ уже, чего стоило появленіе «Путешествія» Радищева, самой богатой мыслию книги 18 ст.

Понятно, для народа эта литература не существовала, не только благодаря своему языку, этимъ защищался даже Радищевъ, но и по своему содержанію: въ русскихъ произведеніяхъ Державина постоянно пестрятъ наяды, нимфы и т. п. вещи. Но, въ сущности, она не была и для образованныхъ, которые все-же охотнѣе обращались къ источникамъ и подлинникамъ, къ французамъ, чѣмъ къ ихъ русскимъ разбавителямъ водой. Такъ случилось то, что знатные русскіе, не говоря о россиянкахъ, совершенно не понимали своей литературы. Сдѣлать французскую ошибку считалось непростительнымъ для нихъ; и на ряду съ этимъ они не могли даже правильно писать по-русски; они бывали всюду, только не у себя дома; еще императоръ Александръ I, напр., совсѣмъ не зналъ русской литературы. Постоянно французская бібліотека отца или сосѣда пробуждаетъ первую потребность чтенія и удовлетворяетъ ей; такъ было съ Карамзинымъ, Пушкинымъ и др. Такимъ образомъ, кругъ, въ которомъ дѣйствовала русская литература, былъ крайне ограниченъ: это нѣсколько человѣкъ изъ хорошаго общества, большею частью въ рангѣ и чинахъ, другъ-другу хорошо извѣстныхъ; всякая зависть, споръ, ненависть отсутствовали; любили другъ друга искренне, каждый выхвалялъ другого въ ожиданіи взаимности; доброжелательно совѣтовались о матеріалѣ и формѣ, о рифмахъ (весьма неизысканныхъ) и словахъ, радовались успѣху. Не въ жизни, зато, тѣмъ болѣе на Парнасѣ, господствовала самая благожелательная коллегіальность; спора о рангахъ не было; количество жалуемыхъ эпитетовъ—россійскій Пиндаръ, Гораций и т. д. до Лафонтена и Скаррона—было не легко истощить. Чѣмъ болѣе страшныя тучи скоплялись надъ русскою духовною жизнію, тѣмъ идиличнѣе, безпечнѣе жилось на русскомъ Парнасѣ; литература потеряла всякое чувство времени, казалась осужденной на безплодіе, назначенной для простаго баловства. Карамзинъ и Радищевъ умоляли, остальные анакреонтизировали довольно флегматично; какъ будто, они совсѣмъ не имѣли темперамента, даже такого, какимъ нѣкогда обладали Майковъ и до него прославленный порнографъ Барковъ. Связи съ природою, окружающимъ не было. Какъ ни малы по числу были болѣе новыя творенія народной музы, все же они вѣяли другимъ духомъ, напр., жалоба Ерша Щетинича, гдѣ необыкновенно смѣло пародировалась судебная процедура; и это, быть можетъ, еще въ XVII ст.; то же самое, что теперь дѣлалъ Сумароковъ; тутъ все было русское, ничего условнаго, космополитическаго. Конечно, здѣсь должно уже принять во вниманіе роковое значеніе цензуры; что значили повышенія или дозы табака съ дукатами для Державина и его сотоварищей въ сравненіи съ разслабляющимъ гнетомъ, который дѣлалъ невозможнымъ всякую приличную мысль! Если спустя десятилѣтія князь Вяземскій утверждалъ: «Дайте намъ не полную, только умѣренную свободу печати—въ одинъ годъ преобразится наша литература!» то то же самое имѣло значеніе и для конца XVIII ст. Но почва была взрылена, сѣмена европейской цивилизаціи и духовной культуры были брошены; имъ нужно было только пережить страшную зиму, чтобы взойти съ весенними лучами. Пусть внѣшніе успѣхи Петра и Екатерины захватывали духъ современниковъ, пусть эти совершенно пренебрегали медленнымъ, незамѣтнымъ вліяніемъ знанія и искусства, наконецъ, и здѣсь должны быть достигнуты успѣхи, которые едва ли

уступали тѣмъ. Они, правда, были представлены только XIX стол., ихъ зерна посажены, однако, въ XVIII.

ПЯТАЯ ГЛАВА.

Эпоха Александра I.

Новый властитель. Выкапываніе Екатерининскихъ мумій, ихъ борьба противъ новаго направленія. Шишковъ и Карамзинъ. Батюшковъ. Петербургская литература, Рылъевъ и Грибоедовъ. Московская, историкъ Карамзинъ; переводчикъ Жуковский. Русское классическое обученіе. Проза, Наръжнѣй и его романы.

«Вѣкъ новый! Царь молодой, прекрасный, пришелъ днесь къ намъ весны стезей!... Умолкъ ревъ Норда сиповатый, закрылся грозный, страшный взглядъ; на лицахъ россовъ радость блещетъ... Не возрожденъ ли прежнихъ благъ? Екатерина воскреситъ знатъ Александра въ временахъ: ..она во внугѣ будетъ надъ нами царствовать во вѣкъ... Народны вздохи, слезны токи, молитвы огорченныхъ душъ, какъ паръ возносятся высокій, и зарождаютъ громъ среди тучъ: онъ вернется, падетъ незапно на горды зданіевъ главы. Внемлите правдъ сей стократно, о власти сильныя, и вы! Внемлите — и тѣнить блюдитесь вамъ данный управлять народъ».

Эта ода Державина, впрочемъ, не могла быть напечатана, ея намеки на политическую насильственную мѣру, на катастрофу, которая постигла Павла, слишкомъ явны; тѣмъ быстрѣе распространилась она въ спискахъ—«Будь еще тайная канцелярія, тогда бы Вася... говорили сенаторы Державину. Петербургское общество, вздохнувъ облегченно, предалось ликованію, «прекрасное начало дней Александра» давало достаточный поводъ; около 12000 ссыльныхъ было возвращено, ужасная «Тайная канцелярія» упразднена, политическія преступленія должны подлежать рѣшеніямъ обычныхъ судовъ, запрещеніе на иностранныя книги было снято; одно либеральное мѣропріятіе шло за другимъ во «вновь измѣнившейся Россіи».

Мирное время — Европа, казалось, снова возстановила нарушенное равновѣсіе — должно было быть использовано для коренныхъ реформъ внутри. Впрочемъ, приступали не къ самому важному, къ уничтоженію крѣпостного права, такъ какъ устрашили материальной стороны дѣла, хотя императоръ никого не оставлялъ въ сомнѣніи относительно того, какъ онъ думалъ о рабствѣ. Такъ же мало могли рѣшиться исполнить требованіе еще Радищева: совершенно уничтожить цензуру, но весьма либеральный проектъ крайне ограничивалъ ея полномочія и произволь. Въмѣсто прежнихъ коллегіальныхъ учрежденій были установлены министерства, и наибольшую заботу проявили по отношенію къ министерству просвѣщенія; были открыты новые университеты, введенъ либеральный университетскій уставъ по иностранному образцу; только богословскую науку оставилъ за собой синодъ, для своихъ духовныхъ семинарій. Были приглашены чужеземные ученые; заботились о будущемъ поколѣніи. Лучшія намѣренія им-

Александръ I.

ператора и его большею частью молодыхъ совѣтниковъ, Чарторыжскаго, Новосильцева и др., были на виду у всѣхъ.

Юный императоръ былъ въ душѣ, какъ и Карамзинъ, пожалуй, республиканцемъ; обученіе обоихъ великихъ князей, какъ бы случайно, было довѣрено императрицей швейцарцу Лагарпу, «якобинцу», который въ собственномъ кантонѣ всѣми силами поддерживалъ партію «переворота», и между учителемъ и ученикомъ развились довѣрчивыя, даже дружескія отношенія, устоявшія противъ всѣхъ испытаній времени. Лагарпъ бросилъ въ сердце мальчика зерна, быть можетъ, нѣсколько расплывчатой, неясной гуманности, любви къ свободѣ и правдѣ, смутныя воспоминанія о которыхъ Александръ всегда носилъ въ своей душѣ. Слишкомъ поздно порвала императрица связь, императоръ Павелъ запретилъ даже переписку съ учителемъ; этотъ внезапный оборотъ укрѣпилъ только быстро созрѣвающаго юношу въ его благородныхъ мечтахъ и научилъ глубоко скрывать собственные намѣренія и мысли. Придворная жизнь, невозможность найти честнаго челоука, убѣжденіе въ томъ, что онъ окруженъ только ворами, внушили юношѣ отвращеніе къ блеску будущей тяжелой ноши, которую онъ мечталъ сложить съ себя какъ можно скорѣе. Потомъ наступило тяжелое время испытаній, давящаго формализма. Сумасбродный отецъ такъ жилъ хитростями и тайнами своихъ вахтпарадовъ и церемоніальныхъ маршей, что заразилъ ими и сына. Въ эти годы Александръ впитывалъ неискоренимое недоуверіе ко всѣмъ и всему, скрывая его за маскою откровенности. Уже маленькимъ дитятею обнаруживалъ онъ актерскія способности, и бабушка сердечно радовалась удовольствію, какое доставляли ей пьесы любимому внуку; но не онъ, вопреки разсказамъ, перевелъ на русскій языкъ Шеридановскую «Школу пороковъ». Энергія, проявленія воли, послѣдовательность были чужды его характеру, мечтательно-фантастическому, крайне выраженному типу славянина. Это колебаніе обнаружилось уже въ медовый мѣсяцъ новаго правленія.

Прежде всего, въ томъ, что во главѣ новыхъ учреждений были поставлены лица, относившіяся къ нимъ или какъ заклятые враги или въ лучшемъ случаѣ равнодушно, развалины изъ эпохи Екатерины—раскапываніе мамонтовъ до сихъ поръ остается спеціальностью Россіи. Первымъ министромъ просвѣщенія былъ сдѣланъ Завадовскій, единственной заслугой котораго была его прежняя физическая красота (мы съ нимъ уже встрѣчались выше, у Державина), министромъ юстиціи — Державинъ, позднѣе другой поэтъ, Дмитріевъ и т. д. Или думалъ императоръ этими назначеніями выполнить обѣщаніе своего троннаго манифеста, править въ духѣ Екатерины? «Столпы правленія», екатерининскіе старцы, однако, были недовольны; ихъ ворчаніе перешло у одного изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, въ совершенно неожиданный, рѣзкій литературный протестъ. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ.

Ветунленіе на престолъ Александра развязало наконецъ языкъ доселѣ молчаливой литературѣ; писалось не только множество одъ, «киргизкайсацкихъ» тожъ, и панегириковъ, но прежде всего появилась новая публицистика. Первымъ выступилъ Карамзинъ. Его «Вѣстникъ Европы», который онъ самъ издавалъ въ 1802—1803 г., послѣ него другіе до 1830 г., образовалъ новый типъ журнала, существенно отличный отъ прежнихъ, уже тѣмъ, что теперь обращалось вниманіе и на политику; конечно, все еще значительная часть «Вѣстника» состояла изъ переводовъ и выдержекъ, однако, полнота и разнообразіе содержанія выгодно отличали его отъ всѣхъ болѣе раннихъ попытокъ; успѣхъ въ кругу читателей былъ безспорный. Для изящной литературы и критики было отведено значительное мѣсто; критическій отдѣлъ, за введеніе котораго Карамзинъ уже раньше ратовалъ,

сдѣлался теперь впервые постояннымъ. Здѣсь Карамзинъ печаталъ свои историческіе эскизы о Новгородской посадницѣ Марѣѣ и высказывалъ свои давнишнія мысли. Но успѣхъ журнала, поэтическихъ произведеній, рассказовъ болѣе не манилъ Карамзина; едва поставивъ журналъ на твердую почву, онъ обратился къ лѣтописямъ и первоисточникамъ, къ извѣстіямъ иностранцевъ и работамъ своихъ предшественниковъ и сдѣлался русскимъ исторіографомъ.

Карамзинъ совсѣмъ удалился съ арены общественной дѣятельности; лишь дважды отрываясь отъ своей кабинетной работы, выступалъ онъ передъ императоромъ съ политическими мемуарами, долгое время считавшимися государственною тайною и извѣстными обществу только по своимъ послѣдствіямъ. Однако, его авторитетъ остался неприкосновеннымъ; обаяніе его личности никто не могъ избѣжать; и онъ насчитывалъ воодушевленныхъ поклонниковъ, которые сдѣлались ожесточенными защитниками, когда противъ авторитета Карамзина, не называя его, выступила екатерининская мумія, адмиралъ Шишковъ, добрый человекъ, горячій патриотъ, ограниченная голова. Такъ какъ ему не пришлось уничтожить до основанія русскаго флота, онъ попытался сдѣлать это съ литературой.

Образцовое спокойствіе, тишина, согласіе, царившія въ искусственныхъ садахъ русскихъ музъ, съ ихъ тщательно распланированными аллеями и тропинками, комическимъ эпосомъ, идилліей, элегіей и т. д., съ ихъ одѣтими во фракъ и напудренными посѣтителями,—были нарушены навсегда. И это сдѣлалъ не Кутузовъ своими навітами на якобинскій ядъ Карамзина (ибо доносы направлялись не въ литературный ареопагъ, а въ тайную канцелярію), но нѣкій весьма почтенный адмиралъ и изслѣдователь языка. Для него дѣло шло о новомъ Карамзинскомъ стилѣ, но со стилемъ затрагивались и новыя мысли. Его «разсужденіе о старомъ и новомъ стилѣ» (1803) возбудило цѣлую полемику, длившуюся почти двадцать лѣтъ, создало противоположности, личныя и принципиальныя. Лжеученіе Ломоносова и значеніе церковно-славянскаго языка нашло сторонниковъ въ литературѣ стихотворной и прозаической; послѣднимъ и самымъ значительнымъ былъ именно Шишковъ, который пытался утвердить позицію ц.-славянскаго, поколебленную Карамзинимъ, распатанную молодежью. Вышше споръ ограничивался вопросомъ объ употребленіи словъ: удерживать ли французскія, строить ли по образцу ихъ русскія, уничтожать ли устарѣвшія, сливать ли письменный языкъ съ обиходнымъ; можно ли смотрѣть на ц.-славянскій, какъ на совершенно чужой, или считать его роднымъ языкомъ, по отношенію къ которому новѣйшій русскій представляетъ только самую послѣднюю степень развитія; не возводить ли снова письменный, а чрезъ него и разговорный языкъ, на эту, степень освѣжая устарѣвшія слова, замѣняя иностранныя ново-образованіями.

Споръ, однако, только по видимости былъ филологическимъ; заодно съ французскимъ языкомъ захватывали и французскій, т. е. революціонный духъ: «Слѣды языка и духа преступной французской революціи, до сихъ поръ намъ неизвѣстныя, начинаютъ все быстрѣе появляться въ нашихъ книгахъ; презрѣніе къ вѣрѣ стало выражаться въ пренебреженіи къ ц.-славянскому». Жертвуютъ здравую моралью, разумомъ. «До временъ Ломоносова мы оставались при нашихъ духовныхъ пѣсняхъ, священныхъ писаніяхъ, размышленіяхъ о величій Божіемъ, христіанскихъ обязанностяхъ и вѣрѣ, которыя научали насъ мирной, спокойной жизни, а не тѣмъ испорченнымъ нравамъ, плоды которыхъ пожинаетъ Франція».—«Въ стремленіи отдалить нашъ нынѣшній языкъ отъ стараго, что иное слѣдуетъ признать, какъ только желаніе, чтобы сдѣлавшійся нечонятнымъ языкомъ вѣры никогда болѣе не могъ сдерживать языка страстей?» Къ чему стремился Шишковъ,

превосходно формулировалъ одинъ его московскій противникъ: «Не думаетъ ли, пожалуй, авторъ посредствомъ воскрешенія стараго языка отвести насъ также къ старымъ правамъ и понятіямъ?» Въ этой борьбѣ впервые появилось слово «славянофиль», которое послѣ 1830 г. должно было приобрести такое значеніе. Такъ возникла колыбель славянофиловъ на Невѣ, и «орлы Екатерининской эпохи» приняли изъ купели этихъ выроdkовъ реакціи и шовинизма. Ибо и Шишковъ говорилъ о преимуществахъ древне-русскаго духа, открывалъ существованіе литературы еще до временъ салоническихъ братьевъ, проявляя то же самое игнорированіе всякой исторіи, которое послѣ такъ отличало славянофиловъ.

Чего обскуранту Шишкову не доставало въ знаніи и вкусѣ, онъ восполнялъ упорствомъ и рвеніемъ. Ему недоставало инсинуацій и наговоровъ, которые онъ распространялъ въ своихъ брошюрахъ, мало было президентства въ мертворожденной славянороссійской Академіи, онъ выпустилъ въ свѣтъ еще второй мертвый плодъ, «Союзъ любителей россійскаго слова» (1811 г.), съ публичными засѣданіями, секціями, почетными членами, печатными докладами. Чиновный рангъ рѣшалъ вопросъ о мѣстахъ. Всѣ муніи екатерининскаго времени были собраны тутъ, и Державинъ сталъ душою предпріятія, послѣ того какъ Шишкова призвали къ другой дѣятельности. Мирно почившій по смерти Державина союзъ любителей прославился не пышнымъ инсценированіемъ и смертною скукою своихъ докладовъ, но благодаря обществу «Арзамасъ», пародіи, созданной на него кружкомъ петербургской просвѣщенной молодежи. Въ «Арзамасѣ» такъ же устраивались засѣданія съ протоколами, составляемыми Жуковскимъ въ формѣ комическаго гекзаметра, съ членами, которые получали особенныя прозвища изъ балладъ, и др., напр., Пушкинъ-сверчокъ и т. п. и въ качествѣ вступительной рѣчи всегда держали слово, направленное въ отвѣтъ противъ одного изъ членовъ того любительскаго кружка. Современемъ пародія истощилась, и когда болѣе серьезные «Арзамасцы» заговорили о положительности работъ, предварительно объ изданіи журнала, остальные не обнаружили къ этому никакого горячаго интереса. «Арзамасцы», такъ названные по одному русскому захолюстью, удалились съ литературнаго поприща еще болѣе незамѣтно, чѣмъ ихъ противники. Общей извѣстности они, вообще, не получили; ибо литература все еще не могла привлечь дѣятельныхъ людей. Пяти лѣтъ, жалуются современникъ, никто не выдерживалъ; самые многообѣщающіе таланты постоянно измѣняли ей, и послѣ пары попытокъ посвящали себя исключительно чиновничьей карьерѣ; ибо чѣмъ другимъ, какъ не простой забавой, могла быть литература при полнѣйшемъ подавленіи общественнаго мнѣнія, при абсолютномъ произволѣ цензуры? Еще Пушкинъ принималъ, какъ незаслуженное вѣнчаніе, названіе русскаго писателя. Такъ даромъ протекали полнота ума и духа, безспорно соединенныя въ этомъ аристократическомъ кружкѣ. Отдѣльныхъ Арзамасцевъ мы еще снова встрѣтимъ въ теченіе нашего повѣствованія: генерала Орлова, Блудова, Тургенева, Вяземскаго и др.

Между тѣмъ, времена перемѣнились быстро и въ корнѣ; заботы о внутреннихъ реформахъ, о школьномъ дѣлѣ и др. были совершенно оттѣснены напряженіемъ всѣхъ средствъ для веденія совершенно безцѣльной войны. Императоръ, недавно еще почитатель революціи, принявъ на себя новую роль, и какъ убѣжище легитимизма изъ-за всякаго пустяка напрягалъ силы Россіи. Ему приходилось выносить самыя чувствительныя униженія; корсиканецъ, котораго приказывали на веревкѣ притащить въ Москву, въ дворянскій клубъ, разсѣялъ побѣдоносныя русскія войска; неспособность и безсовѣтность фельдмаршаловъ, напр. Беннингсена, не могла сглаживаться беззавѣтною храбростію солдатъ. Но столь безславный бой съ францу-

зами, нѣкоторымъ образомъ, оживилъ литературу и въ первый разъ далъ ей извѣстную окраску и направленіе.

Сначала угрожающее столкновеніе, потомъ военныя неудачи породили антифранцузское настроеніе, которое съ дозволенія вышшаго начальства (ибо отнынѣ Россія отказалась отъ права неофициальнаго мышленія) могло проявиться въ литературѣ, въ журналахъ, драмахъ, комедіяхъ. Эта борьба съ собственными учителями полна самыхъ неожиданныхъ скачковъ: Глинка, напр., получившій исключительное французское воспитаніе, скорѣе французъ, чѣмъ русскій, началъ теперь въ своемъ журналѣ «Русскій Вѣстникъ» мечтательно дивиться всему русскому, презирать европейское, откапывать въ древней Руси чудо за чудомъ, всевозможныя добродѣтели, просвѣщеніе, философію; для него, напр., Кормчая, переводъ греческаго сборника церковнаго права, содержала все, на чемъ зиждилось истинное благо какъ отдѣльнаго лица, такъ и цѣлаго общества. Глинка сдѣлался извѣстнымъ, и достигъ въ 1812 наивысшей популярности. Впрочемъ, его авторитетъ палъ скоро и навсегда. Онъ имѣлъ ех-французовъ своими сотрудниками, напр., невольнаго героя московскаго пожара, Растопчина, котораго «Мысли вслухъ русскаго дворянина» полны самыхъ жаркихъ нападовъ на французовъ. Глинка далъ импульсъ и этой всей антифранцузской и антиевропейской литературѣ. Растопчинъ, понятно, настоящій французъ; но въ сравненіи съ наивнымъ энтузіазмомъ Глинки это былъ рѣзкій, острый умъ, который, къ сожалѣнію, какъ важный баринъ, о литературѣ думалъ только между прочимъ; онъ писалъ русскимъ, простымъ, грубымъ, выразительнымъ языкомъ, и умѣлъ поддѣлаться подъ народный стиль, которымъ онъ блисталъ потомъ, въ 1812 г., въ своихъ извѣстныхъ московскихъ прокламаціяхъ. Толстой въ «Войнѣ и мирѣ» нѣсколько брюзгливо относится къ этимъ фарсамъ. Имя Растопчина удерживаетъ много поколѣній литературное званіе; его послѣдняя носительница пишетъ, какъ и ея дѣдъ, снова по-французски.

Мы отказываемся отъ дальнѣйшаго перечисленія этихъ сомнительныхъ по достоинству величинъ. Если выступленіе Шишкова за древній стиль противъ «элегантнаго» не было сейчасъ-же встрѣчено со смѣхомъ, то этимъ оно обязано тому пробужденію національнаго чувства, для котораго старый адмиралъ нашелъ нѣсколько болѣе достойное выраженіе въ манифестахъ, 1812 года, редактируемыхъ имъ въ качествѣ статьи-секретаря. Словеснаго спора онъ самъ болѣе не продолжалъ; заключительное слово нашелъ Карамзинъ, который въ своей всугубительной рѣчи, какъ членъ славянороссійской Академіи, оспаривалъ у нея право диктовать языкъ, указывая ей границы, признавалъ только литературу послѣднею инстанціею въ дѣлахъ языка.

Патріотическое движеніе требовало и другихъ произведеній. Въ первое десятилѣтіе возбудилъ величайшее уваженіе и достигъ грандіознаго успѣха на сценѣ трагикъ Озеровъ, понятно, французъ,—Сперанскій утверждалъ, что онъ пишетъ лучше по-французски, чѣмъ по-русски (по крайней мѣрѣ, сначала Озеровъ писалъ по французски). Хотя какъ разъ Державинъ и не особенно благоволилъ къ нему, однако, онъ всецѣло принадлежитъ къ французскому направленію петербургской литературы, несмотря на ту чувствительность, въ которую онъ окрашивалъ свои трагедіи, написанныя въ строгомъ подражаніи французамъ. Слабѣйшая изъ этихъ трагедій, «Дмитрій Донской» (1807), имѣла неслыханный успѣхъ, ибо современники въ Димитріѣ признавали Александра I, въ Мамаѣ и его татарахъ—корсиканца и внимали каждой тирадѣ съ пылающими сердцами, полными слезъ глазами; грубыя погрѣшности пьесы противъ духа времени нисколько не смущали. Успѣхъ другихъ трагедій, даже Оссіановскаго «Фингала», нужно скорѣе отнести на долю артистки Семеновы, послѣ

княгинѣ Гагариной; ея великолѣпная декламація, дѣйствительно, очень гармоническихъ стиховъ Озерова производила главный эффектъ. По тѣмъ же патріотическимъ основаніямъ обезпечилъ 1807 годъ равный успѣхъ и «Пожарскому» Крыковскаго. Прежде на сценѣ господствовалъ, главнымъ образомъ, кн. Шаховской, противникъ Озерова, составитель безчисленныхъ комедій, которыя выступали, между прочимъ, противъ сентиментализма, сначала Карамзина, потомъ Жуковскаго.

Къ кругу Державина и его «Бесѣды», пусть онъ и осмѣялъ ее въ баснѣ «Квартетъ», принадлежалъ баснописецъ Крыловъ. И на немъ отразилось настроеніе 1807 г.; комедіи съ антифранцузскими выходками доставили ему эфемерный успѣхъ; все то остроуміе, котораго совершенно лишены были его комедіи, онъ перенесъ въ свои басни. Уже десятилѣтія Крыловъ дѣлалъ опыты въ различныхъ родахъ беллетристики, но только въ 1806 г. нашелъ свое настоящее призваніе; онъ напечаталъ тогда первыя подражанія Лафонтену; скоро послѣдовали собственные басни; первое собраніе появилось въ 1809 г. изъ 23 басенъ, потомъ все новыя, вплоть до послѣдняго изданія при его жизни, въ 1843 г., обнимавшаго десять книгъ. Ихъ популярность безпримѣрная; Смирдинъ продалъ въ 1830—1840 г. до 40000 экземпляровъ; такъ Крыловъ сдѣлался русскимъ баснописцемъ; онъ заключалъ собою то, начало чему было положено Сумароковымъ, Хемницеромъ и Дмитріевымъ. Съ нимъ не могли сравняться, напр., басни Измайлова, въ сущности—скорѣе сатиры, какъ и грубыя Сумароковскія, особенно направленные противъ мелкихъ чиновниковъ. Крыловъ не удовлетворялся, подобно Дмитріеву, простыми переводами, онъ обогащалъ басни новыми темами; да и переводилъ ли онъ Лафонтена и Пильпая или подражалъ имъ, брать ли старыя мысли, или изобрѣталъ новыя, всюду онъ былъ одинаковъ, всюду оставлялъ свою печать: детали, форма, часто также и *grös von sens* принадлежали ему. Онъ первый обратился къ чувственно-грубому языку народа и нѣкоторые послѣдовали его примѣру; не грація и легкость, но остроуміе, пластичность, полнота, иногда нѣкоторая тяжеловатость характеризуютъ его богатый идиотизмами языкъ. Еще не всѣ неуклюжести устранены, мѣстами слогъ устарѣлъ, попадаются чисто-условныя картины съ ихъ зефирами и нимфами, устарѣли и воззрѣнія. Человѣкъ сухого разума, въ сущности сатирически настроенный, ненавидѣлъ онъ абстракцію, боялся разлагающаго вліянія литературы, понятно, французской, — положеніе французскихъ дѣлъ часто имѣютъ въ виду его басни, неправильно толкуемыя, какъ относящіяся къ русскимъ. Пусть онъ проявлялъ плоскую, банальную мораль; за то онъ представлялъ жизнь, какъ она есть, не такъ, какъ она должна быть. Его басни вовсе не лишены изыскательности; собственный, крайне осторожный образъ дѣйствій и обстоятельства времени— даже онъ, своего рода придворный поэтъ, не избѣжалъ столкновеній со все болѣе наглою цензурой — обуславливали такую скрытость уколовъ, такую общность выраженій, что одна и та же басня могла подлежать самымъ разнообразнымъ истолкованіямъ. Событія 1812 г. вызвали у него нѣсколько соответствующихъ политическихъ басенъ; есть басни о воспитаніи императора, которому вкореняли воззрѣнія, хорошія для Бернской республики въ карманный форматъ, а не для государства-великана. Даже Москва, которая въ своей колокольной политикѣ только «своего» Дмитріева признавала баснописцемъ, а Крылова пыталась игнорировать, получаетъ отъ него памятку: крестьянина не трогаетъ превосходная проповѣдь, онъ не этого прихода. Нѣтъ недостатка и въ намекахъ на социальные отношенія, сословныя, напр.: дерево — дворянство и корни—крестьяне и т. п. Въ отдѣльныхъ случаяхъ замѣтны отголоски вопросовъ дня; какъ ясное эхо Щербатовскаго сочиненія *Schrift* звучитъ, напр., когда въ «Дукатахъ»

усиленной полировкой просвѣщенія, касаются самого металла, засыпаютъ духъ, исчезаютъ нравы. Видна преднамѣренность, съ которою вновь перерабатываются отдѣльные темы, напр., только собаки виноваты, что нельзя прійти къ хозяину, но онъ же самъ спустилъ ихъ съ цѣпи. Примыканіе къ Державину — Крыловскія басни были самымъ интереснымъ на докладахъ «Бесѣды» — далѣе не удивляетъ: лошадь и рыцарь мѣтятъ не на декабристовъ, но на Францію; оракуль — толковъ, доколѣ сзади скрывался умный жрецъ. Преобладаютъ намеки на наследственные недостатки, несправедливость, подкушность, глупость; самый рѣзкій этого рода былъ — здѣсь впервые вступается императоръ, чтобы сдѣлать возможнымъ напечатаніе — «Вельможа»: его прямо впускаютъ въ рай за то, что на землѣ онъ все поручалъ дѣлать своему секретарю, иначе его собственная глупость причинила бы столько зла странѣ и людямъ. Понятно, еще болѣе преобладаютъ обще-человѣческія темы, общее достояніе всѣхъ баснописцевъ. Басни лишены Эзоповской сжатости, онѣ охотно вдаются въ изображеніе деталей, исполнены пріятной эпической широты, какъ у Лафонтена, свободному, неровному языку котораго онѣ подражаютъ; отдѣлкѣ слога Крыловъ придавалъ большое значеніе; отсюда, при необыкновенной лѣности этого Обломова русской литературы, который почти все время проводилъ въ шлафрокѣ, читалъ глупѣйшіе въ свѣтѣ романы и ужъ много, если кормилъ воробьевъ или училъ дѣтей, — число его басенъ, несмотря на почти сорокалѣтнюю работу, совсѣмъ невелико. Замѣчательно, что онъ прямо мыслилъ и говорилъ баснями; при чемъ тѣ, которыя онъ былъ слишкомъ лѣнливъ обработать, но выбалтывалъ ихъ гдѣ-либо, самыя остроумныя и колкія. Когда Пушкинъ прочиталъ свою романтически-шекспировскую хронику Бориса Годунова, и замѣтилъ, смѣясь, ему, воплощенному классику: «она Вамъ не можетъ понравиться, Вы не считаете ее хорошею», Крыловъ отвѣчалъ: «Почему нѣтъ? Послушайте только: къ проповѣднику, которой только что восхвалялъ Бога за то, что онъ устроилъ на свѣтѣ все такъ хорошо, подходитъ горбатый, и упрекаетъ его: Вы надо мною только насмѣхались, публикѣ, утверждая это». — Какъ такъ? — возражаетъ проповѣдникъ, для горбатаго вы именно прекрасны». И когда Крылова привезли на торжественный обѣдъ, устроенный въ честь его, онъ разсуждалъ, не сдѣлали ли слишкомъ много хорошаго, онъ какъ морской герой, съ которымъ только потому не случилось никакого несчастья, что онъ никогда не отвѣживался слишкомъ далеко въ море. Онъ обѣлся рябчиковъ и умеръ отъ этого; другу, которой незадолго до этого посѣтилъ его, онъ разсказалъ какъ разъ о мужикѣ, который наложилъ на свою лошадь слишкомъ большой возъ, и хотя это были только сушенныя рыбы, однако, лошадь околѣла, — добавивъ при этомъ: «Слишкомъ много хорошаго всегда плохо, пусть понимаютъ, какъ хотятъ!» По собственному признанію, ему казалось, что правду легче переносить, наполовину прикрывъ ее; въ такомъ видѣ онъ и высказывалъ ее міру и его владыкамъ, напр., въ «Гусляхъ» и во многихъ другихъ басняхъ.

Въ другихъ областяхъ литературы царилъ то же отсутствіе дѣятельной, новой жизни; описаніе опустилось до оффиціальнаго стихописанія; занимались преимущественно «легкой поэзіей», мадригалами, эпиграммами, пѣснями, изъ которыхъ нѣкоторыя (Дмитріева, Мерзлякова и др.) пріобрѣли большую популярность; къ этому присоединялись элегіи, письма, сатиры князей Горчакова и Долгорукова, Милонова и др., разумѣется, всѣ въ «шутливомъ тонѣ». Талантовъ не было, зато безталанностей сколько угодно, и всѣ они группировались около «Бесѣды»; это имена съ отзвукомъ смѣшнаго или скучнаго, Бобровъ, Хворостовъ лишены остроты, авторы тупыхъ басенъ, которыя пародировались Крыловымъ и Вяземскимъ. Однимъ изъ самыхъ

талантливыхъ между ними былъ В. Пушкинъ, дядя поэта, выросшій на французской литературѣ, вольтерьянецъ, т. е. эпикурецъ, который дѣйствительно отличался отъ петербуржцевъ ловкимъ языкомъ и сознательной политикою съ Шишковымъ и литературными старовѣрами; кое-что было слишкомъ свободно, какъ его «Опасный сосѣдъ», но французская фривольность и распушенность теперь вторгались въ литературу все непринужденнѣе; его наслѣдіе, впрочемъ, составляютъ большею частью только басни, анекдоты, все вещи, остроумія и вкуса, не чувства. Вниманіе возбуждала и сатира Воейкова «Сумашедшій домъ», своими строфами на всѣхъ литераторовъ, включая и автора.

Для избѣжанія недоразумѣній слѣдуетъ отмѣтить, что тогдашнія печатныя произведенія не даютъ никакого правильнаго представленія о литературѣ; разные Хвостовы и т. п. осаждали прессу; все же умное, выдающееся: пародія, памфлетъ, сатира, комические рассказы въ Лафонтеновскомъ стилѣ, чуждалось печати. Въ спискахъ, какъ будто искусство Гутенберга не было изобрѣтено, распространялись лучшія вещи, напр., ядовитая сатира князя Горчакова, «Ноэль», гдѣ министры и вельможи Александра I являлись передъ новорожденнымъ со своими пожеланіями и дарами; отдѣльныя строфы прямо выдающіяся, особенно посвященныя: адмиралу Чичагову; Муравьеву-Апостолу; Пестелю, генералъ-губернатору Сибири, который, подобно Зевсу, съ неба властвующему надъ землею, живя на Невѣ, управляетъ и обкрадываетъ Сибирь; новому «ритору», митрополиту: «Я Боссю съ Невы, никогда не снилось мнѣ быть умнымъ; но одинъ говорить объ этомъ, другой повторять, такъ я попалъ случайно въ славу разумнаго». Такъ сознавалось раздѣленіе между печатной—ложной и истинной—рукописной, «запрещенной» литературой. Никогда не появлялось столько сатириковъ; за Горчаковымъ послѣдовалъ, напр., Вяземскій, за Вяземскимъ московскій Соболевскій со своими желчными, юмористическими стихами на Павлова, Одоевскій и др. въ 40 и 50-хъ годахъ. Нѣкоторые, благодаря подобному отвращенію къ печати, попали въ незаслуженную безвѣстность, напр., Горчаковъ, который оставался классикомъ, но презиралъ безталанности Бесѣды, былъ мастеромъ языка и остроумною головою.

Школу Пушкина прошелъ и К. Батюшковъ; онъ выросъ въ томъ же безусловномъ почитаніи поэта, но не философа Вольтера и сладкаго Парни и принималъ участіе, какъ и В. Пушкинъ, въ борьбѣ съ шишковцами, написавъ двѣ пародіи: «Видѣніе на берегахъ Леты» и «Пѣвецъ въ станѣ Бесѣды»—по стихотворенію Жуковскаго, при чемъ осуждалъ все цѣликомъ, за исключеніемъ дѣйствительныхъ заслугъ Шишкова, лежавшихъ въ совершенно другой области. Въ сравненіи съ Пушкинымъ, однако, онъ расширилъ свое литературное образованіе, непосредственно обратившись къ классикамъ—Тибуллу и Горацію,—равно какъ приобрѣтши основательное знакомство съ Европой, во время своего пребыванія тамъ въ качествѣ офицера побѣдоносной русской арміи. Событія 1812 г. разбудили и въ немъ патріотическую жилку, но священный гнѣвъ скоро остылъ; все дѣятельнѣе становилось его служеніе музамъ, которое благодаря увлеченію Тассо и Петраркой должно было принять особую окраску. Въ сравненіи съ благозвучіемъ итальянскаго стиха русскій рѣзалъ его слухъ; тѣмъ энергичнѣе боролся онъ съ трудностями стиха и языка и достигъ такого совершенства, многообразія въ выраженіи, какъ никто до него. Уже для него поэзія не была простымъ заполненіемъ часовъ досуга, но требовала всего человѣка; слова поэта должны были согласоваться съ его дѣлами. Его собственная поэзія, конечно, не отвѣчала еще этимъ идеаламъ; въ духѣ антологической лирики и гораціевской жизненной мудрости рекомендовала она умѣренное наслажденіе и эпикуреизмъ, но уже и въ этихъ прославленіяхъ любви и

наслажденій пробиваются ноты пессимизма или выраженія глубокой меланхолии, свидѣтельство чему даетъ «Умирающій Тассъ», его горькія жалобы на людей и міръ, которые, какъ бы въ насмѣшку, вѣнчаютъ его, сначала заправивъ до—смерти. Меланхолія и пессимизмъ были у Батюшка не только отраженіемъ моды—онъ уже переводитъ Байрона, — но и проявленіями унаслѣдованнаго душевнаго настроенія, которое омрачало его духъ въ теченіе 30 лѣтъ; дѣло, отъ котораго онъ былъ такъ неожиданно оторванъ, долженъ былъ закончить больший. Несмотря на антологическое одѣяніе, несмотря на античный, условный маскарадъ, который онъ не осмѣливался сбросить съ себя, Батюшковъ все-таки былъ истиннымъ, значительнымъ поэтомъ. Въ томъ, дѣйствительно, ограниченномъ кругу, который онъ себѣ очертилъ, въ воспѣваніи чувствъ дружбы (напр., «Тѣнь друга», элегія съ великолѣпнымъ вступленіемъ, какъ облачный Альбіонъ исчезаетъ изъ глазъ путника), въ прославленіи любви и наслажденія онъ достигалъ античной полноты и классической пластики выраженія, которая далеко возвышалась надъ всякими французскими манерничаніями.

Это были, однако, не только простые признаки предвѣстника психическаго разстройства, которые сдѣлали Батюшкова пессимистомъ, недовольнымъ и неудовлетвореннымъ, котораго и Арзамасъ не могъ удовлетворить. Онъ въ Европѣ отвѣдалъ отъ древа познанія и, возвратившись на родину послѣ своего блужданія, русскій Одиссей не узнавалъ своей Итаки! Его участь раздѣляла вся живая молодежь. Роковое развитіе республиканца Александра I, теперешняго «убѣжища легитимизма», увлекло его на путь мистицизма, исполнило глубочайшимъ недоверіемъ ко всякому либерализму. Всякаго рода доносами удалось устранить великаго реформатора, Сперанскаго, своего рода козла отпущенія. Теперь все болѣе угрожающе стало возрастать вліяніе жестокаго, трусливаго подлеца одного изъ самыхъ жалкихъ, какихъ только знаетъ всемірная исторія, военнаго министра Аракчеева, а за нимъ поднялись обскуранты и фанатики, попы, митрополитъ Серафимъ и архимандритъ Фотій, Шишковъ и доносчики: Кутузовъ, Магницкій и Руничъ. Послѣ 1819 г., по возвращеніи изъ Германіи императора, всецѣло находившагося тогда подъ вліяніемъ Меттерниха, ярость реакціи не знаетъ удержа. Она поразила масоновъ и піетистовъ; русскіе масоны давно сдѣлались изъ рационалистовъ и деистовъ комарами; одинъ изъ нихъ, министръ просвѣщенія Голицынъ, поклонникъ Юнгъ-Штиллинга и Эккартгаузена, другъ Крюднера, посредникъ между Бадеромъ и императоромъ, палъ жертвою ортодоксовъ; всѣ масонскія ложи, библейскія общества и т. д. были закрыты въ 1822; Шишковъ назначенъ министромъ народнаго образованія — такъ выразился Карамзинъ предъ самимъ императоромъ. Теперь только началась благочестивая травля науки, университетскихъ профессоровъ (Петербургскій процессъ, когда Магницкій приказалъ анатомическіе препараты Казанскаго университета похоронить въ священномъ мѣстѣ); свирѣпствованіе цензуры не знало никакихъ границъ. Правленіе Александра, привѣтствованное какъ утренняя заря свободы, сулившее самую радостную ожиданія, закуталось мрачными облаками, когда смерть постигла въ Таганрогѣ императора путешествій и вахтпарадовъ. Екатерина не кончила хуже. Самымъ интереснымъ при этомъ было, что Александръ I еще въ 1819, какъ Александръ II 1881, какъ Николай II въ 1905, занимался мыслію о «либеральной» «конституціи» для Россіи,—только онъ ненавидѣлъ уже и самымъ тщательнымъ образомъ избѣгалъ обоихъ выраженій, лично введя для этого терминъ «законосвободное государственное устройство».

Чѣмъ энергичнѣе наступала реакція, чѣмъ убѣжденнѣе Шишковъ говорилъ о революціи отъ введенія народнаго образованія и уничтоженія крѣпостнаго права, тѣмъ менѣе склонна была молодежь принимать спокойно это уни-

женіе и самоизувѣченіе Россіи, особенно тѣ, которые въ великихъ походахъ узнали иныя страны и другихъ людей; Россія не для того возвратила Европѣ свободу, чтобы самой пребывать въ еще худшемъ рабствѣ. Началось броженіе въ офицерскихъ кругахъ въ Петербургѣ и въ Южной арміи. Примѣръ «Тугендбунда» и всевозможныхъ тайныхъ политическихъ обществъ нашель подражаніе и здѣсь. Первые союзы принимали отчасти программу Тугендбунда, думали о легальной пропагандѣ, гдѣ возможно, съ утвержденія царя, о контролѣ слишкомъ могущественнаго чиновничества, о сословномъ устройствѣ. Современемъ обстоятельства обострились, тепловатые элементы отпали, программы формулировались все радикальнѣе, пока не воспользовались смертью царя и замѣшательствомъ по вопросу о престолонаслѣдіи и данной присягѣ, чтобы попытаться поднять въ Петербургѣ бунтъ: возстаніе не вышло изъ предѣловъ военныхъ круговъ и сейчасъ же было подавлено, 14 декабря 1825 г. Докладъ слѣдственной комиссіи составлялъ Блудовъ, «Кассандра» Арзамаса, странный литераторъ, который до сорокового года своей жизни не могъ найти себѣ соотвѣтствующей работы и теперь долженъ былъ сразу сдѣлаться извѣстнымъ своимъ докладомъ, на основаніи котораго получили приговоръ 121 «декабриствъ», духовные избранники Россіи; пять были повѣшены, вторымъ послѣ полковника Пестеля—поэтъ К. Рылѣевъ.

Одухотворенный мечтатель, который своимъ мученичествомъ это прямодушно высказалъ, который тосковалъ по смерти, ибо ему внушали отвращеніе противорѣчія между идеаламъ и дѣйствительностью, нелѣзная жизнь свѣта, который и поэзію свою заставилъ служить революціонной пропагандѣ. Давно онъ провелъ цензуру; его пылающая гнѣвомъ сатира «Временщику», направленная противъ Аракчеева, проскользнула какъ «Подражаніе сатирѣ Персія на Рубеллія», которая понятно филологамъ неизвѣстна; онъ подражалъ въ своихъ «Думахъ» пѣснямъ борца за свободу и ненавистника русскихъ, поляка Нѣмцевича. Трудъ Карамзина пробудилъ интересъ къ исторіи, поэтому нечего удивляться, если Рылѣевъ воспѣлъ все достопамятные моменты русской исторіи; важны были выборъ и освѣщеніе матеріала. Когда онъ заставляеть Ольгу въ 946 г. у могилы Игоря подтвердить своему сыну обязанности правителя: «Будь отцомъ подданныхъ, болѣе княземъ, чѣмъ воиномъ, другомъ своихъ, угрозою чужеземцамъ и т. д., или влагаетъ въ уста Екатеринѣ слова, обращенныя къ ея правнуку Александру II: «Довольно военной славы Россіи, теперь время для просвѣтительной дѣятельности, для Антонина на тронѣ», когда онъ заставляеть Волынскаго, какъ патріота, защищать отечество отъ разграбленія иностранцемъ Бирономъ, когда онъ собираеть все примѣры твердости характера и мужественнаго самопожертвованія, — мы не можемъ сомнѣваться относительно его намѣреній: въ историческихъ образахъ создать школу для воспитанія гражданскаго ума, чувства независимости. Эта цѣль, впервые поставленная въ русской литературѣ, дѣйствовать воспитательно, служить примѣромъ, оправдываетъ нѣкоторые историческіе промахи, выборъ фигуръ очень сомнительнаго достоинства и, какъ у Нѣмцевича, слабое выполненіе. Онъ не сообразовался съ различіями времени и людей, прибѣгая какъ для IX такъ и для XVIII ст. все къ однимъ и тѣмъ же ограниченнымъ средствамъ; весьма однообразный планъ: описаніе мѣста дѣйствія, слова героев, моральныя размышленія. Чувство Пушкина было оскорблено этимъ отсутствіемъ стили, и онъ намѣренно многократно бралъ тѣже самыя темы, напр., объ Олегѣ, чтобы показать, какъ творитъ поэтъ. Но Рылѣевъ рѣшительно объявляеть: Я не поэтъ—я гражданинъ! На ряду съ этимъ, для него еще болѣе, чѣмъ для Батюшкова, характернымъ былъ его пессимизмъ, неопредѣленность чувствъ, міровая скорбь, которая вела къ стремленію

Удалиться отъ пошлой толпы, убѣжать изъ міра. Отразилось вліяніе Байрона; его Войнаровскій, напр., носилъ уже совершенно байроновскую маску. Это единственная дань, которую Рылѣевъ заплатилъ новому романтическому направленію; пусть онъ пошелъ въ поэтическую школу Пушкина, однако, онъ почиталъ Державина и работалъ со старыми средствами французской реторики—настоящее поэтическое чувство прорывается у него только мѣстами. Рылѣевъ, имя котораго столь долгое время находилось подъ проклятіемъ, «Думы» котораго, распространяемыя только въ рукописяхъ, могли будить благородныя чувства, представляетъ собою свѣтлое явленіе, это—герой, долженствующій стать предметомъ зависти всѣхъ литературъ; его имя—цѣлая программа; ореолъ политическаго мученичества ставить его высоко надъ массою литераторовъ.

Почти азиатскій фатализмъ русскихъ, ихъ терпѣливая покорность, столь облегчавшіе властвованіе надъ ними всѣмъ германскимъ и монгольскимъ завоевателямъ, совершенно несвойственны бурно-протестующему характеру Рылѣева: кадетъ, онъ презиралъ и бранилъ своихъ учителей, юноша—всемогущаго временщика («Преступникъ! Съ презрѣніемъ смотрю я на тебя, гордый не найти твоихъ чувствъ въ себѣ!»), мужъ—самодержавіе. Не находя вовсе въ исторіи Россіи борьбы за свободу, онъ искалъ ее у казаковъ въ ихъ борьбѣ противъ поляковъ и, первый русскій, превознесъ Хмѣльницкаго, Наливайко, Войнаровскаго,—скоро долженъ былъ послѣдовать ему въ этомъ Пушкинъ. Такъ былъ Рылѣевъ—первымъ тенденціознымъ поэтомъ новаго времени. Только въ тюрьмѣ, предъ лицомъ угрожающей смерти, прорвалась и у него русская натура: гордое возстаніе противъ тиранновъ разрѣшилось теперь въ глубокую, чистую религіозную покорность, терпѣливое смиреніе; онъ не боится смерти,—онъ прощаетъ и молится за всѣхъ, за своихъ враговъ тоже. Стихотворенія послѣднихъ дней заточенія, наканунѣ предъ казнью (14 іюля 1826 г.) еще дышать тѣмъ же настроеніемъ: Счастливъ, кто бодро принялъ чашу страданія; чрезъ море мукъ, рѣки слезъ поведетъ его Христосъ, какъ Петра; сердцемъ чистый, праведный душой, онъ уже въ жизни святъ и зрѣть, какъ Моисей, обѣтованную страну.—Его *cupio dissolvi*, такъ какъ висѣлица была уже поставлена, могуче захватываетъ насъ! «Не осуди своего раба, прости мнѣ прегрѣшенія, Господи, быстро разрѣши душу отъ тѣла!» Для сотоварищей по заключенію его стихи были Евангеліемъ, новымъ благовѣстіемъ.

Въ близкихъ отношеніяхъ къ декабристамъ стоялъ и авторъ гениальной комедіи «Горе отъ ума», А. Грибоѣдовъ; до сихъ поръ русская сценическая литература не выдвинула ничего, что могло бы затемнить классическую комедію, которую, пожалуй, можно сравнить только съ «Фигаро» Бомарше.

Грибоѣдовъ воспитанъ въ еще болѣе исключительныхъ псевдоклассическихъ традиціяхъ, чѣмъ Рылѣевъ или Батюшковъ; уже ранняя и сильная любовь къ театру должна была удерживать его во власти этихъ вліяній. Театроманія была особенно характерна для стараго русскаго общества; гдѣ не было никакихъ соціальныхъ и политическихъ интересовъ, величайшій интересъ возбуждали міръ бреттеровъ, интриги за или противъ Семеновой, Озерова и т. п. Помѣщики даже набирали изъ своихъ крѣпостныхъ театральныя труппы, содержали ихъ въ помѣстьяхъ или въ Москвѣ и разоряли себя этою страстью. Въ кругъ этихъ театральныя меценатовъ и писателей для сцены вошелъ и Грибоѣдовъ; князь Шаховской, неутомимый поставщикъ злободневныхъ пьесъ, комическихъ, сатирическихъ оперъ, балетовъ и т. д.; Загоскинъ, позднѣе взявшійся за историческій романъ; Хмѣльницкій, главнымъ образомъ, переводчикъ; Катенинъ, который еще разъ перевелъ и подражалъ столько разъ переводимымъ и подражаемымъ Корнелю и Ра-

сину, Жандръ,—все они принадлежали къ тѣсному кружку знакомыхъ Грибоѣдова, который вмѣстѣ съ ними писалъ пьесы или разучивалъ ихъ. Но, въ сущности, это было невинной забавой; Шаховской, Катенинъ и др., которые дѣйствительно совершенно отделись театру, жили только для сцены, едва-ли серьезно относились къ масону, чиновнику министерства иностранныхъ дѣлъ, котораго различныя порученія постоянно отзывали на Кавказъ, въ Тифлисъ, въ Тегеранъ. Въ послѣднемъ онъ 30 января 1829 г. былъ убитъ взбунтовавшеюся чернью. Вѣтими, въ сторонѣ отъ сценической суматохи, созрѣвала комедія Грибоѣдова, которая ничего общаго не имѣла съ тѣмъ, что онъ отдавалъ на сцену самъ или вмѣстѣ съ другими (Жандръ и т. д.). Планъ

Грибоѣдовъ.

онъ повидимому, составилъ уже въ 1816 г. Только въ 1823 и 1824 читалъ онъ отдѣльныя сцены и произвелъ фуроръ въ петербургскихъ литературныхъ кругахъ; тогда началось распространеніе пьесы въ рукописяхъ, въ Москвѣ и въ Петербургѣ; въ 1825 г. напечаталъ Булгаринъ два отрывка въ своемъ альманахѣ «Русская Талія»; тогда подобныя изданія были въ большой модѣ, и замѣняли собой литературные журналы. Все попытки Грибоѣдова напечатать свое произведеніе или поставить его на сцену были напрасны; ничто не помогало, только, кажется, сама комедія сильно пострадала при этомъ, по крайней мѣрѣ Грибоѣдовъ пишетъ: Первоначальныя очертанія этой сценической поэмы, какъ она родилась во мнѣ, были значительно величественнѣе и шире, чѣмъ теперешнія, въ той формѣ, въ какую я принужденъ былъ облечь ихъ. Дѣтское удовольствіе слушать свои пьесы со сцены, жажда успѣха заставили меня сильно испортить мое произведеніе.—Комедія ходила въ тысячахъ списковъ; ея остроумныя реплики были уже на устахъ у всехъ, когда искаженная она появилась на сценѣ въ 1831 г. и изувѣченная еще болѣе была напечатана въ 1833. Фразы часто были очень непонятны; только спустя 30 лѣтъ появился болѣе полный текстъ.

Въ ямбахъ различной величины, какъ написаны Крыловскія басни, соблюдаетъ она по рецепту псевдоклассическія «единства»: дѣйствіе въ теченіе одного дня, въ одномъ мѣстѣ, мѣняются только комнаты въ домѣ Фамусова. Содержаніе замѣчательно просто: Чацкій послѣ трехлѣтняго отсутствія заграничей спѣшитъ на крыльяхъ тоски и любви къ своей Софіи Фамусовой, вмѣстѣ съ которой онъ былъ воспитанъ. Но Софія давно уже пламенѣла любовно къ совершенно недостойному ея, секретарю ея отца, Молчалину, который для вида отвѣчаетъ взаимностью, хотя для него дѣло

идеть лишь о протекціи, что побуждаетъ его, какъ одного извѣстнаго героя Новиковской сатиры, лѣстить даже собакѣ дворника въ домѣ Фамусова.

Чацкій замѣчаетъ охлажденіе къ нему Софіи, ревниво ищетъ виновника этого и вырываетъ у него наконецъ тайну въ тотъ же самый день. Съ болящимъ сердцемъ, обманутый и огорченный, принесенный въ жертву ради низкаго дурака, покидаетъ онъ домъ дяди; но и Софія остается одинокою, такъ какъ равнодушіе и расчеты Молчалина скоро обнаруживаются. Только отсутствіе болѣе веселаго конца отличаетъ, повидимому, эту комедію отъ безчисленныхъ французскихъ шутокъ того же рода.

На самомъ дѣлѣ вопросъ идетъ о совѣсѣмъ иномъ, о «нападѣніи на Москву», на ея «общественные столпы». Недостатокъ, односторонность русской сатиры и комедіи, включая сюда Визина и старыхъ моралистовъ, основывался на томъ, что онѣ врываются въ открытыя ворота, занимались только вещами, которыя давно уже предавались заслуженному осмѣянію, или вѣшали мелкихъ воровъ, какъ у Сумарокова, у Капниста, большихъ же оставляли безъ всякой доуки. Грибоѣдовъ главный ударъ направилъ противъ самого московскаго большого общества; ибо Чацкій, разстроенный непріятностями дороги и всего болѣе горькимъ разочарованіемъ, не щадитъ своими саркастическими замѣчаніями ни стараго ни молодого; въ монологахъ доходить до срыванія масокъ, и ему вторить мужественно само общество, какъ мы его видимъ собравшимся предъ обѣдомъ въ гостиной Фамусова и вечеромъ въ его салонѣ: тутъ представлены московскіе сливки, князья, сенаторы, полковники и т. д. и традиціи екатерининскаго времени поставлены къ позорному столбу. Въ сущности все это относилось къ минувшему уже времени, и драматическая пластинка Грибоѣдова запечатлѣла послѣдніе моменты этой картины; скоро всѣ эти моменты фигуры будутъ принадлежать только исторіи. Но ни одна изъ нихъ не была выдуманна; публику восхищало или возмущало сходство портретовъ этой галлерей предковъ и современниковъ. Грибоѣдовъ не затрагивалъ на сценѣ опредѣленныхъ личностей; онъ только заимствовалъ отъ нихъ главные черты своихъ образовъ; поэтому уже и современное истолкованіе ихъ много разъ было затруднительнымъ, кто же собственно разумѣлся подъ Сколозубомъ, Молчалинымъ, Репетиловымъ и т. д. Фамусовъ — собственный дядя поэта, Алексѣй Грибоѣдовъ, прославленный празднествами, которыя онъ давалъ. Старую, сварливую Хлестову встрѣчаемъ и у Толстого въ «Войнѣ и Мирѣ».

Безопасно разоблачались ничтожество и моральная скудость, даже гнидость этихъ столповъ государства и общества. Ихъ единственная мѣра для оцѣнки человѣка—адресъ-календарь, количество «душъ», число орденъ и титулъ; они унижаются предъ временщикомъ и презираютъ его послѣ паденія. Гордость, человѣческое достоинство неизвѣстны симъ вельможамъ; они принимаютъ охотно самага подозрительнаго индивида, если только онъ выказываетъ себя полезнымъ или готовымъ къ услугамъ; протекція, связи замѣняютъ все; духовные интересы ограничиваются ругательствами на просвѣщеніе и вольтеріанцевъ, злыми сплетнями и пересудами; нѣтъ ничего столь глупаго, чему не повѣрили бы сейчасъ же и не распространили бы дальше: такъ, выдумка о безуміи Чацкаго, которую пустила разсерженная Софія. Времяпрепровожденіе состоитъ въ исканіи удовольствій, карточной игрѣ, а кто этимъ не удовлетворяется, болтаетъ въ клубѣ о конституціи или основываетъ особья общества, въ которыхъ заговариваютъ себя самихъ и другихъ непонятными словами, политическими и философскими; Грибоѣдова обвиняли тутъ въ извѣтѣ на декабристовъ; но это уже потому невѣрно, что Москва, а не Петербургъ, была мѣстомъ дѣйствія. Женщины еще глупѣе, чѣмъ ихъ мужья, знаютъ только моды, и французское чтеніе и изъ кожи лѣзутъ вонъ, подражая всему иностран-

ному; въ этомъ они отчасти напоминаютъ мужчинъ и самыя рѣзкія тирады Чацкаго, направлены противъ этого. «Займемъ по крайней мѣрѣ у китайцевъ ихъ премудраго незнанія иноземцевъ, чтобы нашъ добрый, умный народъ не считъ насъ за нѣмцевъ». Либералы порицали подобныя выпады Грибоѣдова, которыя должны были заклеить его славянофиломъ, противникомъ Запада, но это отвращеніе къ обезьяняемому подражанію всему чужому Грибоѣдовъ раздѣлялъ съ лучшими людьми своего времени, съ Рылѣевымъ и др.; всѣ декабристы яростно ненавидѣли русскихъ и нерусскихъ нѣмцевъ, надежнѣйшихъ служителей самодержавія, и ихъ московскіе эмиссары только потому не хотѣли посвятить въ заговоръ князя Вяземскаго, что его ненависть къ нѣмцамъ казалась имъ не настоящею; это тотъ самый Вяземскій, который почти одновременно писалъ о Россіи: «Нѣкогда колонія варяговъ, теперь колонія нѣмцевъ; главные города: Петербургъ и Сарепта; торговыя сдѣлки ведутся на нѣмецкомъ языкѣ, высшее общество говорить по-французски, но деньги русскія; русскій языкъ и руки назначены только для черной работы». И въ знаменитыхъ строфахъ «Русскій богъ» (1827) говоритъ онъ «Богъ ухабовъ и мятелей, богъ ночлеговъ безъ постелей, богъ бѣдняковъ нищихъ, богъ имѣній безъ доходовъ, богъ лакеевъ безъ сапогъ, иноземныхъ пришлецовъ, особенно нѣмцевъ,—это онъ, это русскій богъ».

И, однако, Вяземскій не имѣлъ ничего общаго съ славянофилами или реакціей; ненависть къ чужестранцамъ у него, какъ у Чацкаго и декабристовъ, была только справедливымъ негодованіемъ патріота. Обвиненія или заподозриванія Грибоѣдова, совершенно неосновательны; мы знаемъ, какъ онъ симпатизировалъ декабристамъ, и какъ ему удалось по счастію ускользнуть отъ петли допроса; а что онъ въ своей комедіи всѣмъ говорилъ правду, кто могъ бы упрекать его за это?

О значеніи этой комедіи современникъ, декабристъ Бестужевъ, проницательный критикъ, говоритъ въ «Полярной Звѣздѣ», превосходномъ альманахѣ, издаваемомъ имъ вмѣстѣ съ Рылѣевымъ: «Рукописная комедія г. Грибоѣдова—явленіе, котораго мы не видѣли со времени «Недоросля» Визина. Множество смѣло и рѣзко очерченныхъ характеровъ, живая картина московскихъ нравовъ, обиліе чувства въ патетическихъ мѣстахъ, остроумія въ рѣчахъ; до сихъ поръ неизвѣстная легкость и природнаго русскаго разговорнаго языка въ стихахъ,—все это бросается въ глаза и приговываетъ наше вниманіе; человекъ съ сердцемъ не прочтетъ комедіи безъ смѣха, безъ растроганности до слезъ. Люди, которые привыкли даже забавляться на французской системѣ или которые оскорблены пластичностью сценъ, утверждаютъ, что она не имѣетъ завязки, что авторъ пытается понравиться не по предписанію. Пустьъ они говорятъ, что хотятъ, предрасудки будутъ разсѣяны и будущее сумѣетъ достаточно оцѣнить эту комедію и поставить ее въ число первыхъ національныхъ твореній». Предсказанія Бестужева сбылись; предрасудки, даже подозрѣнія, колебанія въ сужденіяхъ Пушкина и Вѣлинскаго окончательно устранены и безъ блестящей статьи Гончарова; образцовое произведеніе русской комедіи всѣми признано таковымъ. Мастерскимъ былъ въ ней прежде всего языкъ: поставить непосредственно на сцену московскую рѣчь салона и гостиной прежде никто и не думалъ; даже и благосклонно настроенныхъ къ поэту поражалъ прежде всего непривычный «реализмъ» языка; стихъ былъ кристаллически гладокъ, текъ безъ запинки. Безчисленные остроумныя, проницательныя замѣчанія издавна сдѣлались общимъ достояніемъ, прямо поговорками, фигуры—типами. Одно ихъ названіе вызываетъ въ памяти образъ чиновника, ничего не знающаго на свѣтѣ, кромѣ службы и повышеній, сенатора, подписывающаго бумаги, не читая ихъ; подхалима, которому имѣть собственное мнѣніе кажется дерзостью, котораго украшаютъ только два таланта,

точность и умѣренность; ихъ собственныя имена давно уже обратились въ нарицательныя. Дѣйствіе, хотя и незначительное, развито послѣдовательно, діалогъ ведется мастерски. Характеры даже лицъ третъстепенныхъ очерчены весьма опредѣленно. Только относительно Чацкаго не могли какъ слѣдуетъ столкнуться, кто онъ, фразеръ ли только или нѣтъ. Самъ ли это поэтъ, или насколько этотъ отождествляетъ себя съ нимъ. Несомнѣнно, Чацкій дѣйствуетъ больше словомъ, нарушаетъ лѣнивое спокойствіе умовъ, но замѣчаніемъ, что онъ только герой фразы, нельзя покончить съ нимъ. Хотѣли даже вопреки очевиднымъ намѣреніямъ автора выставить его комической фигурой, такъ непріятны были истины, которыя онъ преподносилъ другу и недругу. Добрую часть своего собственного вкладываетъ авторъ въ уста героя, полного чувства и темперамента, котораго создала обстановка, безхарактерная, трусливая и продажная, невѣжественная и надменная, пустая и низкая. Мы знаемъ рѣзкія сужденія Грибоѣдова, напр., о литературной «сволочи» въ Петербургѣ (позднѣе на ту же тему говорить Толстой), или о «культурной миссіи» Россіи на Востокъ, напр., о борьбѣ свободы горь и лѣсовъ съ просвѣщеніемъ барабана и дѣйствіемъ ракетъ, «мы вѣшаемъ, прощаемъ, и плѣземъ на исторію», или что онъ говоритъ о русскомъ «духѣ разрушенія»; объ его ожесточенности свидѣтельствуетъ самъ Пушкинъ. Поэтъ чрезъ Чацкаго бросалъ вызовъ въ глаза самому обществу, воплотивъ въ своемъ героѣ духъ протеста, который, какъ разъ послѣ декабрьскихъ дней 1825, когда все пришло и съежилось, былъ тѣмъ значительнѣе.

Но Чацкій не просто Альцестъ и Фигаро; какъ у Батюшкова, Рылѣва, у поэта проявляются уже слѣды романтическаго настроенія и не въ байронствующихъ, болящихъ міровою скорбью, мысляхъ только. Поэзію,—дѣло жизни («я люблю ее безумно, страстно») онъ чувствовалъ въ грандіозныхъ ландшафтахъ Кавказа, въ картинахъ патриархальныхъ нравовъ и отчаянной борьбы горцевъ; но задуманная трагедія «Ночь въ Грузіи» не была выполнена. Грибоѣдовъ нападалъ и наступалъ въ жизни, какъ и въ литературѣ; совершенно неспособный къ спокойной, эпической созерцательности à la Пушкинъ, къ сентиментальной меланхолии à la Жуковский; онъ былъ натурою боевою и протестующею; какъ все возбуждало его, напр., муки быть пламеннымъ мечтателемъ въ странѣ вѣчнаго снѣга: пронизываетъ до костей холодъ, равнодушіе къ людямъ съ талантомъ. 1812 г. даетъ и ему поводъ для созданія драматическаго произведенія. Главнымъ героемъ былъ крѣпостной, который совершаетъ геройскія дѣла, получаетъ за это лишь неблагодарность, равнодушіе и возвращается въ свою родную деревню опять подъ барскія розги. Отчаяніе вызываетъ его на самоубійство.

Внезапная и ранняя смерть поэта разрушила все; осталась только одна комедія, которая, какъ одинокій холмъ на равнинѣ, не имѣетъ себѣ предшественниковъ и потомковъ, ни въ собственныхъ произведеніяхъ автора, ни, вообще, въ литературѣ; она одна съ успѣхомъ оспариваетъ интересъ публики который теперь нераздѣльно обратился къ Пушкину и его «Онѣгину». Въ Грибоѣдовѣ потерялъ Пушкинъ единственнаго, дѣйствительно опаснаго соперника, котораго онъ одно мгновеніе видѣлъ въ Рылѣвѣ. Или случилось бы иначе? Не измѣнилъ-ли бы литературѣ и Грибоѣдовъ при его честолюбіи и жаждѣ дѣятельности, которыхъ презрѣнная роль литератора въ Россіи никогда достаточно не могла удовлетворить? Вопросъ бесполезный, но мы считали все-таки нужнымъ указать на эту возможность.

Мы достигли поворотнаго пункта русской литературы, которая теперь является уже не просто въ роли «конфектъ и плодовъ за обѣдомъ» или «освѣжительнаго лимонада въ лѣтнее время». Путешествіе Радищева, такъ

называемыя баллады Рылѣва, комедія Грибоѣдова были социальными фактами; они могли быть изъяты изъ публичнаго обращенія, оставались вѣстниками иной жизни, другого, существенно различнаго пониманія литературы,—хотя-бы и вылились въ несчастный уличный бунтъ. Такія слѣдствія петербургская литература вывела изъ французскаго просвѣщенія.

Иначе относилась къ этому московская, для которой сентиментальный «тевтоноросецъ», Карамзинъ, сдѣлался руководящимъ примѣромъ. Впрочемъ, самъ Карамзинъ скоро навсегда разочаровалъ современниковъ; въ то время какъ лились дождемъ безчисленныя подражанія его сентиментальному «Путешествію», его еще болѣе сентиментальной «Бѣдной Лизѣ», напр. «Бѣдная Маша», «Прельщенная Генриетта», «Несчастливая Маргарита» и т. д.; когда даже комедія поносила «нѣжнаго» писателя для дома кн. Шаликова *),—онъ самъ отвернулся отъ всякой сентиментальности и, оставивъ даже неоконченнымъ интересный, авробиографическій романъ «Рыцарь нашихъ дней», промѣнялъ роль издателя и беллетриста на роль историка. Въ 1816 г. были окончены первые восемь томовъ его «Исторіи русскаго государства»; они появились въ 1818, до 1824 г.—въ 1826 г. умеръ Карамзинъ—послѣдовали еще девятый и десятый томы, до восшествія на престолъ Романова. Это былъ первый колоссальный успѣхъ прозы; въ немногія недѣли изданіе было расхвачено. Какъ Колумбъ Америку, такъ и Карамзинъ открылъ русскимъ ихъ исторію, по извѣстному сравненію Пушкина; онъ показалъ, какъ увлекательно можно рассказывать эту невидную, однообразную исторію; искусство стилиста было, быть можетъ, больше, чѣмъ изслѣдователя, ученаго. Въ своихъ политическихъ письмахъ Карамзинъ несравненно больше литераторъ, чѣмъ государственный человѣкъ; тоже самое и въ его исторіи; только въ примѣчаніяхъ виденъ изслѣдователь, ищущій правды; въ самомъ изложеніи господствовалъ неприкрашенный торжественный тонъ эпическаго творца,—безусловнаго поклонника самодержавія, находящаго его даже во времена, которыя о русскомъ «государствѣ» и ни малѣйшаго предчувствія не имѣли. Это было большою односторонностью Карамзина, знаменательно сказавшеюся уже въ заглавіи труда, побудившее молодежь, какъ Пушкина и др., къ эпиграммамъ или пародіямъ, напр., о возвращеніи Ливія въ Карамзинскомъ стилѣ. Но либеральная оппозиція и ученая мелочность Каченовскаго скоро умолкли; книга считалась какъ бы откровеніемъ. По ней создалъ Пушкинъ свою драму, Загоскинъ—романъ; сомнѣваться въ ея авторитетѣ казалось дерзостью; когда купеческій сынъ Полевой осмѣлился, въ противовѣсъ исторіи Русскаго государства, написать исторію русскаго народа, когда добросовѣстный педантъ Устряловъ сдѣлалъ возраженіе, прежде благородные, просвѣщенные, либеральные мужи форменно доносили министру Уварову объ этомъ намѣреніи пошатнуть авторитетъ Карамзина. За двадцать лѣтъ раньше Кутузовъ дѣлаетъ навѣты передъ министромъ просвѣщенія на сочиненія Карамзина, отмѣчая ихъ вольнодумный, якобинскій ядъ, ихъ провозглашеніе атеизма и анархїи, настаивая на томъ, что его должно показать передъ государемъ во всей его отталкивающей наготѣ, какъ врага Бога и орудіе тьмы. Такъ мѣнялся объектъ доносовъ, только сами они оставались единственнымъ постояннымъ въ

*) Его осмѣивалъ кн. Шаховской въ одноактной пьесѣ «Новая Звѣзда» (1805); слуга сожалеетъ о своемъ господинѣ: «Вы, плаксивые писатели, слезоточивые авторы, вы погубили совесть моего господина», и спрашиваетъ: откуда появилась у васъ эта сентиментальная чертовщина? Онъ узнаетъ, что она была образована въ Англии, испорчена во Франціи, искажена въ Германіи и пришла къ намъ въ самомъ жалкомъ видѣ. Карамзинисты не простили ему этой и подобныахъ выходокъ, напали на «Шутовскаго» какъ на его комическій эпосъ, уграшавшій Шиховскіе «доклады», такъ и за его комедіи, не будучи въ состояніи поколебать его популярность. Даже названіе «Арзамасъ» возникаетъ въ этой полемикѣ.

ходѣ русскихъ событій: доносы въ стихахъ и прозѣ, на друга и врага, передъ третьимъ отдѣленіемъ и передъ обществомъ, попадающіе въ цѣль и напрасные ядовитые, трезвые и глупые,—все это были щекотливыя, но весьма жизнеспособныя темы, которыя русской литературой всегда избѣгались, если не считать нѣкоторыхъ намековъ и попытокъ у Щедрина.

Самъ Карамзинъ, оставивъ все sentimentalности, обратился въ крайняго реакціонера. «Новая Россія» Сперанскаго, все реформы въ законодательствѣ, требованіе общаго образованія для прохожденія чиновнаго поприща, поднятіе вопроса о крѣпостномъ правѣ, все казалось ему дерзкимъ потрясеніемъ основъ, преступленіемъ противъ Россіи. Онъ осуждалъ реформы Петра уже за ихъ быстрый темпъ, за рѣзкій порывъ со священными традиціями. Но это онъ дѣлалъ только передъ императоромъ, какъ бы для того, чтобы предохранить его отъ подобныхъ дѣйствій, передъ большимъ обществомъ онъ признавалъ только необходимость извѣстныхъ послѣдствій дѣла реформы, наличность окончательнаго раздѣленія со старою Русью. Такія противорѣчія у Карамзина нерѣдки; они не смущали современниковъ уже потому, что для нихъ они оставались большею частью скрытыми. Обаяніе его личности дѣйствовало могуче; много значило его чувство независимости, которое противостояло всеѣмъ соблазнамъ; откровенность, съ которой онъ высказывалъ свое мнѣніе и передъ царемъ (правда сестра императора поддерживала его), и смѣлость сужденій, заставлявшая видѣть въ немъ твердаго, непоколебимаго патріота (но патріотами считались и Вольтеръ, и Державинъ); большое вліяніе имѣли его спокойный, постоянный характеръ, побуждавшій его избѣгать всякихъ личныхъ уколловъ и препирательствъ, тактъ, знанія, гуманное сердце, sentimentalность, которую онъ всегда хранилъ въ себѣ. Были люди, напр., Жуковскій, прямо поклонившіеся ему, для которыхъ «Карамзинъ» былъ религіей. Обозначаютъ періодъ отъ 1790—1820 прямо Карамзинскимъ; но едва ли съ правомъ: Карамзинъ скорѣе заключаетъ старый періодъ, чѣмъ начинается новый. Въ своей «Исторіи» онъ просто резюмировалъ Татищева и Болтина, Щербатова и Шлецера, превосходя ихъ скорѣе искусствомъ изложенія, а не обработкою матеріала и собственными точками зрѣнія; то же и для изящной литературы, гдѣ онъ не завоевываетъ никакихъ новыхъ областей, не даетъ самъ ничего новаго; несмотря на всю sentimentalность, его «реформа», главнымъ образомъ, внѣшняя, касается стили и языка, именно прозаическаго,—для своей исторической прозы онъ почерпаетъ богатый матеріалъ изъ источника древнихъ лѣтописей.

Собственнымъ представителемъ sentimentalнаго, прекраснороднаго направленія въ литературѣ сдѣлался молодой питомецъ и другъ Карамзина, Жуковскій, самый приверженный германофилъ среди русскихъ поэтовъ; онъ вовсе не крайній романтикъ, какъ его часто характеризуютъ, но мечтательная и вдумчивая натура; это не поэтическая маска, но

Жуковскій.

истинное зеркало на рѣдкость чистой души. Отказывая себѣ во всемъ, полный готовности къ самопожертвованію, онъ на все отваживался ради другихъ, чтобы смягчить ихъ несчастья (декабристы), отвратить отъ нихъ опасности (Пушкинъ), помочь своимъ друзьямъ (неблагодарный Воейковъ, Гоголь и др.); безпритязательный, кроткій, цѣломудренный—онъ скромно проходилъ свой жизненный путь. Это не былъ характеръ энергичный, созданный для борьбы; тщетно пытались друзья сдѣлать изъ него соціальнаго поэта; напрасно они боялись потомъ за него соблазновъ двора; относящаяся сюда сатиры вовсе не касались его, онъ всегда оставался въ сознаниі чистоты своихъ намѣреній. Этотъ недостатокъ энергіи характеризуетъ также и его поэтическое творчество, которое является простымъ подражаніемъ. Жуковский самый прославленный переводчикъ русской литературы, начиная съ «Сельскаго кладбища» Грея (1802) до «Одиссеи» (1848). Одинъ руководящій мотивъ проникаетъ эти стихотворенія и переводы: чувства отреченія и покорности, вложенныя ему собственнымъ жизненнымъ опытомъ.

Бунинъ-Жуковский, въ жилахъ котораго текла восточная кровь, черезъ своихъ друзей по пансіону, сыновей Тургенева, познакомился въ Москвѣ съ нѣмецкой и англійской поэзіей. Это были образованные, стремящіеся вдаль, идеальные юноши: Андрей, сердечный другъ Жуковского, рано умеръ; Николай за свой либеральный образъ мыслей подвергся ссылкѣ; Александръ не раздѣлилъ участи брата, но былъ того же образа мыслей. Они всѣ живо интересовались литературой; первые опыты Жуковского датированы его дѣтскими годами. Болѣе широкимъ кругамъ имя Жуковского сдѣлалось извѣстнымъ, когда появились его извѣстный переводъ «Элегій» Грея, затѣмъ «Пѣснь воиновъ у гроба славянъ-побѣдителей» (1806, по поводу Аустерлица!), риторико-патріотическая ода, «Людмила», первая русская баллада—написанная въ подражаніе Бюргеровской «Леонорѣ», въ 1808, и приобретающая для славянскихъ литературъ прямо значеніе эпохи; именно она повела за собой длинный рядъ скелетовъ и плясокъ мертвецовъ, филиновъ и всякаго рода привидѣній, ибо «баллада» Каменева, «Кромвель», (1803) такъ же мало—баллада, какъ романтичны—страшные романы Радклиффа,—такъ выросли Жуковский всѣхъ русскихъ чертей, вѣдьмъ и выходцевъ съ того свѣта. Славу «Балладкина» увеличили прозаическіе рассказы, какъ «Марьяна роща». Намъ она кажется невыносимо приторною, но современники восхищались ею; въ поэтѣ же она вызвала горькія чувства, такъ какъ ея Уладъ, пѣвецъ древности, который груститъ о погребальныхъ носилкахъ Маріи, былъ самъ Жуковский со своей тихой скорбью о собственной Машѣ.

Жуковский посвятилъ себя исключительно поэзіи, убѣжденный, что и этой службой всему благородному и хорошему онъ выполнялъ высокую соціальную задачу. Его идеаломъ былъ Шиллеръ, не Гете; Бюргера онъ оставилъ, зато обратился къ Уланду, Геббелю, къ которымъ позднѣе присоединились «Сидъ» Гердера и «Ундина» Фукэ, еще позднѣе «Камознсъ» Гальма. Баллады Шиллера, пѣсни Гомера, равно какъ и «Орлеанская дѣва», триумфы его искусства, какъ переводчика. Какъ ни добросовѣстно старался онъ соблюсти оригиналь, однако, мы часто наталкиваемся на преднамѣренныя измѣненія, которыя придавали цѣлому тотъ мечтательно-фантастическій, элегическій тонъ, который принадлежитъ ему самому; онъ передѣлываетъ поэтическія произведенія. Такъ онъ поступилъ уже съ «Людмилой», которую надѣлилъ русскимъ сарафаномъ; взявъ свою тему изъ романа Шписа, онъ потомъ существенно переработалъ въ «Двѣнадцати спящихъ дѣвахъ»: Громобой, первой части (1810), продаетъ свою душу Асмодею, который обманываетъ его, и отдаетъ ему вмѣсто собственной души своихъ юныхъ дочерей, которыя въ глубокомъ снѣ ждутъ избавленія; во второй

части (1817), совершаетъ это Вадимъ, котораго гонить въ даль необъяснимая тоска (Что искать, гдѣ? Къ чему направить требованія?) поэтъ выбросилъ чувственные эпизоды и цѣлое облекъ преднамѣренно въ неясный туманъ, который скрываетъ отъ насъ опредѣленные очертанія. Въ этихъ эпическихъ опытахъ и въ балладѣ «Свѣтлана», какъ pendant къ «Людмилѣ», находимъ мы единственныя уступки русской старинѣ, т. е. утопіямъ, которыя отсюда выходили, смѣшеніе языческо-классической мифологіи и воспѣванія любви, что долженъ былъ разсѣять только «Ливій Севера». Современники ожидали отъ Жуковского своего рода русско-романтической эпопеи; онъ обращался неоднократно ко «Владиміру» и героямъ его круглаго стола, но остановился, однако, на первыхъ наброскахъ—не только потому, что ему недоставало пониманія времени, несмотря на его «Ливію», но прежде всего потому, что онъ вовсе не былъ эпикомъ, а всегда только лирикомъ.

Своего наибольшаго поэтического успѣха онъ достигъ сомнительными по достоинству произведеніями, которыя спустя годы перестали удовлетворять его самого. Если «Пѣснь воиновъ» (1806 г.) составлена въ условномъ стилѣ, то въ 1812 г. Жуковский самъ шелъ среди защитниковъ отечества и принесъ изъ кампаніи «Пѣвца въ станѣ русскихъ воиновъ». Эта слишкомъ длинная, героическая ода была всюду, начиная со двора, принята съ воодушевленіемъ; въ дѣйствительности же поэтического въ ней было только нѣкоторыя сентиментальныя тирады и нѣсколько сильныхъ антиitezъ; а то все условно, начиная съ пѣвца Баяна, радости древнихъ лѣтъ, который со своею арфою леталъ предъ строями славянъ и гремѣлъ священныя гимны, отъ шлемовъ и щитовъ до угрозы: Попытайся, врагъ, вырвать щитъ, который рука милой намъ дала, на немъ горитъ святой обѣтъ: твой и по ту сторону гроба! Еще суше и риторичнѣе была слѣдующая ода: «Пѣвецъ въ Кремлѣ» къ годовщинѣ «изгнанія галловъ и съ ними дванадцати языкъ»,—но обѣ приблизили поэта ко двору, гдѣ онъ сталъ сначала учителемъ русскаго языка одной великой княгини, потомъ сдѣлался воспитателемъ цесаревича Александра II. 1812 и 1813 г. не отдались въ литературѣ никакимъ болѣе живымъ эхомъ; оставались при официальной лирикѣ Державина и др., даже «партизанъ» Давыдовъ не внесъ смѣны въ эту бумажную или жестяную «поэзію».

Только мимоходомъ кончилъ Жуковский эту лирическую работу, въ которую онъ вносилъ частичку самого себя,—напр., въ заключительныхъ стихахъ «Кремля» указаніе на потустороннее и обновленное воскресеніе того, что у насъ вырвалъ смертный часъ. Другія стихотворенія несравненно полнѣе выражаютъ его существо, такъ «Теонъ и Эхинъ», гдѣ Теонъ, вѣщающъ мудрость Жуковского Эхину, разочарованномъ жизнью и ея дарами: «Не въ радостяхъ быстрыхъ, не въ ложныхъ мечтахъ я видѣлъ земное блаженство. Что можетъ разрушить въ минуту судьба, Эхинъ, то на свѣтѣ не наше; но сердца нетлѣнныя блага: любовь и сладость возвышенныхъ мыслей. Вотъ счастье... для сердца (только) прошедшее вѣчно».—Мысль, чаще всего варьируемая и цитируемая Жуковскимъ,—«Страданіе въ разлукѣ есть та же любовь, надъ сердцемъ утрата безсильна. И скорбь о о погибшемъ не есть ли, Эхинъ, обѣтъ неизмѣнной надежды: что гдѣ-то въ знакомой, но тайной странѣ, погибшее намъ возвратится?» Эту вѣру навсегда сохранило для себя большое дитя; съ теченіемъ времени возрѣла религіозность, сгущались мистическіе туманы. Сила поэтического творчества часто останавливалась на цѣлые годы; друзья и юноши, какъ Пушкинъ, надѣялись на воскресеніе поэта, но непривычная служба, необыкновенно серьезное отношеніе къ ней—все-таки Жуковский бросилъ въ душу Александра сѣмена гуманныхъ стремленій—напрягли всѣ его силы;

за это время онъ не далъ ничего, кромѣ случайныхъ стихотвореній, бездѣлушекъ въ стихахъ, и даже прекратилъ свои переводы. Только, когда по окончаніи придворной службы, онъ могъ возвратиться къ самому себѣ, несмотря на подвинувшіеся впередъ годы, дѣятельность его усилилась, увеличались стихотворныя подражанія, напр., «Навъ и Дамаянти», которыя несравненно поэтичнѣе, чѣмъ ея Рюккертовскій подлинникъ, и Жуковский принялся за переводъ «Одиссеи».

Духъ античности всегда оставался чуждымъ Россіи; во время своего средневѣковья, до Петра Великаго, она знала античный міръ едва по имени; кѣвляне вынесли изъ польскихъ школъ латынь и классиковъ, но это осталось совершенно безплоднымъ; литераторы, за немногими исключеніями, знали классиковъ только изъ французскихъ пародій. Къ тому же часто не любили ихъ; когда Карамзинъ въ своемъ «Пантеонѣ иностранной литературы» хотѣлъ помѣстить нѣкоторыя рѣчи Демосоена, это запретила цензура, «такъ какъ Демосоевъ былъ республиканецъ, и такихъ людей, какъ Цицерона и Салюстія, не должно переводить». Ту же самую точку зрѣнія выдвигали еще послѣ 1858 г., особенно нападали на обученіе античной исторіи: должно исходить изъ того положенія, что только въ наказаніе за ихъ язычество Богъ отказалъ грекамъ и римлянамъ въ разумъ и воспримчивости къ благамъ самодержавія. Только, когда изученіе классиковъ потеряло всякій смыслъ, и въ Европѣ классицизмъ держится уже лишь по традиціи, нынѣ чѣмъ менѣе обоснованной, тѣмъ болѣе упорной.—въ Россіи, благодаря тріумвирату Д. Толстого, Каткова и Леонтьева, онъ былъ принятъ въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ въ учебную программу, съ опредѣленнымъ намѣреніемъ забивать голову молодежи и сдѣлать болѣе тяжелыми занятія. Цѣль обскурантовъ и ренегатовъ блестяще достигнута; нигдѣ на свѣтѣ классическое обученіе не является одинаково ненавистнымъ и безплоднымъ, какъ въ самой неклассической изъ всѣхъ странъ, въ святой Руси; филологовъ для насажденія этого образованія должны были, какъ и военныхъ музыкантовъ, большею частью выписывать изъ Богеміи; собственнаго филолога по призванію Россія, кромѣ Зелинскаго, не дала.

Самостоятельныхъ знатоковъ весьма долгое время не существовало; первыми были два Муравьева; одинъ—Михаилъ, учитель великихъ князей, попечитель московскаго университета, заслуженный, благородный человекъ, отецъ тѣхъ Муравьевыхъ, которые не вѣшали, но висѣли (оба декабриста), «Фенелонъ» Багюшкова и покровитель Карамзина, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей времени, умершій въ 1807 г.; другой—Иванъ Муравьевъ-Апостоль, мишень остротъ со стороны князя Горчакова и Пушкина, «новый Локкъ», по своимъ «письмамъ о классическомъ образованіи», переводчикъ Горація и «Облаковъ» Аристофана, обработавшій Шеридановскую школу злословія, что ошибочно приписывали Александру I, авторъ комедіи во вкусѣ Визинскаго «Недоросля» и писемъ о Таврическомъ путешествіи, которые выставляли Тартюфа-дурака, считавшаго все античное нечестивымъ; онъ умеръ въ 1851 г. Рекомендаціямъ старшаго Муравьева былъ много обязанъ и Мартыновъ, заслуженный педагогъ, который составилъ себѣ имя, какъ переводчикъ съ греческаго, знаніе котораго онъ принесъ съ собою изъ Полтавской семинаріи; но его переводы, какъ и московскаго профессора Мерзлякова, деревянные и безпомощны. Обоихъ превосходитъ Гнѣдичъ, симпатичный поэтъ, написавшій нѣсколько собственныхъ элегій въ античномъ духѣ, первый изъ русскихъ, проникшій въ волшебный міръ Гомера. Плодомъ многолѣтняго труда былъ начатый александрійскими стихами и, по настоянію Уварова, выполненный въ гекзаметрахъ переводъ Илиады (1829); на русское общество, недоступное для настоящаго классицизма, какъ и всякое славянское, онъ не произвелъ большого впечатлѣнія.

нельзя отказать ему въ точности и силѣ, мало было только естественности; торжественность, т. е. натянутасть языка, была достигнута чрезмѣрными «славянизмами», устарѣлыми конструкціями; ни на одно мгновение не отдѣлаешься отъ мысли, что имѣешь предъ собою переводъ.

Иначе дѣло обстоило съ Одиссеей Жуковскаго, которая появилась въ 1848 и 1850 гг. На склонѣ дней, въ тихой гавани семейной жизни, возненавидѣла «прекрасная душа» современную, конвульсивную, истерическую, запутывающую чувства поэзію Гервега и его сотоварищей; эта душа съ ея дѣтскою вѣрой, съ ея сознательнымъ подчиненіемъ разума и воли милости и Провидѣнію, безучастно и безъ пониманія относилась къ социальной и политической борьбѣ; зато она обратилась къ первоначальной, патриархальной поэзіи библіи и Гомера, «которая свѣтло и кротко оживляетъ и успокаиваетъ, все окружающее насъ мирно украшаетъ, насъ не беспокоитъ, не отвлекаетъ въ туманныя дали... Муза Гомера озолотила часы моей состарѣвшейся жизни».—И «Одиссеѣ» остался Жуковскій вѣрнымъ. Варнгагенъ говорилъ: «Впечатлѣніе отъ этого перевода весьма близко подходитъ къ подлиннику; то же самое обаяніе языка, та же самая простота и ясность, то же самое эпическое теченіе и благозвучіе гекзаметра. Поэтъ повторилъ іонійскую прелесть и блескъ въ скисскихъ звукахъ, которые навѣрное ближе къ греческимъ, чѣмъ это мы обыкновенно думаемъ». Геній Жуковскаго съ величайшимъ успѣхомъ воспользовался неоцѣнимою способностью русскаго языка къ такому подражанію, его мастерское знаніе стихотворнаго искусства весьма счастливо управилось съ чужими формами. Въ основѣ, однако, эта Одиссея Жуковскаго не та, что Гомера; при всей вѣрности и дословности основной тонъ различенъ; сентиментально-элегическое и дидактическое внесено переводчикомъ, который также, напр., съумѣлъ смягчить и протестъ Байроновскаго «Шильонскаго узника». И при всей простотѣ и гладкости не удержался переводчикъ отъ устарѣвшихъ, нарушающихъ впечатлѣніе формъ и словъ. Какъ и Гнѣдичъ, онъ встрѣтилъ только холодный, равнодушный пріемъ.

Во всякомъ случаѣ, Жуковскій остается самымъ оригинальнымъ переводчикомъ во всемірной литературѣ; гдѣ въ другомъ мѣстѣ переводчикъ могъ дѣлать своимъ духовнымъ достояніемъ все чужое, за что бы онъ ни брался, и достигать этого, просто умалчивая и опуская однѣ черты, подчеркивая другія? Переводы стали подражаніями, и тутъ онъ выказалъ себя недосыгаемымъ мастеромъ. Его заслуги основывались затѣмъ на окончательномъ освобожденіи родной литературы отъ исключительнаго французскаго вліянія; какъ никто другой, онъ расширилъ ея содержаніе, давъ обиліе образцовыхъ произведеній, особенно нѣмецкой и англійской литературы; играючи, преодолевая онъ затрудненія стиха и языка, что особенно удивляло Пушкина; русскій поэтический слогъ достигъ благодаря ему несравненно высшаго совершенства, чѣмъ прозаическій — благодаря Карамзину. Эту отсталость прозы чувствовалъ особенно Пушкинъ. Что насъ привлекаетъ въ Жуковскомъ, такъ это откровенность его настроенія, искренность его чувствъ: мы не раздѣляемъ его бѣгства отъ міра, его надеждъ на потусторонній міръ, его самоотверженія; мы уважаемъ ихъ, такъ какъ они исходили отъ сердца, не были ни придуманы, ни разсчитаны.

Батюшковъ и Жуковскій, въ сущности, двѣ противоположности: одинъ классикъ осязаемо пластическаго языка, пѣвецъ чувственнаго наслажденія жизнью, подражатель антологій и Гбрація; другой сентиментальный романтикъ, съ преданамеренно таинственными, просто намекающими, часто совершенно исчезающими чертами, оба форменно истожили область подражательной, не оригинальной русскаго поэзіи; прогрессъ на этомъ пути былъ едва ли возможенъ. Они усовершенствовались орудіе поэтическаго языка, въ

самыхъ различныхъ формахъ стиха достигая высшей технической законченности; они подготовили все для своего ученика, который долженъ превзойти своихъ учителей.

Русская искусственная проза не находилась еще даже въ этой подготовительной стадіи развитія. Настоящаго искусства передъ эстетическимъ трибуналомъ за ней, вообще, не признавали, такъ какъ Лагарпъ и Батто ничего не знали о ней. Попытки исторической драмы въ прозѣ не удались на сценѣ. Правда, романъ былъ уже, какъ въ екатерининское время, излюбленнѣйшимъ средствомъ къ убитію досуга, къ нему съ такимъ успѣхомъ обращался, напр., Крыловъ, но эту жажду чтенія удовлетворяли все еще простые переводы. На путь Измайлова вступилъ только одинъ, малороссъ Нарѣжный. Литературные круги не обращали на него никакого вниманія, но онъ нашель доступъ къ публикѣ. Нарѣжный дѣлалъ опыты въ различныхъ жанрахъ; онъ началъ «Славянскими вечерами», эпическими стихотвореніями въ прозѣ, которыя кievскій круглый столъ запутывали въ оссіановскій туманъ (1809), но уже въ 1813 попалъ на настоящую дорожку. Убѣжденный, что русскіе должны интересоваться больше судьбою соотечественника, чѣмъ иностранца, что время безпрепятственнаго изображенія русскіхъ нравовъ уже наступило, онъ въ 1813 г. издаетъ три первыя части своего «Русскаго Жиль-Блаза или приключеній князя Чистякова»; три остальные должны были послѣдовать. Но писатель сдѣлалъ свой расчетъ безъ цензуры и масоновъ; уже начало было запрещено, вторая половина никогда не была напечатана. Романъ былъ очень запутанъ, рядомъ съ исторіями Чистякова идутъ параллельно другія; имѣлось въ виду представить всѣ стороны русской жизни, мелкое дворянство, крестьянъ, провинціальное чиновничество, даже осмѣивались шипковцы и масонство, его церемоніи, его оргіи. Послѣ этой неудачи, такъ какъ цензура похоронила его лучший трудъ, обратился «русскій Тень» съ большею удачею отъ великороссозъ къ малороссамъ: его великій преемникъ Гоголь совершилъ ту же дорогу, только обратно. Въ разсказахъ и романахъ онъ изобразилъ типичныя особенности старой Украины, ея пановъ, старыхъ дворянъ въ ихъ патріархальномъ быту, питомцевъ духовныхъ школъ, «бурсаковъ», страсть къ тяжбамъ, которыя, начавшись изъ-за пустяковъ, разоряютъ цѣлыя семейства («Два Ивана»); казаковъ въ ихъ Стѣчи за дѣпровскими порогами. Историческое мѣшалось съ юриетическимъ; современная критика находила у него такъ называемыя грубости; пора реализма еще не пришла. Нарѣжный осужденъ былъ на раннее забвеніе, ибо во всѣхъ областяхъ, гдѣ онъ первый началъ подвизаться, отбѣнилъ его другой малороссъ Гоголь, рядомъ съ гениемъ котораго простой талантъ не могъ утвердиться.

Если за эту четверть столѣтія было сдѣлано такъ мало именно въ прозѣ, то не должно забывать, что отчасти и само время было неблагоприятно для литературной работы. Приведемъ одно знаменательное свидѣтельство. Министръ фонъ-Штейнъ въ Петербургѣ обратилъ вниманіе императора на дѣятельность прессы; такимъ образомъ, русскій нѣмецъ Гречъ, когда онъ въ 1812 г. вздумалъ издавать свой «Сынъ Отечества», находить поддержку со стороны самого царя. Гречъ сталъ потомъ на собственныя ноги, одинъ выполняя въ своемъ еженедѣльникѣ всѣ функціи редактора, переводчика и т. д.; онъ тогда впервые началъ печатать и годовые обзоры русской литературы. Въ этомъ ему сначала подражали альманахи, послѣ Бѣлинскій. Въ обзорѣ на 1814 г. мы находимъ поименованными только нѣсколько научныхъ трудовъ; изъ изящной литературы были лишь переводъ Палицына «Садовъ» Делилля, пара описательныхъ и дидактическихъ поэмъ, басни Измайлова и Крылова; рѣшительно замѣчено: въ то время, какъ между 1801—1805 г. появилось больше книгъ, чѣмъ раньше

въ двойной періодъ; вслѣдствіе политическихъ событій 1806—1814 литература прямо остановилась, и въ 1812 г. не написали ни одной строки, не относящейся къ тогдашней суматохѣ; только 1814 г. принесъ поворотъ къ лучшему. Гречъ радуется, когда въ этомъ году въ Петербургѣ и Москвѣ появились одинъ романъ, переводъ съ нѣмецкаго, и два историческихъ разсказа; онъ жалуется на недостаточный сбытъ серьезныхъ русскихъ произведеній, напр., описанія путешествій Крузенштерна и Лисовскаго; жалобы на незначительное количество русскихъ книгъ постоянны; еще Пушкинъ взываетъ: Гдѣ же они? Давайте ихъ! и Бѣлинскій пишетъ на эту тему годовой обзоръ на 1841 г. Такъ все еще не выросло изъ земли никакой литературы, къ тому же, къ этому проявляли такъ мало интереса, но послѣдній скоро долженъ былъ значительно возрасти;—принесло ли это дѣйствительную пользу литературѣ, на это отвѣтитъ Пушкинъ.

ШЕСТАЯ ГЛАВА.

Пушкинъ.

Его юность; лицейскія стихотворенія; анакреонтикъ и эпиграмматистъ; его сѣлка; байронистъ. Эпикъ и драматикъ. Вліяніе 14-го декабря. Пушкинъ, какъ прозаикъ; какъ лирикъ. Пушкинъ и общество; Пушкинъ и критика. Смерть поэта. Его значеніе.

На почвѣ, кое-гдѣ взрыхленной работой кievскихъ и иностранныхъ учителей, изящная литература была «насажена» механически и внѣшне; она уже принесла плоды, незначительные по числу и сомнительные по достоинству. Псевдоклассическая литература санкціонировала простое подражаніе; этимъ уже заранѣе давались формы и содержаніе, оставалось только видоизмѣнять языкъ. То, что русскимъ было совершенно чуждо, Беллона и Хариты, весь мифологическій и классическій вздоръ, которымъ исключительно питалась ложно-классическая литература, считалось прямо достоинствомъ, чѣмъ-то новымъ, хотя на своей родинѣ давно уже было брошено въ навозную кучу. Литература Ломоносова и Державина, столь же русская, какъ треугольная шляпа и ботинки съ застежками, была чисто модною вещью, простымъ подражаніемъ, не имѣла никакой связи со странною и людьми, ихъ исторіей и ихъ потребностями; о самомъ важномъ, чѣмъ должно было двигаться все послѣдующее развитіе,—о народѣ и его судьбѣ, эта нерусская, но по-русски написанная литература ничего и не знала. Господство этой литературы даже въ ея отечествѣ, Франціи, шло къ неизбѣжному концу, въ Германіи и Англии она давно была погребена; устарѣлая мода требовала и въ Россіи обновленія, и за ложноклассической постѣдовала здѣсь какъ и въ другихъ мѣстахъ романтическая. Эта перемена произошла почти безъ борьбы, какъ будто дѣло шло о введеніи новаго фасона шляпъ; однако, романтизмъ былъ чуждъ русскимъ такъ же, какъ и классицизмъ. Да и не понимали, какъ слѣдуетъ, этой борьбы, ни у себя, ни за границей. Ограничивались простыми внѣшностями: у одного считалось романтическимъ освобожденіе отъ обязательности трехъ единствъ и стихотворной формы въ драмѣ, пренебреженіе «правилами»; другой смѣшивалъ романтизмъ съ фантастической обстановкой, съ явленіями чертей и духовъ, со сказками и преданіями; для третьяго романтизмомъ было все средневѣковое, т. е. совершенно чуждое Россіи, не переживавшей европейскаго средневѣковья; иные видѣли въ романтизмъ освобожденіе страстей отъ оковъ, протестъ противъ ига общественныхъ или даже моральныхъ правилъ, борьбу съ ними, недовольство и ожесточеніе; другихъ привлекало историческое, національное, мѣстный колоритъ только

они искали всего этого больше въ романтическихъ ландшафтахъ Финляндіи и Кавказа, или въ дико—патріархальномъ быту Востока, цыганъ и разбойниковъ, чѣмъ у себя дома въ вѣчно казарменной односторонности великорусской регламентированной жизни. Чѣмъ больше говорили о романтизмѣ, тѣмъ запутаннѣе были понятія; въ сущности, онъ оставался такъ же чуждымъ, искусственно «насажденнымъ», какъ и классицизмъ; но онъ обозначалъ значительный шагъ впередъ въ конечномъ освобожденіи отъ постоянной духовной опеки, онъ namного приблизилъ желанную національную литературу, хотя она и появилась сначала только какъ европейская новая мода; уже въ этомъ обнаруживалась теперь нераздѣлимая связь Россіи съ Европой. Если романтическіе элементы, хотя большею частью односторонне нѣмецкіе, и давали знать о себѣ въ поэзій Жуковскаго, то заслугою Александра Пушкина было не только подвинуть новое направленіе къ быстрой, окончательной побѣдѣ, но и положить удачное начало достиженію высшей цѣли, созданію національной литературы.

А. С. Пушкинъ.

Пушкинъ родился 26 мая 1799 г. въ Москвѣ, въ старой дворянской фамилии, на что русскій Байронъ всегда съ гордостью ссылался: ему доставляло величайшее удовлетвореніе имѣть возможность принять своихъ предковъ въ драматическую хронику о Годуновѣ. Какъ и у Жуковскаго, съ материнской стороны въ его жилахъ текла восточная кровь: отъ арапа Петра Великаго онъ унаследовалъ, по крайней мѣрѣ внѣшне, нѣсколько расовыхъ чертъ. Его родители, дядя Василій Пушкинъ, воплощенный классикъ, несмотря на свою вражду къ «славянофилу» Шишкову и на принадле-

жность къ «Арзамасу», были людьми хорошаго общества, жили безопасно въ свое удовольствіе, раззорали имѣнія и не заботились особенно о воспитаніи дѣтей. Нянь, знаменитой Родіоновнѣ, Пушкинъ былъ обязанъ богатствомъ своихъ русскихъ сказокъ; остальные воспитатели—все французы, по старой рутинѣ которыхъ былъ воспитанъ, напр., Лопухинъ, научившійся читать и писать по—своему, по—русски, отъ лакея, по—французски—отъ са-войца, человѣка совершенно не посвященнаго въ тайны орфографіи и по—нѣмецки—отъ берлинца, который а la Фридрихъ презиралъ все нѣмецкое и заставлялъ своего питомца учиться только по—французски. Дитя казалось нѣсколько отстало въ своемъ развитіи, когда неожиданно въ немъ пробудилась необыкновенная страсть къ чтенію, которую онъ могъ по желанію—никто объ этомъ не заботился—удовлетворять, пользуясь библіотекой отца. Конечно, это была библіотека для дитяти совсѣмъ неподходящая; ибо согласно модѣ XVIII в. она была исключительно французскою, содержала *Bibliothèque amoureuse*, *Galanteries de la Bible*, сочиненія энциклопедистовъ, особенно Вольтера. Послѣдствія такого чтенія сказывались на Пушкинѣ дѣльные годы; здѣсь онъ въ совершенствѣ овладѣлъ французскимъ языкомъ, такъ что получилъ въ лицей прозваніе «француза» отъ товарищей, насмѣхавшихся надъ его дурнымъ русскимъ; здѣсь онъ впиталъ безусловное почтеніе Вольтера, котораго онъ еще въ 1815 г. ставилъ выше всего на свѣтѣ: Поэтъ въ поэтахъ первый!.. онъ Фебомъ былъ воспитанъ, и съ дѣтства сталъ пить; всѣхъ больше перечитанъ, всѣхъ менѣе томить. Соперникъ Еврипида, Эраты нѣжный другъ, Аріоста, Тассы—внукъ, отецъ Кандида! онъ все вездѣ великъ, единственный старикъ!» Здѣсь пустила ростки его любовь къ фривольному. По обычаю времени его должны были помѣстить въ привилегированномъ заведеніи; какъ однажды старый Тургеневъ привелъ Карамзина къ московскимъ масонамъ, такъ чрезъ сына Тургенева, Александра, попалъ молодой Пушкинъ въ только что открытый (1811) Царскосельскій лицей.

Новый лицей, предназначенный для юношей изъ высшихъ круговъ, былъ задуманъ какъ образцовое учрежденіе; сначала господствовалъ образцовый безпорядокъ, который, однако, обезпечивалъ лицеистамъ большую непринужденность и въ частности не становился поперекъ дороги ихъ рано пробуждающимся литературнымъ склонностямъ. Шестъ лѣтъ, проведенные здѣсь Пушкинымъ, должны были быть рѣшающими для него; воспоминаніе объ этомъ времени, о друзьяхъ, учителяхъ,—братъ Марата училъ французскому, русскому—Пушкинскій «Аристархъ», нѣсколько сухой педагогъ доброй старой школы, политическимъ наукамъ—преслѣдуемый обскурантами Куницынъ—оставалось для него священнымъ на всю жизнь, Царское Село его собственнымъ «отечествомъ». Здѣсь началъ мальчикъ писать стихотворенія, сначала по—французски, что онъ дѣлалъ уже въ родительскомъ домѣ, потомъ по—русски; въ 1814 г. были напечатаны первые его опыты, въ 1815 г. подписываетъ онъ свое имя подъ «Воспоминаніями въ Царскомъ Селѣ», которыя при публичномъ прочтеніи принесли ему благословеніе до слезъ тронутаго Державина. Значительное число этихъ «лицейскихъ стихотвореній», нѣсколько измѣнивъ и сокративъ ихъ, поэтъ помѣстилъ потомъ въ общее изданіе.

Тоны, въ которыхъ онъ началъ и продолжалъ звучать еще долго послѣ оставленія лицея (1817), были уже довольно сложны; въ отдѣлѣ, не по темамъ. Естественно, у мальчика дѣло могло идти только о подражаніи; Вольтеръ и Парни, изъ русскихъ—Батюшковъ были образцами, которыхъ онъ особенно высоко ставилъ. Главную часть его произведеній составляли эротическіе и анакреонтическіе мотивы; онъ самъ сознавался, что Пушкинъ—примѣръ искренности, что онъ «бывало пѣлъ вино водяными

стихами; мечтательныхъ Доридъ и славиль и браниль; или дружбѣ пѣль вѣнокъ, и дружество зѣвало и сонные стихи въ просонкахъ величало». Такъ человѣкъ, только что начавшій, критиковалъ себя, низводилъ до простого баловства всю свою поэзію, которая стоила ему большого труда: «Ужъ утра яркое святило поля и рощи озарило, давно пропѣли пѣтухи; въ полглаза дремля и зѣвая... пишу короткіе стихи» (эта форма дѣйствительно преобладаетъ) «среди пріятнаго забвенья, склоняясь въ подушку головой»; онъ смѣялся надъ метроманіей: увидѣлъ, что еще не генія печать—охота смертная на риемахъ лепетать, и, однако, его дорога была уже предопредѣлена. Поэта не манили вѣншіе успѣхи: «счастливой нѣги вѣрный сынъ, всегда безпечный, равнодушный... не рвусь я въ капитаны и не ползу въ ассесора». Надгробною надписью пусть будетъ ему: «здѣсь дремлетъ юноша мудрецъ, питомецъ нѣгъ и Аполлона». Онъ презиралъ уже ропотъ толпы, которая не подозреваетъ, что можно сочетать вмѣстѣ Венеру и Стоа, книгу и бокаль, что можно высокой умъ скрывать подъ легкимъ покровомъ безумной рѣзвости. Всякую, болѣе серьезную задачу онъ еще откладывалъ, но въ литературѣ по крайней мѣрѣ онъ рѣшительно былъ противъ Шишкова и его сподвижниковъ тьмы, которые никоновскомъ стилемъ пишутъ эпопеи, нагромождаютъ горами «славянскія» оды, въ сумасбродныхъ трагедіяхъ рѣзко кричатъ и выдаютъ за врага отечества, за сѣятеля пороковъ того, кто чувствительное сердце прельщаетъ нѣжными звуками; или выступаетъ съ отважной шуткой, говоритъ правдивымъ языкомъ и не воскресаетъ вмѣстамъ русской глупости.

На ряду съ этими анакреонтическими стихотвореніями, рядомъ съ многочисленными поэтическими посланіями, заключающими немало автобиографическихъ данныхъ (муза Пушкина занимается, главнымъ образомъ, самимъ поэтомъ, который, какъ никто другой, даетъ возможность заглянуть въ его внутреннюю жизнь) встрѣчаемъ мы у Пушкина опыты легкой, фривольной обработки національныхъ темъ, приблизительно въ духѣ Аріоста, чѣмъ онъ отдавалъ должное требованіямъ моды. Онъ и другіе до него, какъ Жуковский надбѣялся найти матеріалъ въ русскихъ сказкахъ, обработалъ сначала итальянскаго Бову, и потомъ, оставивъ его, написалъ «Руслана и Людмилу» (1820). Удивительна была наивность поэта и критики; первый думалъ дѣйствительно воплотить «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой», критикъ Полевой называлъ «Руслана» «волшебной картиной русской древности»; но вѣдь столь же «настоящими русскими» были бы «Двадцать дѣвъ» Жуковскаго, и романъ Шписса, которымъ впрочемъ Пушкинъ далъ юмористическое толкованіе, или сказочная поэма стараго Хераскова «Бахаріана». Поэтъ только шутилъ и игралъ своимъ матеріаломъ, влеталъ пародіи, напр., ухаживаніе Финна за Наиною, тотъ такъ долго изучаетъ искусство волшебства, чтобы прельстить ее, что она сдѣлалась уже старой и морщинистой и онъ отталкиваетъ ее съ отвращеніемъ, за что она срываетъ свою месть на покровительствуемомъ имъ Русланѣ. Въ сущности, это не былъ даже Аріосто, недоставало прони и страстности, это была французская, остроумная забавная шутка, съ причудливыми вставками, съ постоянными отступленіями. И, однако, публика съ воодушевленіемъ приняла эти шесть пѣсень, которыя возникши среди петербургской суеты, носили печать дѣланнаго, искусственнаго. Превзойдена, забыта была «Душенька» Богдановича; съ полного переворота въ эстетической опѣнкѣ призрачныхъ величинъ XVIII ст. началъ поэтъ свою практическую и теоретическую дѣятельность. Успѣхъ былъ вполне заслуженный, ласкающая пріятность стиха, благозвучіе языка, изящество и богатство образовъ, смѣлые, ошеломляющіе обороты, — все это было чѣмъ-то новымъ, неслыханнымъ на сухомъ, неподвижномъ, скучномъ русскомъ Парнассѣ, и уже учитель, Жуковский, счи-

талъ себя побѣжденнымъ. Что насъ восхищаетъ въ «Русланѣ» еще и теперь это—чудный прологъ, поэтическое преображеніе русскаго сказочнаго міра, гдѣ господствуетъ «русскій духъ, гдѣ Русью пахнетъ»; онъ сочиненъ былъ только для второго, мѣстами сокращеннаго изданія 1828 г.; затѣмъ превосходный эпилогъ, въ которомъ поэтъ въ трогательныхъ словахъ говорилъ о томъ, какъ на беззаботнаго пѣвца любви и радости надвигались невидимыя грозовыя тучи, какъ друзья, Жуковскій, Карамзинъ, своими мольбами отгоняли непогоду, охраняли поэту его свободу.—Этотъ по своей правдивости потрясающій конецъ былъ написанъ еще въ 1820 г., но не въ петербургской суматохѣ, а въ уединеніи Кавказа.

И еще было, что прельщало публику въ «Русланѣ»,—чисто французская страстность, удовольствіе, съ которымъ поэтъ останавливался на чувственныхъ картинахъ. Эта фривольность, доходящая до порнографіи, была также характерною чертою его юношеской лирики, его приапей, которыя, конечно, ходили только въ рукописяхъ и которыя лишь съ 1823 г. окончательно исчезли у него; ихъ охотно берешь, если они разсказаны остроумно, какъ «Царь Никита», или когда они пышутъ пламенемъ страсти, какъ богохульная «Гавриліада», въ сравненіи съ которою «La riselle» кажется совершенно невинною. Понятно, ибо гдѣ Фернейскій фавнъ только былъ похотливъ, тамъ въ жилахъ Пушкина кипѣла африканская кровь. Если вспомнить, что уже спустя десять—двѣнадцать лѣтъ тотъ же самый Пушкинъ списывалъ житія святыхъ, заучивалъ наизусть молитвы, читалъ Четы-Минеи, то поражаетъ этотъ быстрый переходъ отъ куртизана къ богомольцу; но это не былъ единственный примѣръ: то же самое случилось и съ другомъ Пушкина, Языковымъ.

Рядомъ съ этимъ поэтомъ, служащимъ только Вакху и кипридамъ, ушедшимъ отъ міра и его заботъ, общество знало, даже обожало совершенно другого Пушкина. Уже въ лицѣ, потомъ вступивъ на путь чиновничьей карьеры въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, онъ обращался среди политиканствующей молодежи, которая клонилась къ тайнымъ союзамъ, среди людей, которые не позволяли заставить себя молчать, какъ Чаадаевъ. Интимная дружба съ этимъ фрондеромъ, холодные сарказмы котораго поражали и самыхъ могущественныхъ лицъ, въ высшей степени почетна и знаменательна для Пушкина: убѣжденіе онъ могъ перемѣнять, какъ перчатки; къ нему, не только къ Бисмарку, относится поговорка: «Только дурачкія головы не измѣняются никогда», но друзьямъ онъ оставался всегда вѣренъ и помнилъ о нихъ до сибирскихъ рудниковъ. Это либеральное общеніе приносило теперь свои плоды, уже въ 1815 г. написалъ юноша «Лицинію» свободное подражаніе ювеналовской сатирѣ «Urbis incommoda». Римская тога прикрывала русскіе намеки несмотря на заключительный стихъ: «Свободой Римъ возросъ, а рабствомъ погубленъ». Другу было предложено, покинуть порочный, отданный во власть временщиковъ городъ, и тамъ въ деревнѣ въ ювеналовскомъ духѣ карать его преступленія. Все рѣзче, откровеннѣе становились его нападки; въ письмахъ къ Чаадаеву онъ не могъ болѣе сдерживаться, въ ожиданіи того момента, «когда Россія воспрянетъ отъ сна и на обломкахъ самодержавія напишетъ наши имена». Въ духѣ XVIII в. жаловался онъ на туманъ предрасудковъ; его «другъ челоувѣчества печально замѣчаетъ вездѣ невѣжества губительный позоръ» и спрашиваетъ, «увиджу-ль я, друзья, народъ освобожденный и рабство ладшее но манію царя и надъ отечествомъ свободы проевѣщенной взойдетъ-ли наконецъ, прекрасная заря»? Наконецъ, онъ презираетъ это выжиданіе по примѣру А. Шенье, его выступленіе въ борьбу за законъ и свободу, которымъ равно угрожаютъ самодержавіе, какъ и революція, и воспѣваетъ послѣ дѣла Занда въ особой одѣ кинжалъ, послѣдняго судью позора и обиды,

отъ котораго никуда нельзя уйти. Онъ пьетъ за здоровье Пестеля, главы заговора на югъ — «спасемъ-ли свои головы или нѣтъ» — негодуешь противъ тиранновъ. Въ послѣдній разъ въ 1827 г. послалъ онъ декабристамъ, вслѣдъ, обѣщаніе скорого переворота: «Оковы тяжкія падутъ, темницы рухнутъ — и свобода васъ приметъ радостно у входа, и братья мечъ вамъ отдадутъ».

Но еще опаснѣе, чѣмъ эти посланія и оды, которыя пронесли имя поэта по всей Россіи, были его эпиграммы, которыя въ его рукахъ дѣйствительно становились Зандовскимъ кинжаломъ. Эпиграмма до сихъ поръ служила больше литературнымъ шуткамъ, теперь она дѣлалась политическимъ, орудіемъ или раскаленнымъ желѣзомъ, которое клеймитъ преступника. Онъ не щадилъ никого; обоихъ императоровъ, Аракчеева, обоихъ министровъ народнаго просвѣщенія, Фотія, своего начальника гр. Воронцова, до Карамзина, котораго онъ осмѣялъ за прославленіе кнута и самодержавія, и Жуковскаго, поэта дошедшаго до придворнаго лакейства. Эти ядовитыя, острыя какъ стрѣлы строфы ожесточали вельможъ, обезпечивали ликующую восторги толпу, часто чужое произведеніе ходило за Пушкинское. Многочисленнѣе, чѣмъ эти политическія, были, въ болѣе поздніе годы, литературныя эпиграммы, въ которыхъ Пушкинъ защищался отъ своихъ противниковъ; съ особенною ненавистью преслѣдовалъ онъ эксъ-поляка Булгарина, «благодарящаго» писаку, который изъ самаго истиннаго польскаго патриотизма своимъ ренегатствомъ освободилъ поляковъ отъ лишняго подлеца и русскихъ заклеилъ своимъ братаньемъ; который есть не Вальтеръ-Скоттъ, но просто Скоттъ. Никто такъ не поражалъ, какъ Пушкинъ, своими живыми эпиграммами назойливый «рой жигалокъ и комаровъ въ журналахъ». Спустя годы Пушкинъ отказывался отъ части своихъ эпиграммъ, горячо сожалѣлъ о нѣкоторыхъ своихъ юношескихъ стихотвореніяхъ, которыя упрекомъ лежали на его совѣсти. Мы должны отдать справедливость юному поэту предъ болѣе возрастнымъ. Эпиграммы Пушкина, политическія какъ и литературныя, направленныя противъ педанта Каченовскаго, противъ Греча и его «Сына Отечества» и т. д., попадали всегда въ цѣль, за однимъ лишь исключеніемъ: на бѣднаго Полевого лучше бы онъ не писалъ; здѣсь говорила оскорбленная барская гордость противъ мѣщанина, который осмѣлился имѣть собственное мнѣніе, вопреки аксіомѣ Молчалина.

Пушкинъ принадлежалъ къ либеральной молодежи только по своимъ симпатіямъ; въ заговорщической работѣ онъ никогда не принималъ участія. Подъ конецъ, быть можетъ, онъ былъ бы вовлеченъ и сюда, и уже петербургская смута серьезно угрожала каждому собранію ищущаго развлеченій, легкомысленнаго поэта. Тогда благодѣтельная судьба ветушилась чрезъ посредство той силы, которая всегда хочетъ зла и — къ сожалѣнію, только рѣдко и случайно — создаетъ доброе. Поэту за его политическія стихотворенія угрожала Сибирь; вліяніе его отечески-заботливыхъ друзей замѣнила Сибирь ссылкой на югъ, т. е., отправленіемъ его въ Одессу, въ канцелярію генерала Инзова, по отношенію къ поэту крайне гуманнаго. Здѣсь онъ познакомился съ семействомъ храбраго воина, героя 1812 г., генерала Раевского, съ его образованными и богато одаренными сыновьями и дочерьми. Они научили его знать и удавляться Байрону, съ ними онъ посѣщалъ Кавказъ. Этимъ начинается новая эпоха въ творчествѣ поэта, его «байронизмъ». За французскими анакреонтами и за милыми шутками съ харитами слѣдуютъ эпическія произведенія въ стилѣ британца, который на нѣкоторое время сдѣлалъ его «бриттомъ».

Рядъ этихъ поэтическихъ разсказовъ открылъ «Кавказскій Пльнникъ», оконченный въ 1821, напечатанный въ 1822 г.; онъ первый въ эпической литературѣ имѣлъ безспорный успѣхъ если и не у записныхъ крити-

ковъ, то тѣмъ большій у публики. Байроническимъ былъ *couleur local*, выборъ Востока, намеки вмѣсто разъясненій, ограниченное число лицъ, только двое, характеристика героя и героини. Герой гордо и безъ заботъ началъ свою «пламенную молодость», много любилъ, наслаждался, страдалъ, скоро извѣдалъ людей и узналъ «невѣрной жизни цѣну»: въ сердцахъ друзей нашель измѣну, въ мечтахъ любви — безумный сонъ; теперь онъ увядаетъ, безъ восхищеній, безъ желаній, жертва своихъ страстей; для счастья умеръ онъ, «надежды призракъ улетѣлъ»; онъ медленно погаснетъ, «какъ пламень дымный, забытый средь пустыхъ долинъ», такъ какъ его міровая скорбь гонить его отъ людей въ объятія природы. Въ этихъ поискахъ за новыми впечатлѣніями его захватываютъ въ плѣнъ горы. Мы ожидали бы Байрона встрѣтить на сторонѣ борцовъ за свободу, но эта чисто русская непослѣдовательность простибельна поэту. Точно такъ же и дѣвушка — копія Байроновскихъ героинь: безвольная рабыня возлюбленнаго; она освобождаетъ его, бѣжитъ съ нимъ и ищетъ смерти въ волнахъ, такъ какъ она въ потухшемъ вулканѣ не въ состояніи вызвать никакого чувства. Спустя немного лѣтъ Пушкинъ уже очень холодно судилъ о поэмѣ: «Все это слабо, молодо, несовершенно». И все-таки онъ питалъ къ нему симпатію: «Тутъ стихи моего сердца». Онъ хотѣлъ представить «преждевременную духовную старость, отличительную черту молодежи XIX столѣтія», и рядомъ изобразить величественные горные ландшафты, интересные нравы, обычаи, воззрѣнія кавказцевъ. Онъ сдѣлалъ это первымъ изъ русскихъ, завоевалъ Кавказъ для поэзіи своего народа. Это случилось пожалуй непосредственно и совѣмъ несовершенно. Поэтъ не использовалъ положенія, чего можно было бы легко достигнуть введеніемъ большого числа лицъ.

Послѣ Кавказа онъ объѣздилъ живописный Крымъ съ его остатками стараго великолѣпія и красоты. Одно преданіе, связанное съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ» дворца стараго хана, изложилъ онъ стихами въ поэмѣ того же имени, напечатанной въ 1824 г. Гирей воздвигаетъ памятникъ своей прекрасной рабынѣ-христіанкѣ, которая была умерщвлена его прежней фавориткой, ревнивой Заремой. Ханъ приказываетъ за это утопить Зарему. Ничего не разсказывается, въ частности намѣренно закутаны въ прямо непроницаемый Байроновскій туманъ. Чудно проведенъ контрастъ между обѣими женщинами: христіанка отъ низменной похоти взирающая къ небу, цѣломудренная и свѣтлая какъ ангелъ; Зарема, наивное дитя пылающаго чувства, сама не сознающая своего безстыдства, только бурно требующая возврата Гирея, совершенно условны самъ Гирей, тщетно изнывающей отъ любви, и рѣзкій переворотъ, совершившійся съ нимъ, послѣ того, какъ у него было отнято недостижимое. Изображеніе картинъ природы было опять перломъ описательной поэзіи. Темы изъ русской разбойничьей романтики, «Братья — разбойники», онъ не закончилъ какъ слѣдуетъ, остались только обрывки, превосходное описаніе лагеря разбойниковъ, рядомъ та же самая искусственность героевъ: «Влацусь угрюмый, одинокій; окаменѣлъ мой духъ жестокой, — и въ сердцѣ жалость умерла».

На непосредственномъ наблюденіи опять основываются его «Цыганы», написанные въ 1824, въ 1827 напечатанные; ему самому приходилось бродить съ цыганами. Изображеніе людей и ихъ патріархально-беззаботнаго быта было неподобно, и вмѣстѣ съ тѣмъ поэтъ впервые уяснилъ себѣ собственное значеніе своего байроническаго типа и рѣзко осудилъ его: ожесточенный и разочарованный Алеко бѣжитъ отъ свѣта и идетъ къ дѣтямъ природы; его точитъ печаль, но повидимому умиротворенныя страсти пробуждаются снова, вносятъ гибель и смерть въ беззаботно спокойной міръ. Когда цыгану измѣнила его Маріула, онъ любовно воспиталъ ея Земфиру; но когда Земфира покинула Алеко, тотъ отомстилъ смертью и самой

вѣтронницѣ и ея любовнику; цыганъ гонить его изъ табора: «Оставь насъ, гордый человѣкъ! мы дики, нѣтъ у насъ законовъ, мы не терзаемъ, не казимъ, не нужно крови намъ и стоновъ; но жить съ убійцей не хотимъ. Ты не рожденъ для дикой доли: ты для себя лишь хочешь воли; ужасенъ намъ твой будетъ гласъ, мы робки и добры душою, ты золь и смѣль — оставь же насъ». Такъ дикій цыганъ — человѣкъ, пресыщенный же Алеко — хищное животное; но счастья онъ не знаетъ, и поэма звучитъ совсѣмъ пессимистически.

Отъ этихъ «чужестранныхъ» темъ, которыя приковывали его еще долго — сюда принадлежатъ, напр., отрывки «Галуба», кавказца христіанина, который сдѣлался чуждымъ народу принявъ новую вѣру, съ вѣрнымъ соблюденіемъ романтическаго *conceit local*, — поэтъ обратился къ «національнымъ» темамъ и искалъ ихъ, слѣдуя характеру времени, преимущественно въ исторіи. Онъ беретъ за то, что другіе оставили безъ вниманія или что они испортили. Его «Вѣщій Олегъ» прямо исправлялъ неудавшуюся балладу Рыльева, его поразили стихи изъ «Войнаровскаго» о женѣ мученика Кочубея и ея прельщенной дочери. Какъ могъ поэтъ пройти мимо такихъ ужасовъ; онъ находилъ это непросителнымъ и создалъ (1825, напечатано 1829) своего «Мазепу», котораго онъ, чтобы только не сойтись съ Байрономъ, переименовалъ «Полтавою», къ собственной невыгодѣ, такъ какъ главное дѣйствіе, Полтава, наполняетъ только третью пѣсню, въ то время какъ первыя двѣ были посвящены Мазепѣ и его отношеніямъ къ старому, богатому Кочубею и его молодой и красивой дочери, которая сгораетъ отъ любви къ сѣдому гетману, смертному врагу и палачу ея отца. Психологическую задачу и Пушкинъ оставилъ неразъясненной, но зато, какъ ни неожиданно, частный конфликтъ переходитъ въ прославленіе Петра Великаго, поэтъ вознаграждаетъ удивительнымъ благозвучіемъ стиха, рѣзко очерченными фигурами, которыя выступаютъ какъ живыя; стиль совершенно измѣнился. Съ самыми обыкновенными средствами, съ простотою прямо изысканной, съ безыскусственностью, которая является величайшимъ искусствомъ, повѣствовалъ и писалъ онъ быстрымъ темпомъ, небрежно брошенными штрихами, придающими, однако, цѣлому величайшую чистоту, эпическую ясность; изображеніе картинъ Украйны, волшебства ея тихихъ лѣтнихъ почей, бушеванія жаркой битвы изобличаютъ увѣренную руку мастера. Только Мазепа вышелъ условнымъ злодѣемъ, только его Марія, Офелія третьей пѣсни, — романтическій шаблонъ. Выѣстъ съ тѣмъ поэма, послѣ всѣхъ поэтическихъ уродовъ Ломоносова и др., была первою и донинѣ единственною, непревзойденною Петриадою.

Уже раньше нашель Пушкинъ случай, въ своихъ «стансахъ» (1826) прославить Петра: начало правленія Николая, какъ и Петра, омрачено было бунтами, казнями, онъ надѣется и желаетъ для будущаго равной неутомимости, твердости, забвенія случившагося — съ собственнымъ либерализмомъ онъ рѣшительно распростился. И скоро въ обыкновенной литературной полемикѣ представился новый случай къ Петриадѣ. Польскій поэтъ Мицкевичъ, его бывшій знакомый по Москвѣ и Петербургу, въ своемъ «Петербургѣ» поставилъ себя и Пушкина предъ памятникомъ Фальконнета и вложилъ въ уста поэту фразы декабристовъ, съ позоромъ смѣшалъ блескъ и достоинство сѣвернаго Вавилона, строенія дьяволовъ, его вахтнарадовъ, его лакеевъ и низкихъ льстецовъ, Пушкинъ поднялъ перчатку въ своемъ «Мѣдномъ Всадникѣ», т. е., статуѣ Фальконнета, (1833—1834), онъ превозносилъ мысль, которая внушила основаніе города, красы и дива сѣвера: люблю тебя, Петра твореніе, твое лѣто безъ ночей, твою зиму, воинственную живость Маревыхъ полей (раньше о «разводахъ» Александра I мы читали у Пушкина совершенно другое), лоскутья знаменъ побѣдныхъ», «сіянье

шапокъ мѣдныхъ, насквозь прострѣленныхъ въ бою и т. д.; «красуйся, градъ Петровъ, и стой непоколебимъ, какъ Россія». Слѣдовало описаніе большого наводненія 1824 г. и одного дѣйствительнаго эпизода: герой теряетъ свою возлюбленную въ бушующихъ потокахъ; безумный отъ скорби, угрожаетъ онъ, ставши передъ памятникомъ, строителю города и воображаетъ, какъ его, безпомощнаго червя, преслѣдуетъ статуя царя. Въ композицію было помѣщено еще и другое, что имѣло въ виду не Мицкевича или Петербургъ, но разрушеніе Петромъ старыхъ дворянскихъ привилегій. Этого не могъ простить потомокъ бояръ, который все больше становился настоящимъ тори въ Россіи, гдѣ административный произволъ просто не считался ни съ какими «правами» и «чувствами»! Частности произведенія, его плана, редакціи полны противорѣчій?

Въ то время, какъ критика заставляла искать «національнаго» только въ средѣ простого народа или въ прошедшемъ,—Пушкинъ рѣшительно оставилъ за собой право поэта обращаться къ современнымъ общественнымъ типамъ и задачамъ. Его любимое созданіе, къ которому онъ возвращался по возможности и послѣ окончанія, которое годами сопутствовало его эпическому и лирическому творчеству, «Онѣгинъ», романъ изъ жизни общества. Это вмѣстѣ съ тѣмъ первый русскій романъ; прежніе Измайлова или Нарѣжнаго были лишь дидактическо-сатирическими изображеніями нравовъ. Въ «Онѣгинѣ» впервые отсутствуетъ всякая поучительная тенденція, сначала рѣшительно господствовало не сатирическое, но «желчное» настроеніе; только позже такъ же рѣшительно поэтъ отодвинулъ его назадъ. Отъ объективнаго романа «Онѣгинъ» отличается, наряду со своей стихотворной формой, сильной субъективной окраской, лирическими и сатирическими отступленіями, которыя мѣстами грозили загрозоздить его ходъ; въ позднѣйшихъ редакціяхъ они были значительно сокращены. Вмѣсто строфъ много разъ ставилось ихъ число, сами строфы отсутствовали или не дописывались; такъ было даже съ цѣлой восьмой пѣсней («глава» называлъ ее Пушкинъ, къ неудовольствію всей сбитой съ толку критики, которая обращала вниманіе только на внѣшности, не будучи въ состояніи оцѣнить цѣлаго), картины изъ путешествія Онѣгина только задерживали бы главное дѣйствіе.

По собственному опредѣленію поэта «Онѣгинъ», надъ девятью главами котораго онъ работалъ съ 1823 по 1831 гг., былъ «собраньемъ пестрыхъ главъ, полусмѣшныхъ, полупечальныхъ, простонародныхъ, идеальныхъ, небрежный плодъ моихъ забавъ, безсонницъ, легкихъ вдохновеній, незрѣлыхъ и увядшихъ лѣтъ, ума холодныхъ наблюденій и сердца горестныхъ замѣтъ». Планъ составленъ еще подъ вліяніемъ Байрона, по его «Бешпо» и «Донъ-Жуану»; но въ то время, какъ «Бешпо» оказалъ у него свое дѣйствіе еще спустя годы въ комично-скабрезномъ, превосходно разсказанномъ «Графѣ Нулинѣ», пародіи на тему о Лукреціи (Лукреція защищается здоровой пощечиной, но ея мужъ все-таки получаетъ свой головной уборъ), и въ «Домикѣ въ Коломнѣ» (влюбленный пробирается въ домъ подъ видомъ кухарки, картина его разоблаченія) вліяніе «Донъ-Жуана» исчезло скоро и окончательно». Опять, въ противоположность бывшей практикѣ, необходимо требовавшей замѣчательныхъ приключеній à la Донъ-Жуанъ, романъ Пушкина не давалъ ничего поразительнаго, держался самой простой прозы повседневной жизни; съ другой стороны, его сатира не доставало болѣе высокихъ цѣлей, она ведетъ только мелкую, болѣею частью литературную борьбу—въ Россіи! Мы знакомимся съ молодымъ человекомъ, плодомъ моднаго воспитанія, который былъ подготовленъ, главнымъ образомъ, для изученія *ars amandi*, но преждевременно подвергается сплину, почему съ радостью покидаетъ Петербургъ, когда богатое наследіе

ство зоветъ его въ деревню. Но и здѣсь уже три дня спустя сплнть водворяется снова, нѣкоторое развлеченіе доставляетъ знакомство съ только что возвратившимся изъ Германіи, бредящимъ Шиллеромъ и Кантомъ, Ленскимъ, который вводитъ своего сосѣда по имѣнію въ семейство Лариныхъ. Тутъ двѣ сестры, одна «восхитительная» дѣвушка съ милымъ лицомъ, такъ круглымъ, «какъ эта глупая луна на этомъ глупомъ небосклонѣ», предметъ горячей любви Ленскаго; старшая Татьяна, менѣ красива и свѣжа, молчалива, робка, замкнута, съ своенравной головой и сердцемъ, непонятая въ пошлой средѣ, рвущаяся уйти изъ нея, обладающая живой фантазіей, умной, энергичной волей,—первый и на многіе годы единственный, въ сущности и доселѣ не превзойденный образъ русской дѣвушки, двойниковъ которому можно найти развѣ лишь у Тургенева, напр., Ася и др.; богатые и старая литературы должны позавидовать этому женскому образу. Одно созданіе Татьяны высоко поставило бы Пушкина надъ всѣми его предшественниками и большинствомъ преемниковъ. Уже здѣсь бросается въ глаза то, что мы постоянно будемъ встрѣчать у Тургенева, Пушкина въ прозѣ: ничтожество мужчины сравнительно съ женщиной,—какъ будто бы мстила за себя въ высшихъ слояхъ общества совершенно подчиненное положеніе бабы, женщины, у народа. Жертва новой для нея, модной болѣзни производить на наивное дитя деревни самое глубокое впечатлѣніе. Онѣ или никто другой, это—жребій судьбы, я—твоя, будь защитой здѣсь; гдѣ я одна, «меня никто не понимаетъ, разсудокъ мой изнемогаетъ, и молча гибнуть я должна». Она признается Онѣгину въ письмѣ, которое смѣло выдерживаетъ сравненіе съ письмомъ Юліи изъ «Донъ-Жуана». Но Онѣгинъ уклоняется; онъ не хочетъ привязывать ее къ своему «погасшему» сердцу, она для него не совсѣмъ интересна, онъ самъ слишкомъ честенъ, чтобы играть только роль покорителя сердець. Онѣгинъ долженъ покинуть страну послѣ дуэли съ Ленскимъ, и спустя нѣсколько лѣтъ снова встрѣчается съ Татьяной въ Петербургѣ. Безнадежно томившаяся, несчастная, совершенно одинокая она была тетками и кузинами привезена въ Москву и, наконецъ, выдана замужъ за богатаго генерала и теперь сияетъ звѣздой на петербургскомъ небѣ. Ея блескъ обольщаетъ Онѣгина, онъ ухаживаетъ за ней, дѣлаетъ ей признаніе въ своей любви; тогда она беретъ реваншъ, конечно, цѣною своего счастья: она его любитъ, какъ и прежде, но также непоколебимо ея рѣшеніе остаться вѣрной своему мужу и навсегда порвать съ Онѣгинимъ; она довольна мужемъ — въ Россіи скорѣе можно было бы сказать: доволенъ женой,—она рѣшила преодолѣть страсть и не кончить, какъ Анна Каренина. Романъ «Онѣгинъ» становится романомъ «Татьяна», она—главная фигура, уже благодаря ея нравственному достоинству; основное дарованіе совершенно устраняется этимъ. Успѣхъ романа, первая главы которого появились въ 1825—1832, былъ ни съ чѣмъ несравнимый. Первые пѣсни восхищали своими отступленіями, лирическими интермедцо и желчными сатирическими выпадами; позднѣйшія, съ художественными отдѣльными картинами сельской жизни, со все болѣе объективнымъ творчествомъ, разочаровывали читателей, воспримчивыхъ только къ романтической субъективности. При быстромъ и сильномъ ростѣ таланта говорили лишь о его окончательномъ паденіи. Поэтъ былъ доволенъ своимъ произведеніемъ, что у него было рѣдко, и со спокойствіемъ говорилъ «объ альманахахъ и журналахъ, которые теперь меня такъ сильно ругаютъ, а раньше только пѣли мадригалы: *е sempre bene, signora!*»! Впрочемъ, не должно скрывать, что самъ герой, хотя онъ и любимая фигура поэта, къ концу главы оказывается сильно развѣнчаннымъ. Мы ожидали отъ него большаго, уже потому, что это явно рупоръ поэта, напр., въ извѣстномъ рѣзкомъ сужденіи о русской литературѣ, изъ «альбома Онѣгина»: «Да гдѣ жъ онѣ, русскія

книги? давайте ихъ! Конечно, сѣверные звуки ласкаютъ мой привычный слухъ; ихъ любить мой славянскій духъ; ихъ музыкой сердечны муки усыплены, но дорожить одними-ль звуками пѣть? И гдѣ-жъ мы первыя познанья и мысли первыя нашли? Гдѣ повѣряемъ испытанья, гдѣ узнаемъ судьбу земли? Не въ переводахъ одичалыхъ, не въ сочиненьяхъ запоздалыхъ, гдѣ русскій умъ и русскій духъ зады твердить и лжетъ за двухъ... Поэты наши переводятъ, или молчатъ; одинъ журналъ исполненъ приторныхъ похвалъ, тотъ—брани плоской; всѣ наводятъ зѣвоту скуки, чуть не сонъ: хорошгъ россійскій Геликонъ!»

Горячо желанное критикой равно, какъ и обществомъ, національное произведеніе впервые было создано, но мимо него прошли безъ вниманія вслѣдствіе узкаго представленія о понятіи «національнаго». То же самое пониманіе усвоилъ и Пушкинъ, когда онъ въ 1825 г. написалъ свою драматическую хронику, «Борисъ Годуновъ». Эпику дѣйствительно не доставало драматическаго таланта, однако, онъ взялся эпически подражать содержанію «Мѣры за мѣру», въ своемъ «Анжело» позднѣйшихъ годовъ! Его «Борисъ Годуновъ» былъ лучшимъ свидѣтельствомъ почтенія къ историческому труду Карамзина, плодомъ прилежнаго чтенія его, формальнымъ подражаніемъ Шекспировскимъ королевскимъ хроникамъ, только построеннымъ еще свободнѣе, менѣе драматично, безъ всякаго единства; сценны могли бы по желанію быть поставлены раньше, напр., въ Угличѣ, и по охотѣ могли быть продолжены; ихъ границы произвольны, т.-е. опредѣлены хронологически. Пушкинъ взялъ единственную драматическую тему изъ древнерусской исторіи; мы говорили единственную, такъ какъ даже Иванъ Грозный или Петръ Великій не могли дѣйствовать драматически; имъ недостаетъ именно въ каждомъ партнерѣ, убиваніе беззащитныхъ и безвольныхъ стаѣ далеко еще не драматично; драматическое направленіе теряется въ мѣстахъ, единственную непреодолимую, впрочемъ, силу которыхъ составляютъ ихъ дистанціи, такъ что между одной мыслью и слѣдующей лежитъ пять тысячъ верстъ, какъ смѣялся Вяземскій. Пушкинъ не былъ первымъ, обработавшимъ эту тему; Лжедмитрія вывели на сцену со времени Сумарокова и Нарѣжнаго, и послѣ Пушкина снова пытались Толстой, Островскій и др., но никто не превзошелъ Пушкина. Шиллеровскій «Димитрій» со второго акта простая сказочная восточная пьеса, которая случайно носитъ историческое названіе, и не можетъ входить ни въ какое сравненіе съ реализмомъ Пушкина.

«Борисъ Годуновъ»—калейдоскопъ историческихъ картинъ. Каждая отдѣльная сцена удивительной, захватывающей вѣрности, истины, простоты; все дышитъ симпатіей поэта къ избранной темѣ; «*c'est une oeuvre de bonne foi*», могъ сказать онъ съ полнымъ правомъ. Относительно пониманія отдѣльныхъ характеровъ мы не будемъ спорить съ нимъ; насъ удовлетворяетъ то, что онъ создаетъ не простые типы злодѣевъ, честолюбцевъ, льстецовъ, къ чему легко могъ бы прельститься матеріалъ, но индивидуальныхъ личностей, людей съ плотью и кровью, разнообразныхъ, какъ и въ жизни. Также оставимъ нѣкоторые анахронизмы, мы будемъ болѣе чѣмъ вознаграждены созерцаніемъ этой древности, которая проходитъ предъ нашими глазами необыкновенно ясная, хотя нѣсколько и идеализируемая, обнимая столѣтнее развитіе; напр., прекрасная сцена въ монастырской келии, гдѣ монахъ-лѣтописецъ развиваетъ свое пониманіе міра и его дѣлъ; народныя сцены въ шинкѣ на литовской границѣ, какъ и въ Москвѣ, могли бы соперничать съ Шекспировскими. Настоящее чудо сдѣлалъ онъ съ языкомъ, котораго доселѣ ни одинъ «поэтъ» стараго времени не могъ усвоить; какъ Карамзинъ прямо вошелъ въ стиль лѣтописей, такъ и онъ заставлялъ своихъ лицъ говорить просто, выразительно, старомодно и только увеличи-

васть нашу иллюзію. Однако, поэтъ медлилъ изданіемъ своей драмы; и какъ показать результатъ, вполне основательно. Драма появилась только въ 1831 г. и потерпѣла полное фіаско. «Нашъ робкій вкусъ не перенесетъ настоящей романтики», писалъ онъ въ 1825 г. На сцену онъ, вообще, не нашелъ доступа, по крайней мѣрѣ въ теченіе десятилѣтій; публика оставалась въ недоумѣніи передъ внѣшней холодностью, передъ объективностью поэта, критика указывала на недостатокъ яснаго плана, на пренебреженіе простѣйшими драматическими требованіями; на то, что поэтъ самъ различныя сцены провелъ въ одномъ и томъ же чистомъ, строгомъ стилѣ классической простоты; что онъ былъ первымъ, который далъ законченныя картины старорусской жизни.—Не даромъ драма была посвящена Карамзину;—что лица этихъ сценъ возвышались до жизненной правды, на это все записная критика, возненавидѣвшая уже Пушкина, не обращала никакого вниманія.

Эти драматическія сцены пробудили охоту къ другимъ; но не было сочинено ни одной большой картины; оставались при отдѣльныхъ деталяхъ. Сцена изъ Фауста, напр., представляла діалогъ между Мефистофелемъ и не Гетевскимъ, но скорѣе байроновскимъ Фаустомъ, мучимымъ скукою пессимистомъ XIX ст.; «Скупой рыцарь» показывалъ, въ грандіозныхъ чертахъ, могущество блестящаго золота надъ залупавшимся въ его волшебныхъ сѣтяхъ; самая интересная сцена—«Моцартъ и Сальери»: противоположность между одареннымъ Богомъ, беззаботнымъ, юношески-легкомысленнымъ гениемъ и талантомъ, въ потѣ лица съ трудомъ борющимся за каждый шагъ впередъ, жалующимся на это несправедливое распределеніе даровъ, такъ какъ они вѣнчаютъ не полныя жертвы неутомимые труды, но сумасброднаго бездѣльника; сюжетъ далъ совершенно неподвижный анекдотъ, какъ зависть побудила ремесленника къ убійству художника. Въ «Каменномъ Гостѣ» превосходно изображено покореніе сердець Донъ-Жуаномъ; выдѣляется мастерское благозвучіе стиха. Неоконченною осталась «Русалка», либретто къ оперѣ изъ народнаго преданія, которое обрабатывалъ и Мицкевичъ: какъ покинутая, сдѣлавшаяся русалкой, увлекаетъ невѣрнаго къ себѣ въ водную стихію; конецъ найденъ только недавно и далъ поводъ къ длиннымъ толкованіямъ.

Въ «Русалкѣ» поэтъ коснулся народныхъ струнъ; ложно руководимый критикой относительно національнаго, т. е. народнаго, онъ пытался теперь освоиться съ русскимъ сказочнымъ и пѣсеннымъ міромъ, который во время его молодости былъ замкнутъ для него; онъ самъ собиралъ изъ устъ народа пѣсни и перелагалъ сказки въ стихи. Какъ разъ первыя, слабѣйшія попытки, гдѣ онъ, относясь скептически къ матеріалу, не могъ еще попасть въ правильный эпическій тонъ, и скрывалъ свою безпомощность за пронаіей, понравились больше всего, казались новымъ поэтическимъ откровеніемъ, давали виды на «національную» поэзію. Но Пушкинъ быстро окрѣпъ. Последняя «Сказка о рыбацкѣ и рыбкѣ» (1833) сохраняла народный колоритъ не только во внѣшностяхъ, но въ тонѣ и духѣ цѣлаго.

Состязаніе съ эпической Музой, даже въ драматическихъ діалогахъ и монологахъ, при чемъ поэтический Протей побѣдоносно проявилъ удивительную ловкость во владѣніи самыми различными матеріалами и формами, шло на ряду съ непрерывнымъ лирическимъ творчествомъ настоящаго «поэта случая», который реагируетъ только на опредѣленные впечатлѣнія: варьируя кое-какія эротическія, вакхическія и др. темы. Это истинные перлы поэзіи, законченныя въ выраженіи, ясныя до прозрачности, глубоко и дѣйствительно прочувствованныя, эротическія по нѣжности, цѣломудренности и искренности, которые ничего общаго не имѣютъ съ распушенной чувственностью его юношеской лирики; онъ поражаетъ своею многосторон-

ностью, направленные къ юношескимъ товарищамъ по лицу, или даже къ морю, чтобы вмѣстѣ прославить и пѣвца моря, Байрона, который, «какъ ты, могучь, глубоко и мраченъ, какъ ты, ничѣмъ неукротимъ». Особенно знаменательны признанія самого поэта насчетъ своего призванія. Онъ раздѣляетъ романтическое воззрѣніе о необыкновенномъ посвященіи поэта— пророка, о низости черни, до которой поэтъ нисходитъ, чтобы вѣщать ей мудрость, указывать пути; онъ высоко ставитъ свои иллюзіи, не мѣняетъ ихъ на пошлыя истины. «Да будетъ прокляты правды свѣтъ, когда посредственности хладной, завистливой, къ соблазну жадной, онъ угрождаетъ праздно! Нѣтъ, тьмы низкихъ истинъ мнѣ дороже насъ возвышающій обманъ». Онъ презираетъ толпу поденщиковъ, рабовъ своей нужды и заботъ. «Не для житейскаго волненья, не для корысти, не для битвъ,—мы рождены для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ.... Поэтъ, не дорожи любовью народной!.. Ты—царь: живи одинъ,—не требуя награды за подвигъ благородный; онѣ въ тебѣ самомъ; ты самъ свой высшій судъ; всѣхъ строже оцѣнишь ты свой трудъ.—Пускай толпа его бранитъ, и плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ, и въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ». Это равнодушіе къ приговору толпы портитъ даже его поэтическій «Памятникъ», который онъ воздвигъ себѣ, подражая Горацию: «Нѣтъ! весь я не умру!... славенъ буду я, доколь въ подлунномъ мірѣ живъ будетъ хоть одинъ пить. Слухъ обо мнѣ пройдетъ по всей Руси великой. И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ, что въ мой жестокой вѣкъ возславилъ я свободу (въ первоначальной редакціи было: «что велѣдъ Радищеву возславилъ я свободу») и милость къ падшимъ призывалъ. Велѣнью Божію, о муза, будь послушна: обиды не странаешь, не требуя вѣнца, хвалу и клевету приѣмли равнодушно и не оспаривай глупца». Это равнодушіе впрочемъ высказывалось не совсѣмъ искренно; въ молодости столь избалованный постоянными похвалами, онъ чувствуетъ видимо растущую холодность и враждебныя сужденія, да и вообще какъ человѣкъ онъ былъ совсѣмъ другимъ, нежели какъ поэтъ. Онъ высказывалъ это свободно открыто: «Пока не требуетъ поэта къ священной жертвѣ Аполлонъ»,—отъ мифологическихъ арабесковъ онъ никогда совершенно не могъ отказаться—«въ заботахъ суетнаго свѣта онъ малодушно погруженъ; молчитъ его святая лира, душа вкушаетъ хладный сонъ, и межъ дѣтей ничтожныхъ міра, быть можетъ всѣхъ ничтожнѣй онъ». Насъ не удивляютъ его горькія жалобы на жизнь. «Даръ напрасный, даръ случайный, жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?... Цѣли нѣтъ передо мною, сердце пусто, празденъ умъ, и томитъ меня тоскою однозвучный жизни шумъ... И все-таки въ безсонныя ночи: жизни мышья бѣгатня—что тревожишь ты меня? Что ты значишь, скучный шопотъ, угроизну или ропотъ мной утраченнаго дня? Уже въ 1829 появляются опредѣленные предчувствія ранней смерти.

Чѣмъ менѣе, въ болѣе поздніе годы, повелѣвалъ Пушкинъ своей поэзіей, тѣмъ охотнѣе онъ обращался къ презрѣнной прозѣ; онъ вѣрилъ, какъ и Гоголь, въ свое призваніе историка, но не пошелъ дальше собиранія матеріаловъ къ исторіи Петра Великаго и Пугачевского бунта. Зато не безъ удачи дѣлалъ онъ опыты въ прозаическихъ повѣстяхъ. Препжній поэтъ «Онѣгина» все рѣшительнѣе уклонялся отъ современныхъ темъ; правда его занимали модныя, настоящіе русскіе мотивы, но онъ или уступалъ ихъ другимъ (Гоголю) или оставляя дѣло, едва начавши его. Наоборотъ, Пушкина привлекала историческая беллетристика; но для русскаго Вальтеръ-Скотта недоставало уже довѣрія къ прозѣ; въ сравненіи съ могучимъ розмахомъ его стиховъ далеко уступаетъ ясный, но положительно идущій ощупью, простой языкъ его повѣстей. Тему онъ выбиралъ изъ эпохи,

болѣе всего ему извѣстной, какъ Петръ Великій сваталъ своему арапу боярскую дочь (неокончена, съ интересными анекдотами), изъ Пугачевщины «Капитанская дочь», съ добродѣтельными героями и обязательнымъ вознагражденіемъ ихъ; среда передана необыкновенно характерно. «Повѣсти Бѣлкина»—больше анекдоты, страшнаго и сентиментальнаго характера, сказаны не безъ прелести; «Пиковая дама»—исторія игроковъ, напоминаетъ намъ Гофмана, которымъ скоро стануть бредить въ Россіи, она находила также весьма большой кругъ читателей. Интереснѣе всего была, конечно «Лѣтопись села Горохина», яркая картина крѣпостнаго права; къ сожалѣнію, она скоро прерывается. Еще ближе, чѣмъ эти историческіе, царскою милостію богато осыпаемые, занятія и беллетристическіе опыты интересовала его публицистика: онъ участвовалъ въ московскихъ и петербургскихъ журналахъ и получилъ наконецъ позволеніе издавать неполитическій, только литературный «Современникъ», который носилъ бы свое имя какъ «*scilicet a non sciendo*», гдѣ онъ хотѣлъ создать мѣсто независимой литературной критики, чтобы вырвать ее изъ рукъ неприванныхъ педантовъ; журналъ не имѣлъ никакого успѣха, хотя сгруппировалъ вокругъ себя лучшихъ литераторовъ; только спустя годы, когда «Современникъ» попалъ въ руки молодежи, онъ долженъ былъ достигнуть того необыкновеннаго, задающаго тонъ вліянія, какое мы неразрывно связываемъ съ его именемъ.

Самъ не чувствуя этого, не давая себѣ отчета, постепенно, но безостановочно поэтъ дѣлался почти прославителемъ жандармеріи—чисто русское превращеніе пѣвца свободы. Напрасно онъ защищался противъ этого и исповѣдывалъ, что поэтъ рожденъ «не для житейскаго волненія, не для корысти, не для битвъ, но для звуковъ сладкихъ и молитвъ». Покатый путь, на который онъ однажды вступилъ, велъ его дальше внизъ. Конечно, менѣе это проявлялось въ поэзии, источникъ которой началъ уже медленно изсыхать въ рано старѣющемъ поэтѣ. Все рѣже посѣщала его муза послѣ 1831 г., и нѣкоторыхъ изъ этихъ посѣщеній она могла бы даже и не дѣлать, хотя результаты ихъ какъ разъ и были очень популярны. Иначе, правильнѣе судилъ объ этой лакейской поэзии на колѣняхъ, объ этомъ воспѣваніи палача Вяземскій; иначе Мицкевичъ, который страшится за своихъ бывшихъ друзей, какъ бы они, опозоренные титулами и орденами, не продали царю свои свободныя души и не стали бы продажнымъ языкомъ торжествовать его триумфы. Зато тѣмъ болѣе проявлялось это отступленіе въ прозѣ. Правда, Пушкину не удалась публицистическая дѣятельность, которая его заставила бы въ концѣ концовъ присоединиться къ Булгарину и Гречу, но его стремленіе къ разумному примиренію съ безпоощадной дѣйствительностію Николаевской системы повело его къ весьма значительнымъ уступкамъ. Для него не было уже никакого позора въ безусловной преданности самодержавію, разъ оно уважаетъ и заботится о національныхъ нуждахъ. Раньше мы у него читали о самодержавіи иное. Къ этой перемѣнѣ политическихъ убѣжденій, самой печальной изъ всѣхъ другихъ, Пушкинъ пришелъ слѣдующимъ образомъ:

Мы покинули его біографію въ моментъ ссылки на югъ; столетовенія съ новымъ начальникомъ, гр. Воронцовымъ, на котораго онъ выковалъ вѣчную эпитагію (полумилордъ, полукупецъ, полумудрецъ и т. д., только есть надежда, что онъ будетъ полный подлець), найденное въ письмѣ «богохульство» привели къ тому, что «неисправимый» былъ сосланъ въ свое отцовское имѣніе; тутъ въ уединеніи онъ нашелъ матеріалъ и необходимый досугъ для обширныхъ историческихъ и литературныхъ занятій, чтобы поставить себя на высоту времени; здѣсь онъ пережилъ бунтъ декабристовъ и его первыя послѣдствія, и отсюда обратился онъ съ просьбою

о снятіи съ него опалы. Мѣсяць спустя, отвезъ его фельдъегерь въ Москву къ императору Николаю, съ которымъ онъ публично и объяснялся. Императоръ отличилъ его, какъ одного изъ самыхъ разумныхъ людей въ Россіи, и довѣрилъ ему составленіе мемуара о народномъ воспитаніи, вмѣстѣ съ тѣмъ предложилъ себя цензоромъ его сочиненій; скоро послѣ этого по-эту дозволено было пребываніе въ столицахъ. Умножились знаки царской милости, Пушкинъ снова былъ причисленъ къ министерству иностранныхъ дѣлъ, получилъ доступъ въ архивы, объѣзжалъ мѣста пугачевского бунта, все съ разрѣшенія; когда онъ однажды поѣхалъ безъ такового изъ Петербурга въ Москву, онъ былъ арестованъ III Отдѣленіемъ. Въ 1833 г. поэтъ сдѣлался даже камеръ-юнкеромъ, т. е. въ 35 лѣтъ тѣмъ же, чѣмъ его другъ Вяземскій въ 18 лѣтъ.

Пушкинъ медленно примирился съ новой системой, такъ съ поэтомъ его фантазія сыграла плохую шутку. Рыцарствованіе императора, его готовность и добрая воля, внѣшній блескъ Россіи, ея огромный престижъ ослѣпляли и подкупали патриота и консерватора, который скоро попалъ въ тонъ, достойный Державина; такъ, въ 1831 онъ бросалъ вызовъ Европѣ: Вы грозны на словахъ—попробуйте на дѣлѣ!... Иль русскаго царя уже безильно слово? Иль русскій отъ побѣдъ отвыкъ? Или мало насъ? Иль отъ Перми до Тавриды, отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды, отъ потрясеннаго Кремля до стѣнъ недвижнаго Китая, стальной щетиною сверкая, не встанетъ русская земля?—Такъ высылайте-жъ намъ, витіи, своихъ озлобленныхъ сыновъ: есть мѣсто имъ въ поляхъ Россіи, среди нечуждыхъ имъ гробовъ!» Такъ совершился переходъ ех-декабриста—онъ же сознался открыто Государю, что держалъ сторону «ихъ»—въ офиціальномъ лагерѣ.

Легко ему не было. Даже милостивое желаніе царя быть цензоромъ обозначало для него только новую тяжесть, связывало его заранѣе, доставивъ ему развѣ то единственное удовлетвореніе, что его «Борисъ Годуновъ» вышелъ безъ вычеркиваній, въ остальномъ же счеты съ цензурою и съ третьимъ отдѣленіемъ оставались прежними; онъ былъ подъ тайнымъ полицейскимъ надзоромъ, ничто не помогало, даже, напр., нападки на Радищева (котораго онъ такъ высоко почиталъ) съ цѣлью имѣть возможность говорить публично объ его имени и трудѣ. И все-таки Пушкинъ, которому мы обязаны острыми поэтическими посланіями: «Къ цензору», могъ утверждать, будто цензура была нѣчто разумное или справедливое! Такъ его консерватизмъ проходилъ мимо логики и дѣйствительности. Онъ шелъ путемъ Карамзина и сдѣлался, наконецъ, такимъ же поклонникомъ самодержавія и его нераздѣльныхъ атрибутовъ, кнута и цензуры, глубоко религіознымъ, высоко-консервативнымъ резонеромъ; русскій либерализмъ обыкновенно всегда сильно выпцвѣтаетъ, не только у такой мерзости, какъ Булгаринъ и Гречъ. Сословныя, аристократическія, реакціонерныя, лице-мѣрныя тенденціи составляютъ теперь основу его соціального, политическаго и религіознаго характера.

Слишкомъ дорого было наказаніе за то, что онъ вкусилъ отъ древа познанія; обратный ударъ послѣ 1825, когда все робкое попряталось, не пощадилъ и его. Декабрьскій день срывалъ мечь не только на своихъ непосредственныхъ жертвахъ, но на самой Россіи, развитіе которой было замедлено на цѣлыя десятилѣтія; ея лучшіе сыны, выбитые изъ своей колеи, впади въ апатію или въ безпокойную, нервную поспѣшность, въ диллетантизмъ искусства, науки, филантропіи пытались обмануть безцѣльность своего существованія: князя Орловъ («Химикъ», нѣкогда генералъ, «Рейнгъ» Арзамаса) и Одоевскій, Александръ Тургеневъ и другіе ударялись въ мистику: Кюхельбекеръ, второй Одоевскій, Ивашевъ (послѣдніе три—декабристы),

подготавливали платоническое отпаденіе къ католицизму, какъ Чаадаевъ, или дѣлались дѣйствительно католиками, какъ іезуиты Печеринъ и Гагаринъ; иные отуманивали себя оргіями и карточной игрой—и это средство испыталъ Пушкинъ; моральной сдержки не было никакой, за то теперь искали спасенія въ жалкомъ духѣ сомнѣнія и отрицанія; въ «холодномъ скептицизмѣ французской философіи, въ охмеляющихъ и вредныхъ мечтаніяхъ, которыя имѣли такое ужасное вліяніе на лучшіе цвѣты предшествующаго поколѣнія»—слова Пушкина. Этимъ онъ обманывалъ только себя—однако, не совсѣмъ. Последнія десять лѣтъ его жизни только преждевременно изнурили его. Немного свѣтлыхъ моментовъ выпадало на долю поэта за это время; напряженная литературная дѣятельность въ осенніе мѣсяцы, любимое время его творчества, въ Болдинѣ напр., въ 1830, особенно помогало ему забываться. Постоянное безпокойство, предприниманіе самыхъ различныхъ плановъ, путешествія и т. д.; постоянная перемѣна мѣстопробыванія, ежедневно возрастающее недовольство самимъ собою, всѣмъ окружающимъ,—такова была эта жизнь поэта. Наконецъ разразилась катастрофа.

Даже литературная дѣятельность доставляла все менѣе удовольствія, ибо одобреніе немногихъ одномышленниковъ не могло ему возстановить полного отчужденія большого общества. Основанія этого отчужденія не были вовсе произвольными, случайными, несправедливыми. Не могли освоить себя съ мыслию, что либеральный, оппозиціонный, революціонный пѣвецъ сдѣлался кроткимъ, какъ ягненокъ, исповѣдывателемъ православія и аристократіи; видѣли въ этомъ измѣну и, несправедливо, предполагали эгоистическія побужденія. Стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ защищался отъ упрека въ лести, самое цѣнное изъ его тогдашняго творчества, оставались неопубликованными. Съ другой стороны, разочаровывало все направленіе поэта, еще были подъ вліяніемъ чаръ, которые какъ разъ вызвали «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фонтанъ» и др. Эволюціи поэта, скоро отдѣлавшагося отъ своего романтизма, не проходили вмѣстѣ съ нимъ; публика никогда не принимала во вниманіе собственнаго приговора Пушкина: «Русланъ» холоденъ, «Плѣнникъ» незрѣлъ и передъ поэзіей Кавказа—чистѣйшая Голицовская проза, ханъ—въ «Фонтанѣ»—мелодраматиченъ до смѣшнаго.

Чѣмъ болѣе зрѣлымъ, яснымъ, объективнымъ, законченнымъ дѣлалось творчество Пушкина, тѣмъ менѣе отвѣчалъ онъ наивному, мелодрамо-романтическому характеру времени; его лирика, казалось, замолѣла—ея лучшіе плоды, стихи императору, Мицкевичу и др., оставались неопубликованными. Эпическія и драматическія произведенія, которыя появились послѣ «Полтавы», находили все болѣе рѣшительное непризнаніе; жалкая дюжинность Булгарина или Загоскина находила несравненно болѣе поклонниковъ. Такъ все дальше расходились пути поэта и общества. Только трагическая неожиданная потеря, всеобщее убѣжденіе о земныхъ низкихъ интригахъ, которыя одни обвинялись въ смерти поэта, снова примирили общество съ его бывшимъ любимцемъ, и у его гроба еще разъ могущественно возгорѣлась старая симпатія.

Такъ уже и современники колебались въ приговорѣ о поэтѣ, и борьба за Пушкина оставалась и впослѣдствіи знаменательною. Въ сороковыхъ годахъ отмѣчалъ Бѣлинскій красоты его твореній, какъ ихъ воодушевленный поклонникъ, но уже онъ характеризовалъ искусство поэта только историческимъ служеніемъ исключительно прекрасному, а не времени и его требованіямъ. Когда эти послѣднія становились все громче, все одностороннѣе, публицистическая критика болѣе и болѣе низводила значеніе поэта, но чисто эстетическая оставалась при своемъ удивленіи передъ поэтомъ; въ пылу возбужденія критика Писарева перешла всякія границы литературнаго вкуса. Только въ 1881 г., при открытіи памятника поэту въ Москвѣ, дѣло

дошло до единодушныхъ, могучихъ овацій всего образованнаго міра, пусть не обошлось и безъ преувеличеній, напр. со стороны Достоевскаго, который съ давнихъ поръ былъ глубочайшимъ и самымъ горячимъ поклонникомъ «міроваго гениа» Пушкина; лишь съ этого времени можно говорить объ установившейся оцѣнкѣ великаго Московца.

Пушкинъ—національный поэтъ русскихъ, хотя его поэтическое творчество не національно. Не даромъ его называли Петромъ Великимъ въ поэзіи; вѣдь и дѣятельность Петра вовсе не была національною. Оба учились у иностранцевъ, но не они признали или создали необходимость этого воззрѣнія, они лишь довели его до рѣшительнаго успѣха. Пушкинъ былъ подражателемъ, какъ и его предшественники, но въ сравненіи съ талантами, въ большинствѣ весьма умѣренными, съ ихъ часто одностороннимъ, нерѣшительнымъ направленіемъ, только онъ былъ поэтическимъ гениемъ; онъ увлекаетъ противодѣйствующихъ; служба прекрасному дѣлается, моральной силой, съ которой должны считаться даже властители на тронѣ. Всякая односторонность ему чужда, прямо удивительна способность этого виртуоза формы къ приспособленію и къ перемѣнѣ. Онъ, какъ эпикуреецъ, начинаетъ прославленіемъ наслажденія, видимо бѣжитъ отъ всего серьезнаго, но сибаритъ дѣлается рупоромъ въ политической борьбѣ и надѣляетъ негодованіе и насмѣшку пламенными словами. Мы скоро застаемъ его у ногъ Байрона; черезъ эту романтическую поэзію онъ приближается къ настоящей и находитъ наконецъ собственную дорогу; такъ становится онъ величайшимъ художникомъ-поэтомъ русскихъ. Въ отдѣльныхъ сценахъ «Годунова», въ позднѣйшихъ пѣняхъ «Онѣгина», въ отдѣльныхъ лирическихъ произведеніяхъ творить онъ вѣчное, создаетъ образцы, безъ которыхъ литература никогда не можетъ стать великою. Съ нимъ впервые соображаются другіе; до сихъ поръ каждый шелъ своимъ собственнымъ путемъ, т. е. подражалъ тому или другому иностранцу, только Пушкинъ создалъ школу; даже на старшихъ, бывшихъ учителяхъ, замѣтно его вліяніе. Это вліяніе въ сущности формальное; его послѣдователи стремятся овладѣть большею частью напрасно, не идейнымъ богатствомъ, но образцовымъ «Пушкинскимъ стихомъ», который прямо сдѣлался эстетическою категоріей. Невыразимое благозвучіе стиха и языка, вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ необычайная пластика, отсутствіе смутнаго, неяснаго, не какъ у Жуковскаго, идутъ наряду съ настоящимъ, глубокимъ чувствомъ, искренней грустью, живымъ настроеніемъ; если нѣтъ у него страстнаго пыла любви и ненависти, зато въ своихъ стихотвореніяхъ онъ достигаетъ того равновѣсія, какого ему такъ больно не доставало въ жизни. Онъ производитъ совершенно впечатлѣніе классическаго поэта; въ позднѣйшемъ творествѣ окончательно забываютъ о его романтическихъ преимуществахъ; и всегда законченность формы, что производитъ эти иллюзіи. Она представляется намъ естественнымъ выраженіемъ, какъ будто она родилась вмѣстѣ съ матеріаломъ или мыслями; но за виѣшною легкостью, понятностью скрывается добросовѣтная, неутомимая работа за отдѣлкою слога, который облекаетъ формы, какъ тяжелое, шумящее великолѣпное одѣяніе, то простымъ покрываломъ обвѣиваетъ ихъ. Уже стиль Крылова или Жуковскаго оригиналенъ, но насколько превосходитъ односторонность того и другого—Пушкинъ, который распоряжается всѣми средствами!

Трудно говорить о Пушкинѣ, невольно чувствуешь загадку передъ собой и боишься быть къ нему несправедливымъ. Такъ, мы придавали главное значеніе его историческимъ драмамъ и романамъ, не думая прямо, что они дѣйствительно составляли призваніе Пушкина. Онъ поэтъ настоящаго, это доказываютъ «Онѣгинъ», его «Лѣтописъ села Горохина». Эта производитъ такое впечатлѣніе, какъ будто ее написалъ Щедринъ, какъ

будто это была глава «обличительнаго» разсказа; за добродушной наемъш-кой надъ литературными аллюрами его Бѣлкина слѣдовалъ совѣмъ не добродушный смѣхъ надъ весельемъ и горестью русской деревенской жизни. Была ли возможность продолжать подобную главу при цензурѣ императора, жандармовъ, министра просвѣщенія, наконецъ Уварова, котораго Пушкинъ вполне основательно такъ сильно презиралъ, на котораго онъ написалъ самую язвительную изъ своихъ эпиграммъ, которая должна считаться отчасти причастной къ заключительной катастрофѣ Пушкина? Передъ этой желѣзной стѣной Пушкинъ отступалъ назадъ, оставилъ «Горохино» и всѣ разумные, современные планы и расточалъ много времени и силъ въ пустѣйшихъ историческихъ изслѣдованіяхъ, изъ которыхъ ничего не могло выйти кромѣ скуки. Здѣсь онъ былъ по крайней мѣрѣ въ безопасности отъ тройной цензуры и полиціи. «Пой, птичка, пой», взываетъ въ Крыловской баснѣ котъ къ соловью, держа его въ своихъ когтяхъ. Басня относилась къ Пушкину и русской системѣ. И Пушкинъ чувствовалъ это плачевное положеніе и въ отчаяніи писалъ своей женѣ: «чортъ меня побралъ родиться въ Россіи—съ талантомъ!» Какъ часто онъ въ золотой петербургской клѣткѣ тосковалъ по нищенской свободѣ своего великаго противника въ Парижѣ! Медленно, но вѣрно, сломли «они» ему крылья, и только возрастающая тревога поэта обнаруживала внутреннія муки его совѣсти. Тутъ внезапная смерть.

Благодарный и заманчивый трудъ говорить о Пушкинѣ; болѣе истиннаго художника мѣрѣ еще не видѣлъ. Онъ вовсе не драматикъ или эпикъ; никогда онъ не умѣлъ двигать большими массами. Сравнить только его «Онѣгина» съ современнымъ «Паномъ Тадеушемъ» Мицкевича. Онъ—лирикъ, и какъ таковой—эхо Россіи. У него повторяется то же самое, что и въ пѣснѣ ямщика: то веселье удалое, то сердечная тоска; съ годами и опытомъ теряется первое, возрастаетъ второе. Отказавшись отъ «легкокрылаго упоенія, легкокрылой любви, сладкой праздности» своей юности, онъ хотѣлъ посвятить отечеству «души порывъ высокій». «О, если-бъ голосъ мой умѣлъ сердца тревожить! Почто въ груди моей горитъ безплодный жаръ и не даю мнѣ въ удѣлъ витійства грозный даръ? Увижу-ль я, друзья, народъ освобожденный и рабство навшее по маніи царя, и надъ отечествомъ свободы просвѣщенной взойдетъ-ли, наконецъ, прекрасная заря?» Въмѣсто этого его «Аріонъ» долженъ пѣть: «Насъ было много на челнѣ: иные парусъ напрягали, другіе дружно упирали въ глубь мощны весла. Въ тишинѣ, на руль склоняясь, нашъ кормщикъ умный въ молчаньи правилъ грузный челнъ; А я—безпечной вѣры полнъ—пловцамъ я пѣлъ... Вдругъ доно волнъ измялъ съ палету вихоръ шумный..... Погибъ и кормщикъ, и пловецъ! Лишь я, таинственный пѣвецъ, на берегъ выброшенъ грозною, я гимны прежніе пою и ризу влажную мою сушу на солнцѣ, подъ скалою». Такъ онъ все еще обманывалъ себя, ибо не было болѣе никакой возможности ни слагать прежніе гимны, ни быть неподкупнымъ эхомъ націи. Правда, онъ не унижилъ своего гордаго сердца, своихъ непокорныхъ звуковъ беззаконной измѣной, не сдѣлался льстецомъ, но онъ самъ удалился къ себѣ, умолялъ свою музу посѣщать его и не дать остыть душѣ, ожесточиться, очерствѣть въ мертвышемъ упоеніи свѣта, среди бездушныхъ гордецовъ, среди блистательныхъ глупцовъ, среди кокетокъ богомольныхъ, среди холощевъ добровольныхъ, среди вседневныхъ модныхъ сценъ, учтивыхъ, ласковыхъ измѣнъ, среди холодныхъ приговоровъ, жестокосердой суеты, среди досадной пустоты, разчетовъ, думъ и разговоровъ. Скоро онъ сознавалъ открыто: «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье мнѣ тяжело, какъ смутное похмелье. Но какъ вино—печаль минувшихъ дней—въ моей душѣ чѣмъ старѣ, тѣмъ сильнѣй. Мой путь унылъ. Сулить мнѣ трудъ и горе грядущаго волнуемое море. Но не хочу, о други, умирать! Я жить хочу,

чтобъ мыслить и страдать; и вѣдаю, мнѣ будутъ наслажденья межъ горестей, заботъ и тревоженья; порой опять гармоніей уплюсь, надъ вымысломъ слезами обольюсь, и, можетъ быть, на мой закатъ печальный блеснетъ любовь улыбкою прощальной... Этой программѣ, т. е. самому себѣ, Пушкинъ остался вѣренъ.

Онъ нашелъ новые тоны для пѣсенъ; онъ низвелъ языкъ поэзіи съ его ходуль, пусть предвзятая критика и упрекала его въ употребленіи «низкихъ бурлацкихъ словъ». Мало этого. «Свободы сѣятель пустынный, я вышелъ рано, до звѣзды; рукою чистой и безвинной въ поработенныя бразды бросалъ живительное сѣмя. Но потерялъ я только время, благіе мысли и труды»... Послѣ достаточной борьбы противъ течения, поплылъ онъ наконецъ съ нимъ, пока его жизненный корабль не разбился. На этомъ короткомъ пути открылась ему поэзія русскаго однообразнаго ландшафта, которая для его современниковъ была еще совершенно недоступна, поэзія русскаго народа, которая для нихъ не была достаточно романтична.

Ни въ одной странѣ не было такъ, чтобы въ ней болѣе чѣмъ одинъ разъ появлялся человѣкъ съ столь различными и столь высокими способностями, которыя обыкновенно исключали другъ-друга. Пушкинъ поражалъ слушателя живостью, ясностью и утонченностью своего ума; онъ имѣлъ необыкновенную память, вѣрный взглядъ и изысканный вкусъ; «... Я зналъ его дѣйствительно хорошо и долго, я считалъ его человѣкомъ чувствительнаго, иногда легкаго, но всегда искренняго, благороднаго и экспансивнаго характера. Его недостатки, казалось, происходили отъ обстоятельствъ и общества, среди которыхъ онъ жилъ; но доброе въ немъ шло изъ его собственного сердца», писалъ его великій другъ и противникъ Мицкевичъ, когда пистолетная пуля положила конецъ ожиданіямъ, которыя почитатели возлагали на его долгое, поэтическое молчаніе, толковавшееся ими только какъ счастливое предзнаменованіе для литературы.

Быть можетъ, это было ошибочное мнѣніе, какъ и многія другія относительно Пушкина. Отъ него даже ожидали политически-либеральной роли, но были совершенно разочарованы, эта роль навязана ему друзьями юности, въ то время, какъ самъ онъ былъ только консервативенъ, и это при геніальности писателя вовсе не рѣдкое явленіе. Революціонеры, новаторы въ области духа, науки, искусства тѣмъ сдержаннѣе во всѣхъ другихъ областяхъ; въ нихъ такимъ образомъ какъ бы устанавливалось равновѣсіе, разрѣшались противорѣчія. Пушкинъ только служитель прекраснаго, ищетъ лишь прекрасное, отсюда у него противоположность между жизнію и поэзіею. Какъ ничтожны были, напр., тѣ, какъ мало онъ уважалъ ихъ въ дѣйствительности, къ которымъ онъ направлялъ свои лучшія пѣсни любви. Такъ очищало его искусство, идеализировало низкое, мелкое. Поэтому, во времена, когда культъ прекраснаго долженъ былъ отступить назадъ, какъ въ Россіи 1861 года, которая разрѣшала свои жизненные вопросы, Пушкинъ теряетъ свое значеніе. Отливаютъ соціальныя волны, съ вѣрою опять возвращаются къ его поэзіи красоты; обаяніе, которымъ она полна, всегдаб удетъ вѣчнымъ!

СЕДЬМАЯ ГЛАВА.

Романтическіе поэты.

Пушкинская плеяда: Дельвинъ, Языковъ, Баратынскій, Веневитиновъ, Козловъ, Подольскій, Полежаевъ, Лермонтовъ, молодость, чужія влияния; общественныя темы; пессимизмъ; поэтическія повѣсти; драмы; его значеніе. Кольцовъ и народная пѣсня.

Кто отъ экзотическихъ и мистическихъ цвѣтовъ романтики нѣмецкой, французской, англійской приступаетъ къ русской, остается разочарованнымъ.

Тоска по голубымъ цвѣтамъ, фантастическій бѣгъ въ волшебную страну, тяжелыя аллегоріи, пантеистическія или социальныя мечты, мистическая восторженность,—все это совершенно чуждо русской литературѣ, какъ и русскому темпераменту. Оба они отъ природы очень трезвы, тяготеютъ къ самой дѣйствительности, не возносятся къ звѣздамъ. Здравый человѣческій разсудокъ—какъ богатъ имъ былъ Пушкинъ, скептически настроенный умъ—русскій только смѣется надъ нѣмецкимъ энтузіазмомъ и восторженностью, весьма умѣренное чувство природы—русскаго интересуютъ только люди, да и ландшафты его слишкомъ однообразны и лишены красоты,—прямое отвращеніе къ абстракціямъ—до сихъ поръ Россія не дала еще ни одного философа, достойнаго упоминанія, только теологовъ и моралистовъ; подобныя условія крайне неблагоприятны для удачнаго роста романтическихъ цвѣтовъ. Какъ скоро отрезвѣлъ Пушкинъ, какъ мало русскихъ стихотвореній, которые выходили бы въ блестящемъ одѣяніи романтизма, со всѣми его лиліями и звѣздами! Еще и нынѣ мы видимъ, что возрожденіе поэзіи, символической, декадентской, философской, какъ разъ на Руси труднѣе всего подвигается впередъ, вызываетъ скорѣе дешевыя насмѣшки, чѣмъ серьезное уваженіе.

Русскій романтизмъ—прямо не рѣшашься употреблять этотъ терминъ—имѣеть еще и другія существенныя отличія отъ европейскаго. Его отличаетъ совершенно неромантическое рабство духа; онъ является необыкновенно стѣсненнымъ, незначительнымъ, лишеннымъ смѣлости, глубины, и причины этого лежали не только въ темпераментѣ, но и въ характерѣ времени, въ Николаевскомъ режимѣ; онъ прямо пахнетъ аракеевскими кантонистами, этотъ романтизмъ фельдфебелей и канцеляристовъ! Конечно, палачи нужны, но воспѣвать палачей вовсе ужъ ни необходимо, ни красиво. Эта правда Вяземскаго не существуетъ для Пушкина, Полежаева и др., которые спокойно выселяютъ своихъ героевъ противъ черкесовъ или поляковъ, ругаютъ этихъ, какъ будто, напр., черкесы не боролись мужественно за свободу своихъ горъ; только Лермонтовъ здѣсь, какъ и въ другихъ случаяхъ, составляетъ почтенное исключеніе. Какъ жалки русскіе Байроны сравнительно съ самимъ оригиналомъ. Какъ онъ откашливается, какъ онъ плюетъ, это переняли; но его выступленіе во имя свободы и правды ихъ не обязываетъ. Ихъ возстаніе противъ катехизиса и догмъ оканчивается всегда *laudabilitur sa sciecit*. Ихъ оппозиція—Пушкинъ здѣсь прообразъ—пассивность квіэтизма. Ихъ значительные компромиссы—акты безусловнаго подчиненія; они оставляютъ за собой самое большее слабый пессимизмъ; титаны слишкомъ быстро превращаются въ пигмеевъ.

Одинъ, впрочемъ, дѣлаетъ исключеніе.

Поэтому ничего удивительнаго, что и въ Пушкинской плеядѣ нельзя найти ни одного настоящаго романтика; да и вообще по отношенію къ иному можно вообще сомнѣваться даже въ его чисто-формальной принадлежности сюда. Такъ, напр., относительно товарища Пушкина, молодого «славянина, грека по духу, германца по роду», на барона Дельвига, который въ сущности остался на той же начальной стадіи развитія, которую Пушкинъ перешелъ послѣ 1820 г. Онъ любилъ представлять себя избалованнымъ музами и граціями, какъ будто нерадивость и безпечность были необходимыми свойствами поэта; какъ и Батюшковъ, онъ подражалъ въ своихъ идилліяхъ и элегіяхъ античному и достигъ въ этомъ большого совершенства; но извѣстнымъ сдѣлали его подражанія народной пѣснѣ, въ общемъ весьма удачныя и пользовавшіяся большимъ успѣхомъ въ свое время, т.-е. до выступленія Кольцова. Онъ не былъ продуктивенъ; но имѣлъ хорошій вкусъ, Пушкинъ всегда обращался къ нему и вполне довѣрялъ его приговору; поэтому многого ожидалъ отъ нихъ цѣлый кружокъ «Литературной газеты»,

которую Дельвигъ началъ издавать въ 1830 г. послѣ многихъ прежде выходившихъ альманаховъ—«Сѣверные цвѣты», «Подсѣжникъ и т. п., и которая, главнымъ образомъ, должна была быть органомъ настоящей, аристократической критики. Напечатанныя строфы Делавины жертвамъ июльскаго дня тотчасъ-же положили конецъ газетѣ и скоро также и жизни издателя, въ январѣ 1831 г. Прекраснаго намѣренія послужить самодержавію публицистикою Пушкинъ не могъ осуществить ни въ этой газетѣ, ни въ своемъ «Современникѣ».

Дальше продолжалась, не отличаясь большей плодотворностью, дѣятельность Языкова, котораго воодушевлялъ Пушкинъ, въ особенности когда Языковъ посѣтилъ поэта въ его изгнаніи, въ Михайловскомъ (1826). Не научившись ничему во всевозможныхъ специальныхъ школахъ, Языковъ продолжалъ свое обученіе въ Дерптѣ, чтобы въ качествѣ перваго русскаго «*bemoostes Haupt*» (старога студента), по обычаю нѣмецкихъ буршей, начать служеніе вину, женщинѣ, пѣснѣ, и не только платонически, какъ Пушкинъ и Дельвигъ. Въ этой распущенной студенческой жизни былъ только одинъ свѣтлый моментъ, тихое, цѣломудренное поклоненіе ангелу на землѣ, женѣ профессора Воейкова, сестры предмета страсти Жуковскаго, госпожи Мойеръ. Эти юношескія пѣсни Языкова обнаруживали непритворное чувство; утѣхи Вакха и Эроса торжественно славилась стихами, понятно, бѣдными по мысли, зато тѣмъ болѣе богатыми проявленіями чувственности. Языковъ первый сумѣлъ изобразить женскую красоту; удавались ему и отдѣльныя картины природы. Среди звуковъ этой болѣею частью бурсацкой, зачастую необыкновенно пластической поэзіи попадались и болѣе серьезные тоны, не только въ стихахъ къ его музѣ, госпожѣ Воейковой, но и въ первыхъ молитвахъ и подражаніяхъ Ветхому Завету, которыя вполнѣ должны были склонить его на сторону чисто-религіозной лирики. Его юношескія мечты нашли неожиданный и печальный конецъ, и когда послѣ значительнаго перерыва поэтъ выступилъ снова, онъ сдѣлался «Тартюфомъ по болѣзни, славянофиломъ по родству». Теперь кающійся грѣшникъ заставлялъ поэта въ моменты ужаса и страха возвышаться надъ прахомъ земнымъ, слушать ангельскіе хоры и съ небесныхъ высотъ приносить трепещущимъ молитвы, дабы мы приняли ихъ въ сердцѣ и были бы спасены нашею вѣрой—«Землетрясеніе» (1844), и одновременно онъ писалъ доносы въ стихахъ «Не нами», гдѣ обвинялъ Чаадаева въ отпаденіи отъ православія, либеральнаго профессора исторіи Грановскаго—въ лжеученіяхъ и «соблазнѣ молодежи, Герцена—въ ношеніи блестящихъ западныхъ ливрей, всѣхъ—въ измѣнѣ отечеству. Даже славянофилъ Аксаковъ былъ возмущенъ этими «славянскими жандармами во имя Иисуса Христа».

Дать что-либо большее не могли ни Дельвигъ, ни Языковъ, ни остальные романтики, которые, въ сущности, всѣ были только лириками, даже самый одаренный среди нихъ, котораго и Пушкинъ ставилъ весьма высоко, князь Баратынскій. Этотъ написалъ нѣсколько повѣствовательныхъ стихотвореній, написанныхъ всѣ по одному шаблону и разнообразныхъ только мѣстами дѣйствія: «Эда», соблазненная и покинутая финляндка, даетъ изображеніе картинъ природы ея страны, съ которой Баратынскій познакомился во время многолѣтней военной службы тамъ; «Баль», въ московскомъ салонѣ; «Цыганка». Баратынскій прежде всего меланхоликъ; онъ бѣжитъ отъ жизни и обращается къ поэтическому творчеству, груститъ о разладѣ между идеаломъ и дѣйствительностью; въ жалобахъ на послѣднюю, попадаютъ неосторожныя сужденія о губительной силѣ знанія, о невозмутимомъ счастьи наивнаго дитяти природы; правда дѣлается у него погребальнымъ факеломъ; разочарованіе, пессимизмъ овладѣваютъ имъ, наконецъ, онъ воодушевляется къ смерти—разрѣшенію всѣхъ загадокъ и освобожденію отъ цѣпей, прославляя ее совершенно

въ античномъ духѣ, какъ дочь небеснаго эира, который своимъ холоднымъ дыханіемъ смиряетъ надменность жизни; онъ воспѣваетъ даже послѣднюю

Е. А. Баратынскій.

смерть на землѣ, прекращеніе всякой жизни, когда надъ пустотой будетъ кружиться только облако, какъ испу- щительная жертва. Ибо нашъ тяжелый жребій—болѣзнь любить и нѣжить, бо- яться утѣшительной смерти; пусть поэту правда никогда не явится въ жизни, зато явится она ему въ послѣдній мигъ, откроетъ его глаза, освѣтитъ разумъ, дабы онъ, прозрѣвъ жизнь, безъ роптанья, спустился бы въ обитель ночи. Разбавленный Шопенгауеръ въ стихахъ. Какъ Языковъ, онъ молчалъ долгое время и только въ 1842 г. выступилъ съ новымъ собраніемъ опять философскихъ стихотвореній, подъ знаменательнымъ заглавіемъ: «Сумер- ки», повторяя съ большей полнотою тѣ же

самыя мысли, въ блѣдныхъ, смутныхъ, какъ тѣнь, очертаніяхъ. Не найдеть отзвука въ лѣнливой, полусонной толпѣ, которая реагируетъ на пошлые услов- ные тоны, слово, выходящее за предѣлы страстнаго, земнаго. Тутъ идутъ потомъ рѣчи о пустотѣ и тщетности знанія, о томъ, что сердце природы замкнуто для испытующаго ума, рѣчи, возмущившія либеральныхъ крити- ковъ. Покорный и меланхолическій пессимизмъ Баратынскаго не производилъ на современниковъ никакого впечатлѣнія, такъ какъ онъ замолокъ пе- редъ страстнымъ протестомъ другого пессимиста. Равнымъ образомъ философскимъ, но не пессимистическимъ духомъ была пронизана идеалистическая поэзія рано умершаго шеллингианца Веневитинова. Эта поэзія цѣломудренная и нѣжная по формѣ, казалось, скоро- рѣ примыкала къ античности, чѣмъ къ романтизму, хотя теоретическія статьи автора рѣзко направлялись противъ условныхъ связей и безспорнаго невѣжества французовъ; Веневитиновъ былъ, однако, болѣе философомъ и критикомъ, чѣмъ поэтомъ. Въ основѣ онъ независимъ отъ Пушкина. Тоже самое было и съ старѣйшимъ между всѣми ними, Козловымъ, который въ преклонные годы, разслабленный, потомъ ослѣпшій, сдѣлался поэтомъ сми- ренія, кроткой, убѣжденной, не вымученной и вынужденной покорности, какъ это часто случается со слѣпыми. Онъ создалъ себѣ особую философію, или даже апоэозу страданія, которая напоминаетъ Жуковскаго: нѣтъ постоянного счастья, насъ утѣшаетъ только воспоминаніе о прошломъ счастьѣ, — но что другое, какъ не страданіе, вызываетъ это воспоминаніе? Онъ несетъ съ благодарностью свой крестъ, и къ Байрону поэта понятно привлекали не его протесты и страстность, но исканіе правды и справед- ливости. Въ своемъ «Кіевскомъ разсказѣ» о «Монахѣ», который пользовался большою популярностью и переводился на самые различные языки (два раза на французскій, итальянскій и т. д.), онъ подражалъ Байрону; герой убиваетъ того, кто разрушилъ его счастье, но это случилось подъ впечатлѣніемъ минутной вспышки. Только съ этимъ преступленіемъ навсегда исчезло счастье смиренія, котораго онъ уже достигъ—ибо съ крестомъ при- ходитъ и надежда; мучимый тревогой, онъ ищетъ убѣжища въ кельѣ—вовсе не байроновскій герой. Да кроткій Козловъ охотнѣе выбиралъ въ героини женщинъ, которыя покорно переносятъ свою судьбу, слѣдуютъ на смерть за возлюбленнымъ, и даже если онъ и обмануты, покинуты, не прокли-

наютъ его, но благословляютъ. Несмотря на свое мечтательное почитаніе Байрона, поэтъ обратился отъ его ожесточенности къ кроткой музѣ В.-Скотта. Козловъ вовсе не какой-либо значительный талантъ, развѣ только съ формальной точки зрѣнія, но большею частью просто подражатель и переводчикъ; съ его именемъ и судьбою неразрывно связаны Жуковскій и госпожа Воейкова, Пушкинъ и Мицкевичъ. Романтиками въ лучшемъ смыслѣ слова были Подолинскій, авторъ «страшныхъ» поэмъ; его Борскій-Отелло, напр., умертвилъ свою невинную Дездемону; но ревность героя даже не была настоящею, а лишь простымъ продуктомъ байроновскаго разочарованія; его романтика, скучнѣйшая и самая незамѣтная, уже совершенно фискальная, такъ же какъ Бенедиктова, автора политико-патріотическихъ пѣсень, полная эффектово, искусственная, насилующая языкъ какъ и логику, ослѣпляющая наивныхъ людей; критики сильно преслѣдовали ее, особенно Бѣлинскій, предостерегавшій читателя отъ этой пустой реторики, и еще больше Добролюбовъ, когда онъ снова выступилъ къ концу пятидесятихъ годовъ. Изъ большого числа поэтовъ и поэтессъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть еще объ одномъ, рано погибшемъ безспорномъ талантѣ, трагическая судьба котораго столь характерна для Николаевской Руси и ея патріархальнаго режима, именно о Полежаевѣ.

Еще Московскимъ студентомъ онъ составилъ себѣ имя своими бурсацкими стихами, распространяемыми, разумѣется, только въ рукописяхъ. Его славу только могло возвысить юмористическое стихотвореніе «Сашка», пародія на «Онѣгина», гдѣ повѣствовалося о студенческихъ дебоширствахъ и постоянныхъ столкновеніяхъ съ блюстителями порядка. Во время пребыванія императора въ Москвѣ, полиція передала ему *corpus delicti*. Врагъ университетовъ, которые считались имъ рассадниками духовнаго порока и отъ посѣщенія которыхъ онъ удерживалъ воспитанниковъ привилегированныхъ заведеній, царь усмотрѣлъ въ Полежаевѣ остатокъ декабризма, приказалъ привести студента къ себѣ и передъ министромъ просвѣщенія— чтобы показать этому плоды его школь, ночью, заставилъ прочитать «Сашку». Вообразить только сцену: негодующій императоръ, кругомъ сонные министры, студентъ, сначала совсѣмъ оробѣвшій, въ концѣ концовъ увлеченный течучестью своихъ гладкихъ, великолѣпныхъ стиховъ! Императоръ отечески поцѣловалъ поэта и запряталъ его ради нравственнаго очищенія въ большое русское исправительное заведеніе, называемое арміей, позволивъ въ случаѣ нужды обращаться письменно непосредственно къ нему. Послѣ того, какъ письма Полежаева оставались безъ отвѣта, онъ дезертировалъ, чтобы передать ихъ лично, былъ схваченъ и приговоренъ къ шпицрутенамъ («Арестантъ»). Императоръ освободилъ его отъ наказанія и отослалъ на Кавказъ. Положеніе было безотрадное. Полежаевъ, не чувствовавшій ни малѣйшей склонности быть полицейскимъ поэтомъ, началъ пить, чтобы только забыться («Водкѣ»). Впрочемъ, въ 1833 г. онъ былъ перемѣщенъ въ Москву, но чахотка и алкоголь закончили свое разрушительное дѣло; мертвому солдату крысы въ госпитальной кладовой вдобавокъ еще отгрызли ногу. Въ вышедшемъ собраніи его сочиненій, изъ котораго были выпущены особенно мрачныя, равно какъ и непристойныя стихотворенія, былъ помѣщенъ его портретъ въ офицерской формѣ, такъ какъ цензура не разрѣшила солдатской. Это былъ дѣйствительный талантъ, принесенный въ жертву «Спасскимъ казармамъ», и талантъ опять только лирической, такъ какъ его солдатскія разказы неинтересны. Его отличаетъ твердый, мужественный слогъ, пользовавшійся преимущественно короткимъ стихомъ, этотъ слогъ шелъ на ряду съ сильнымъ содержаніемъ его описательныхъ или лирическихъ стихотвореній, надъ которыми спускался покровъ

отчаянія и ожесточенія; но поэтъ жаловался—знаменательно для русскаго вѣрноподданнаго—только на себя и на свою негодность!

Собственно русскимъ романтикомъ и байрономъ былъ не Пушкинъ, еще менѣе Жуковский, но одинъ только Михаилъ Лермонтовъ. Въ Германіи онъ связанъ съ именемъ Буденштедта, который зналъ русскаго поэта, дивился и переводилъ его. Въ немъ дышали великая ненависть, страстный протестъ и ожесточенный пессимизмъ. Лермонтова мало цѣнили въ подавленной николаевской атмосферѣ, зато съ каждымъ послѣдующимъ десятилѣтіемъ онъ приобрѣталъ все больше значенія и популярности; рядомъ съ Пушкинымъ—второй великій геній русскихъ, но не суждено ему было, какъ и Пушкину, открыть намъ все, что волновало его грудь. Его пѣсня была внезапно и рано прервана; пуля друга и противника на дуэли положила преждевременный конецъ только 28-милѣтней жизни. Невольно мы приступаемъ съ чувствомъ унылой неудовлетворенности къ разсмотрѣнію его творчества—несравненно болѣе, чѣмъ у Пушкина, возникаютъ сомнѣнія, какъ и что онъ хотѣлъ сказать,—или мы обманываемся и здѣсь? Онъ поразяетъ необыкновенно раннею зрѣлостью своего таланта и постоянствомъ, съ какимъ онъ держится разъ уже взятыхъ темъ.

Лермонтовъ родился въ Москвѣ, 2 октября 1814 г. Его дѣтство спокойно протекло въ тиши дворянскаго дома, и только раннее (1825) путешествіе на Кавказъ прервало безмятежность этой жизни; Лермонтовъ, а не Пушкинъ, несмотря на своего «Плѣнника», настоящій пѣвецъ Кавказа. Бабушка (мать онъ рано потерялъ) заботилась о томъ, чтобы дать наилучшее, французско-англійское воспитаніе своему единственному горячо любимому Mischel'ю. Предоставленный самому себѣ, меланхолическій мальчикъ рано углубился въ чтеніе, особенно поэтовъ, скоро началъ писать самъ, понятно сначала французскіе стихи, затѣмъ, уже на двѣнадцатомъ году, русскіе, предварительно только списывая, потомъ расширяя и перефразируя, напр., Пушкина. 13-ти лѣтъ онъ поступилъ въ московскій университетскій пансіонъ, затѣмъ въ самый университетъ, который, однако, долженъ былъ покинуть въ 1832 г., исключенный за столкновенія со своими учителями. Восемнадцатилѣтнимъ, до сихъ поръ служа только литературѣ, вступилъ онъ въ Петербургскую юнкерскую школу, чтобы черезъ два года оставить ее офицеромъ. Лермонтовъ избралъ военную карьеру, такъ какъ она, во всякомъ случаѣ, вела его кратчайшимъ путемъ, если не къ первой, литературной, то все-же къ послѣдней пѣли всего существующаго; лучше же умереть съ пулею въ груди, чѣмъ отъ медленнаго старческаго истощенія. Уже за годъ раньше онъ писалъ (1831): «Нѣтъ, я не Байронъ, я другой, еще невѣдомый избранникъ—какъ онъ, гонимый міромъ странникъ, но только съ русскою душой. Я раньше началъ, кончу ранѣ, мой умъ немного совершить». Такъ предчувствовалъ поэтъ свою раннюю смерть. Десятью годами позже (1841), онъ ясно описалъ въ стихотвореніи «Сонъ»: «Въ полдневный жаръ въ долинѣ Дагестана съ свинцомъ въ груди лежалъ недвижимъ я; глубокая еще дымилась рана, по каплѣ кровь сочилась моя. Лежалъ одинъ я на пескѣ долины»... 15-го іюля того же года Лермонтовъ дѣйствительно умеръ.

Два года юнкерской школы онъ называлъ страшными. Юноша бросился въ водоворотъ наслажденій и распутства и посвящалъ, второй Барковъ-порнографъ XVIII ст.,—свое перо тѣмъ же темамъ, что и Полежаевъ въ «Сашѣ», только среда была другая: любовныя приключенія въ гарнизонѣ, въ походѣ, лагерѣ описывались съ цинической откровенностью и необыкновеннымъ искусствомъ. Въ спискахъ распространяли товарищи среди золотой молодежи столицы: «Петергофскій праздникъ», «Уланщѣ», «Монго»; наконецъ, 1836, «Казначейшу». Къ этимъ вдохновеніямъ непристойной

музы присоединялись многочисленныя мелкія пѣсни подобнаго же рода. Стоить только упомянуть, что, напр., въ «Монго» представлены приключенія его друга Столыпина (Монго) и его собственныя (Маешка), ихъ бѣгство съ дачи балетной танцовщицы передъ превосходной силой пьяныхъ штатскихъ. Лермонтовъ даетъ весьма нелестную характеристику обоимъ героямъ, говоритъ о лѣтѣ, законѣ его жизни, о своемъ холодномъ резервѣ, какъ плодѣ разгульной жизни; въ молодомъ сердцѣ хранилъ онъ «печалей будущихъ задатокъ», былъ остороженъ въ словахъ и опрометчивъ въ дѣлахъ, «порою, трезвый—вралъ безбожно, и молчаливъ былъ на ширяхъ». Въ «Казначействѣ», по размѣру съ «Онѣгина», рассказывалъ поэтъ эпизодъ изъ своей гарнизонной жизни въ Тамбовѣ, какъ уланы прельщаютъ молодую красивую жену стараго картежника и выигрываютъ ее у него; изложеніе прерывается излюбленными отступленіями, перерывами, обращеніями къ себѣ и читателю, что мы достаточно знаемъ изъ «Беппо» и «Донъ-Жуана». Сюда же относился и его собственный «Сашка», исторія любви съ многочисленными автобиографическими деталями, съ отдѣльными, для Лермонтова особенно характерными стихами. Черезъ нѣсколько лѣтъ (1840) онъ пишетъ: «И жизнь, какъ посмотришь съ холоднымъ вниманьемъ вокругъ—такая пуетая и глупая шутка!»

Какъ офицеръ, Лермонтовъ чувствовалъ себя въ своей стихіи, предаваясь развлеченіямъ beau mond'a, позднѣе вошелъ даже въ большой свѣтъ, отсутствіе доступа въ который долго больно переживалось имъ. У поэта были все данныя къ тому: старый дворянскій родъ, отъ мнимаго шотландца Лермонта, котораго воспѣваетъ В.-Скоттъ, богатство и связи его бабушки; онъ сталъ избѣгать сношеній съ литераторами, какъ будто это было mauvais ton, началъ играть роль покорителя сердець, и имѣлъ большой успѣхъ, несмотря на свою некрасивую наружность. Если сначала онъ былъ робокъ, если онъ не могъ овладѣть вниманіемъ общества, «быть можетъ, слава Богу!», такъ позднѣе это уступило его насмѣшливо-проницательному тону и обращенію; къ объясненіямъ въ любви присоединялъ онъ сейчасъ-же дерзости. Это было по крайней мѣрѣ ново; впрочемъ, онъ менѣе любилъ женщину, чѣмъ любовь, первое нарождающееся чувство; для него было наслажденіемъ упиться благоуханіемъ распускающагося цвѣтка и потомъ бросить, чтобы его поднялъ кто-нибудь другой. Онъ постоянно занятъ и вѣчно кипитъ, но сердце остается холодно; поэтъ недоволенъ не только другими, но и самимъ собой. Появляется у него новая мысль, онъ сейчасъ же думаетъ, гдѣ вычитать ее; онъ никогда ни на что не годится, ему недостаешь то случая, то смѣлости. Его призрачное будущее пошло и пусто, и ничего не останется «de cette âme brûlante et jeune, que Dieu m'a donnée fort mal à propos». Письма, изъ которыхъ взяты эти цитаты, понятно все написаны по-французски. Лермонтову противна эта жизнь, онъ часто забывается въ этой холодной, лживой, пестрой толпѣ, спѣшитъ погрузиться въ область мечты, тоскуетъ по свѣтлымъ звукамъ прежнихъ лѣтъ. Когда-же поэтъ пробуждается, его беретъ охота нарушить покой окружающей среды, и бросить ей въ лицо «железный стихъ, облитый горечью и злостью». Онъ такъ это и сдѣлалъ въ дѣйствительности, спугнулъ своимъ пламеннымъ стихомъ придворныхъ кумушекъ и поплатился за это ссылкой въ Грузію. Когда Лермонтовъ возвратился въ Петербургъ, дуэль съ сыномъ французскаго посла въ третій разъ отправила его на Кавказъ. Въ 1841 г., возвратясь въ Петербургъ, онъ скоро покинулъ его и уѣхалъ назадъ на Кавказъ, гдѣ постоянными колкостями—онъ былъ крайне непріятный товарищъ—принудилъ своего друга къ дуэли, въ которой и палъ къ ногамъ столь прекрасно воспѣтыхъ имъ горъ. «Герой нашего времени» носитъ много лермонтовскихъ чертъ и, хотя поэтъ намѣренно отрицалъ это тоже-

ство, общество настойчиво искало его; какъ разъ какъ у «Онѣгина» Пушкина, но этимъ и исчерпывается сходство обоихъ романовъ.

Поэзія Лермонтова—продуктъ николаевскаго режима, и уже въ этомъ лежитъ его существенное отличіе отъ Пушкина. Послѣдній, принадлежа болѣе кроткой и свободной Александровской эпохѣ, еще совершенно охваченъ политико-соціальными мечтами и отказывался отъ нихъ лишь медленно въ новой, отвратительной дѣйствительности. Лермонтовъ, наоборотъ, выступилъ уже послѣ роковаго декабрьскаго дня. Такъ какъ эти мечтанія на долгое время были подавлены въ обществѣ, то не находилось ничего, что бы питало тлѣющія въ груди поэта сѣмена протеста. И позднѣйшая, случайная встрѣча съ декабристомъ ничего не могла измѣнить. Поэтому Лермонтовъ самый антисоціальный русскій поэтъ, его пессимизмъ самый безнадежный; для него не существуетъ никакого выхода, такъ какъ даже возможность жизни для другихъ людей, для гуманныхъ цѣлей никогда не приходитъ ему въ голову. Его тоска по идеалу, по небу и свѣту остается совершенно безрезультатною и потому тѣмъ болѣе безнадежною. Тупая вѣрноподанность его времени и окружающей среды, рабская атмосфера вызываетъ и у него отдѣльные благомыслящіе обороты, но это въ основѣ ничего не измѣняетъ. Своего отношенія къ настоящему онъ не можетъ устанovitи; онъ презираетъ это настоящее и бѣжитъ отъ него. Лермонтовъ самый экзотическій изъ русскихъ поэтовъ; отсюда и его особенная любовь къ Кавказу.

Для Жуковскаго почти не существовало внѣшняго міра, Богъ и поэзія совпадали, «потустороннее» вознаграждало за борьбу и страданія здѣсь. Пушкинъ, если не въ самой жизни, то по крайней мѣрѣ въ своей поэзіи, гдѣ искалъ спасенія отъ жизненныхъ мукъ, добился примиренія противоположностей, душевнаго равновѣсія, объективнаго спокойствія, которое намъ такъ импонируетъ, и которое романтическимъ современникамъ казалось холоднымъ. Но для Лермонтова не существовало соединительнаго моста надъ сіяющей пропастью идеала и дѣйствительности. Для него были только земныя страданія. Лишь на мгновеніе могъ онъ облегчить свое сердце, полное горести и сомнѣнія, возвращеніемъ къ дѣтски простой вѣрѣ. Сейчасъ же всплывали робко неразрѣшимые вопросы, и онъ разстался съ жизнью, не подготовивъ даже въ своемъ искусствѣ горячо желаннаго примиренія, душевнаго міра. Поэтому его поэзія есть поэзія исключительно сомнѣнія и пессимизма, недовольства и протеста, и такъ какъ одинъ Богъ зналъ, чѣмъ онъ страдаетъ, то современники въ отвѣтъ на его упреки и жалобы лишь пожимали плечами.

Поэзія Лермонтова эгоистична, какъ исключительное выраженіе его личной міровой скорби. Лермонтовъ даетъ высокую романтическую оцѣнку поэта. Неукрашенный кинжалъ, нѣкогда вѣрный слуга своего господина въ бою, теперь виситъ въ комнатѣ въ позолоченныхъ ножнахъ, какъ простое украшеніе. Такъ точно и поэтъ бывало воспламенялъ бойца для битвы; онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ, какъ фиміамъ въ часы молитвы. Его стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой, и отзывъ мыслей благородныхъ звучалъ, какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ. Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ, насъ тѣшатъ блески и обманы... «Осмѣянь пророкъ, заржавѣль клинокъ»... А жребій «Пророка» въ его послѣднемъ стихотвореніи 1841 года? Вдохновенный Богомъ, осмѣлившійся провозглашать любви и правды чистыя ученья, онъ долженъ бѣжать отъ людей, поселиться въ пустыни; презрѣнный, онъ сдѣлался утрашающимъ примѣромъ для дѣтей, когда онъ спѣшитъ по улицамъ. Поэтому, въ «Разговорѣ писателя, журналиста и читателя», варіація Пушкинской темы, поэтъ спрашиваетъ: «О чемъ писать? Вдохновенныя произведенія, когда на мысли, дышанія силой, какъ жемчугъ нисходятъ

слова, и міръ мечтою благородной предъ нимъ очищенъ и обмытъ, они будутъ осмѣяны и забыты. Внушенія тягостныхъ ночей, когда упреки совѣсти грызутъ, когда неумолимо и жестоко я смѣло предаю позору приличьемъ скрашенный порокъ, навлекутъ на меня ненависть и злость или даже соблазнять слабыхъ?

И все-таки онъ не отступилъ передъ этимъ. Именно, въ прекрасной жалобѣ «На смерть поэта» (Пушкина), которая сразу сдѣлала извѣстнымъ имя Лермонтова, онъ, единственный, свободно высказалъ то, на что другіе едва осмѣливались намекать. Его устами говорить общественная совѣсть: «Погибъ поэтъ, невольникъ чести, палъ оклеветанный молвой, съ свинцомъ въ груди и съ жаждой мести, поникнувъ гордой головой. Не вынесла душа поэта позора мелочныхъ обидъ; возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта одинъ, какъ прежде—и убить!... Издалека, подобно сотнямъ бѣглецовъ, на ловлю счастья и чиновъ заброшенъ къ намъ по волѣ рока (его убійца)... Замолокли звуки дивныхъ пѣсенъ, не раздаваться имъ опять, пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ и на устахъ его печать!... А вы, надменные потомки извѣстной подлостью прославленныхъ отцовъ, пятою рабскою поправшіе обломки игрою счастья обиженныхъ родовъ! Вы, жадною толпой стоящіе у трона, свободы, генія и славы палачи! Таитесь вы подъ стѣною закона, предъ вами судъ и правда—все молчи! Но есть и Божій судъ, наперсники разврата, есть грозный судія, онъ ждетъ, онъ недоступенъ звону злата, и мысли и дѣла онъ знаетъ напередъ. Тогда напрасно вы прибѣгнете къ злословью: оно вамъ не поможетъ вновь, и вы не смаете всей вашей черной кровью поэта праведную кровь!» Болѣе могучіе тоны не бралъ ни одинъ русскій поэтъ.

И не менѣе рѣзко судилъ онъ собственное поколѣніе, въ почти одно-временной «Думѣ». «Къ добру и злу постыдно равнодушны, въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы; передъ опасностью позорно молодужны, и передъ властію презрѣнны рабы... И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно, ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ, ни любви, и царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный, когда огонь кипитъ въ крови... Толпой угрюмою и скоро позабытой, надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой, ни геніемъ начатаго труда. И прахъ нашъ, съ строгостью судьбы и гражданина, потомокъ оскорбить презрительнымъ стихомъ, насмѣшкой горькою обманутаго сына надъ промотавшимся отцомъ». Подобные тоны, однако, рѣдки, уединенны. Особенно слѣдуетъ упомянуть съ пылающимъ паѳосомъ написанное «Послѣднее новоселье», на переселеніе тѣла Наполеона въ Парижъ, гдѣ онъ хотѣлъ бы сказать французамъ: «Ты жалкій и пустой народъ!... И если духъ вождя примчится на свиданье съ гробницей новою, гдѣ прахъ его лежитъ, какое въ немъ поговданье при этомъ видѣ закишитъ! Какъ будетъ онъ жалѣть, печалію томимый, о знойномъ островѣ подъ небомъ дальнихъ странъ, гдѣ сторожилъ его, какъ онъ непобѣдимый, какъ онъ великій, океанъ!» Даже и русскимъ, также и Пушкину, не остался чуждъ культъ Наполеона.

Отечественной славы онъ только разъ заплатилъ честь, въ своемъ «Бородино», гдѣ герой какъ бы изъ Пушкинской батареи въ «Войнѣ и Мирѣ» Толстого, въ народномъ неприкрашенномъ выразительномъ тонѣ рассказываетъ о вѣчно памятномъ боѣ: «извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало, что значить русскій бой удалый, нашъ рукопашный бой». Но онъ любить отчизну странною любовью. «Ни слава, купленная кровью, ни полный гордаго довѣрія покой, ни темной старины заветныя преданья не шевелятъ во мнѣ ограднаго мечтанья. Но я люблю—за что, не знаю самъ—ея степей холодное молчанье, ея лѣсовъ безбрежныхъ колыханье, разливы рѣкъ ея, подобные морямъ; проселочнымъ путемъ люблю скакать въ телѣгѣ

и, взоромъ медленнымъ пронзая ночи тѣнь, встрѣчать по сторонамъ, вздыхая о ночлегѣ, дрожащіе огни печальныхъ деревень. Люблю дымокъ спаленной жинивы, въ степи кочующій обозъ, и на холмѣ, средь желтой нивы, чету бѣлѣющихъ березъ... И въ праздникъ, вечеромъ росистымъ, смотрѣть до полночи готовъ на пляску съ топаньемъ и свистомъ, подь говоръ пьяныхъ мужичковъ». Но то же самое нравилось уже Пушкину больше всего на Руси. Кромѣ того, Лермонтова манилъ Кавказъ. Здѣсь онъ въ «Валерикѣ» изобразить эпизодъ изъ битвы, тамъ—какъ мать-казачка у колыбели поетъ пѣсни своему маленькому сыну, говорить о своихъ страданіяхъ; въ смѣломъ лицетвореніи, заставитъ горы дѣлать смотръ безчисленнымъ войскамъ бѣлаго царя,—то воспоетъ «Дары Терека».

Однимъ Лермонтовъ не отличается отъ Пушкинской плеяды; онъ субъективный поэтъ, лирикъ прежде всего; окружающая жизнь пробуждаетъ въ немъ вниманіе лишь въ исключительныхъ случаяхъ, онъ принципиально держится вдали отъ нея, какъ Жуковский и Пушкинъ до него, какъ Баратынский и Языковъ вмѣстѣ съ нимъ. Отсюда и узость его круга, изъ котораго онъ почти не выходитъ; совершенно въ противоположность къ волшебнику Пушкину, который во всевозможныхъ формахъ, стиляхъ воплощаетъ самыя различныя фигуры міровой литературы, Лермонтовъ остается всегда одинаковымъ. Поэтому вопросъ зависимости Лермонтова отъ чужихъ образцовъ, т. е. отъ Байрона,—Пушкину онъ былъ обязанъ мало, развѣ что первыми опытами,—довольно праздный; во-первыхъ, уже потому, что онъ и безъ Байрона былъ великъ, что къ нему вполне относится сказанное Баратынскимъ о другомъ богоодаренномъ поэтѣ: когда я вижу тебя, Мицкевичъ, вдохновенный у ногъ Байрона, я думаю: смиренный поклонникъ, встань, подымись и вспомни, что самъ ты Богъ! Затѣмъ, потому, что его называемый «байронизмъ», его міровая скорбь, вовсе не была, какъ у Пушкина или Мицкевича, заимствованнымъ временнымъ настроеніемъ, нѣтъ это было настоящее, постоянное чувство, которому Байронъ облегчилъ найти только внѣшнее выраженіе, форму. Дѣйствительно, различаешь начинающаго Лермонтова и Лермонтова—учителя. Когда онъ уже четырнадцати или пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ поетъ о своей сердечной пустотѣ, о разочарованіи, пресыщеніи міромъ и всѣми его пороками, о своей тоскѣ по утерянной дѣтской невинности это все плоды чтенія, воспоминанія односторонне возбужденной фантазіи; съ теченіемъ времени эти мысли, чувства дѣлаются неподдѣльными и прирожденными; уже постоянство, съ которымъ онъ держится разъ избранныхъ, часто очень рано, темъ доказываетъ, какъ вполне отвѣчали онъ природѣ. Это особенно имѣетъ значеніе для его «Демона», для котораго онъ взялъ довольно обыкновенную романтическую тему: страсть демона къ земному созданію, которое изъ состраданія къ падшему ангелу увлекается имъ,—ближе всего къ Элоа Альфреда-де Виньи; такую страсть онъ переноситъ на Кавказъ черезъ свою Тамару, въ 1829 г. онъ началъ работать надъ поэмой и до 1840 возвращался все къ новымъ работкамъ и прибавленіямъ. Мальчикъ уже отождествлялъ себя съ Демономъ: «Какъ демонъ мой, я зла избранныкъ, какъ демонъ съ гордою душой, я межъ людей безпечный странникъ, для міра и небесъ чужой»; въ 1841 онъ сознавался: Мой умъ молодой могучій образъ непокоилъ; среди другихъ виднѣйшій блисталъ онъ, какъ царь, молчаливый и гордый, въ столь волшебной-сладкой красотѣ, что страшно было, и моя душа болѣзненно содрогалась. Этотъ призракъ много лѣтъ преслѣдовалъ меня, но какъ и отъ другихъ иллюзій я освободился отъ него стихомъ. Последнее утвержденіе опережало факты; отъ своего демона Лермонтовъ никогда не отдѣлался; онъ оставался гордъ, какъ его демонъ, могучъ, страстенъ и такъ же мало, какъ и тотъ, онъ зналъ, какъ достигнуть цѣли. Да въ николаевское время и не

было никакой цѣли, кромѣ ранговой таблицы. Отъ своего пути онъ постоянно уклоняется; страстью, которую возбуждаетъ зрѣлище прекраснаго, невиннаго, только Элоа почти обратила своего Демона къ раскаянію и Богу. Лермонтовскій былъ непреклоненъ, хотя онъ вовсе не байроновскій Люциферъ или самъ Сатана, вовсе не воплощеніе зла, отрицанія, возстанія, только упорно-самостоятельный духъ, который не хочетъ гнуть своей спины,—для лакейскаго времени весьма знаменательный идеалъ.

Мы теперь въ области самой полной романтики; до сихъ поръ ничего подобнаго нельзя было отмѣтить; отсюда чрезвычайное впечатлѣніе, которое производили списки «Демона». Цензура не разрешала печатанія вплоть до шестидесятихъ годовъ! Впечатлѣніе необыкновенности сюжета увеличивалось рѣдкою красотою формы, такое великолѣпіе и блескъ стиховъ едва знакомо было и Пушкину. Тѣ же романтическія темы съ одною и той же кавказскою обстановкою господствовали и въ поэмахъ Лермонтова. Въ рукописномъ «Измаиль - Беѣ» черкесъ, которому опротивѣли цивилизація и ея пустота, возвращается въ родныя горы; слѣвавшійся чуждымъ своему народу всѣмъ, вѣрой и т. д., онъ все-таки будетъ бороться за его свободу, безнадежно, ибо онъ знаетъ ея неизбѣжную гибель. Роль Измаила вплоть до попраанія женскаго сердца, носить явно Байроновскія черты. Особенно погрѣшилъ поэтъ противъ дѣйствительности въ «Бояринъ Орша». Совершенно правъ былъ Полевой, предлагая въ своемъ «Новомъ Живописцѣ» для составленія поэмы слѣдующій рецептъ: «Возьми содержаніе изъ Гяура, перемѣсти дѣйствіе на Кавказъ, поставь въ началѣ разговоръ между Ромео и Юлей, введи потомъ похищенную черкесами Миньону». Однако, «Орша» въ видѣ исключенія дѣйствовалъ не среди черкесовъ, гдѣ впрочемъ онъ могъ бы быть съ бѣльшимъ успѣхомъ.

За все эти неоконченныя, часто совершенно неудавшіеся опыты, вознаграждаютъ насъ перлы «Мцыри», т. е. монастырскаго послушника. Тему задыхающагося въ монастырѣ, рвущагося на свободу, Лермонтовъ бралъ уже въ «Оршѣ» и перенесъ отсюда цѣлыя стихи въ «Мцыри». Русскіе передали на воспитаніе монахамъ сироту, маленькаго черкеса. Въ непривѣтливыхъ, мрачныхъ стѣнахъ онъ растетъ, день и ночь тоскуя по свободѣ, плѣнникомъ, какъ самъ Лермонтовъ и большинство его героевъ. Улучивъ моментъ, онъ убѣгаетъ, куда глаза глядятъ, въ горы, къ своимъ, чтобы послѣ трехдневныхъ блужденій, лишеній, борьбы съ хищными звѣрями возвратиться въ монастырь съ смертію въ груди. Мы слушаемъ исповѣдь умирающаго. Разсказъ — проще и не можетъ быть; дѣйствуетъ только одно лицо, — ибо образъ прекраснаго пролетаетъ мимо, какъ призрачный сонъ, но какія сокровища поэзіи, какое пылающее пламя въ страстныхъ жалобахъ послушника! И Пушкинъ описывалъ Кавказъ, но какъ блѣдны и бѣдны тоны его палитры въ сравненій съ этимъ красочнымъ великолѣпіемъ! Вотъ мцыри лежитъ, изнеможенный до смерти, въ палаткѣ полдневномъ зноѣ; кругомъ глубокое молчаніе, безжизненность, «лишь змѣя, сухимъ бурьяномъ шелестя, сверкая только спиной, какъ будто надписью золотой покрытый до-низу клинокъ, бороздя разсыпчатый песокъ, скользила бережно; потомъ, играя, нѣжась на немъ, тройнымъ свивалася кольцомъ; то, будто вдругъ обожжена, металася, прыгала она и въ дальнихъ пряталася въ кустахъ»... Въ лихорадочномъ бреду, томясь жаждою, онъ видитъ, будто лежитъ на влажномъ днѣ глубокой рѣчки... Рыбки играютъ надъ нимъ; одна ласкается и вьется надъ его головою и серебристымъ голоскомъ поетъ ему: «Дитя мое, останься здѣсь со мною: въ водѣ привольное житье — и холодъ и покой. Я созову моихъ сестеръ: мы пляской круговой развеселимъ туманный взоръ и духъ усталый твой (ср. «Лѣсной Царь»). Уени! постель твоя мягка, прозраченъ твой покровъ. Пройдутъ

года, пройдут вѣка подь говоръ чудныхъ сновъ. О милый мой; не утаю, что я тебя люблю, люблю какъ вольную струю, люблю какъ жизнь мою»...

Юношескія драмы поэта не обнаруживаютъ никакого особеннаго драматическаго таланта: Лермонтовъ былъ слишкомъ субъективенъ, чтобы воплощать себя въ чужихъ образахъ; у него ярко выступаетъ только главная фигура, онъ самъ, всѣ остальные—простыя схемы. Интересно, что послѣ совершенно романтической трагедіи, конечно изъ обѣтованной страны романтизма, изъ Испаніи, поэтъ обращается къ русской дѣйствительности и къ собственному семейному конфликту, впрочемъ произвольно раздувъ его до трагическаго; такимъ образомъ, онъ въ драмѣ соприкасается съ жизнью, которую онъ прежде боязливо избѣгалъ. Здѣсь вступаютъ въ свои права Шиллеръ и разбойники; одна изъ этихъ драмъ носитъ даже нѣмецкое заглавіе: «Menschen und Leidenschaften». Но на ряду съ тирадами а ла Карль Мооръ попадаются и болѣе достойныя вниманія рѣчи: такъ въ студенческомъ собраніи, гдѣ на вопросъ: «Господа, когда же русскіе будутъ русскими?» Челяевъ отвѣчаетъ: «Когда они на сто лѣтъ подвинутся назадъ и будутъ просвѣщаться и образовываться снова-здорово» — отрицаніе петербургскаго періода, которое отъ души было бы повторено любимымъ славянофиломъ. Позднѣйшая изъ этихъ драмъ, «Маскарадъ», обнаруживаетъ значительный прогрессъ; нѣсколько лѣтъ спустя она была поставлена и на сцену; ея герой опять только «демонъ»; онъ не имѣетъ болѣе никакихъ желаній, и никакихъ надеждъ, выброшенный изъ круга свѣтлой жизни, мучается невыносимымъ воспоминаніемъ о невозвратныхъ годахъ, мрачный, безумный страдалецъ. Даже послѣднюю потерю любящей и любимой женщины онъ переноситъ съ презрительнымъ равнодушіемъ (по второй редакціи; по первой Арбенинъ отмстилъ мнимую измену жены, убивъ ее).

Совершенно выходитъ изъ рамокъ всѣхъ этихъ однородныхъ по характеру вариаций. «Пѣсня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова», 1837. Купецъ отмщаетъ опричнику за оскорбленіе его жены и за это предается казни; пониманіе прошлаго, — столь ясное и отчетливое, какое едва-ли наблюдается и въ «Борисѣ Годуновѣ», въ концѣ-концовъ, внутреннемъ Карамзинь; повѣствованіе ведется въ такомъ тонѣ, что ни одна баллада Пушкина, не говоря уже о Жуковскомъ и Рылѣевѣ, кромѣ пожалуй нѣкоторыхъ его народныхъ сказокъ, не имѣютъ тѣни подлинности рускаго стиля и духа. Намъ представляется, какъ будто это было произведеніемъ поэта виртуоза; какъ будто Лермонтовъ хотѣлъ только показать, какъ его поэзія можетъ справляться съ объективно—реалистическими хотя бы они и относились къ давно минувшему времени.

Отъ романтиковъ Лермонтовъ отличается еще и своею любовью къ презрѣнной прозѣ. Жуковский, Пушкинъ не говоря уже о другихъ; не могли рѣшиться на нее. Правда, Пушкинъ оставилъ повѣсти и романы, вѣрнѣе наброски таковыхъ, но выполнилъ онъ самое малое. Онъ оставлялъ ихъ годами въ своемъ портфель; только послѣ смерти его они стали извѣстны; онъ примѣнялся къ прозѣ только какъ публицистъ, журналистъ, критикъ. Лермонтовъ для современныхъ темъ рѣшительно отказывается отъ языка боговъ. «Героя нашего времени», которому предшествовалъ родственнѣй недописанный разсказъ, онъ окончилъ и издалъ въ 1839 г.; обѣщанное продолженіе не появилось. Романъ скоро былъ изданъ вторично и возбуждалъ болѣе интересъ, чѣмъ стихи поэта; уже давало о себѣ знать грядущее господство прозы.

Это первый русскій психологическій романъ — «Мертвыя души» Гоголя вовсе не психологія, у Пушкина больше анекдоты. Романъ изъ жизни «Бомонда» въ родѣ тѣхъ, что писали Марлинскій и Соллогубъ, хотя кавказскіе виды и гарнизоны вовсе не представляетъ подходящей обстановки

для дѣйствующихъ лицъ этого общества; дѣйствительно, скорѣе Печоринъ, герой нашего времени, попалъ сюда только случайно. Въ сущности это и не романъ, а просто рядъ эпизодовъ изъ жизни молодого человѣка; поэтому по желанію произведеніе легко можно было бы продолжать. Мы ничего не узнаемъ о прошломъ героя, не предчувствуемъ его будущаго, и знакомимся съ нимъ только въ извѣстный моментъ его жизни. Несмотря на это, ничто, однако, не вводитъ насъ въ сомнѣнія, такъ какъ Печоринъ — это Лермонтовъ, какимъ онъ былъ въ 1839 г.; такъ поняла его и публика, она видѣла тутъ даже собственныя приключенія поэта. Напрасно авторъ защищался противъ этого въ предисловіи по второму изданію; онъ говорилъ что Печоринъ не портретъ отдѣльнаго индивида, но что это образъ, составленный изъ пороковъ всего нашего поколѣнія, въ полномъ ихъ развитіи. Поэтъ хотѣлъ нарисовать современника, какимъ онъ его, къ собственному несчастію, слишкомъ часто встрѣчалъ. Онъ указываетъ только на болѣзнь, но какъ ее исцѣлить — это ужъ Богъ знаетъ. Въ самомъ дѣлѣ изъ Печоринской безнадежности не было никакого выхода.

Герой — Байронъ въ русскомъ плащѣ, т.-е. безъ малѣйшаго слѣда политическаго, даже социальнаго протеста, что рѣшительно суживаетъ англійскій прототипъ. Разочарованность — его постоянное настроеніе; онъ заранѣе примиряется съ какимъ бы то ни было будущимъ, жизнь ведетъ пассивную, прозябательную. И однако силы, которыя онъ чувствуетъ въ себѣ, доказываютъ, что онъ былъ рожденъ къ чему то высшему. Его лучшія дарованія: любовь къ правдѣ и людямъ, по недостатку взаимности и пониманія, обращаются въ противоположное. Ту же самую исповѣдь заставляеть Лермонтовъ произносить героевъ своихъ юношескихъ драмъ; такъ, Измаилъ Бей, «когда обмановъ самъ чуждался, обмануть былъ онъ — и боялся онъ вѣрить только потому, что вѣрилъ нѣкогда всему»; теперь таитъ онъ холодное и безсильное отчаянье подъ привѣтливой улыбкой; что ему человѣческая скорбь и радость, онъ равнодушенъ ко всему, кромѣ самого себя. Онъ любить только для себя, по простой привычкѣ, и живетъ изъ простаго любопытства; онъ заглушаетъ въ себѣ всякое состраданіе, дѣлается фаталистомъ. Изъ горнила страстей онъ вышелъ холоднымъ и твердымъ какъ желѣзо, но безъ лучшаго цвѣта жизни: шла благородныхъ стремленій. И теперь онъ играетъ роль топора въ рукахъ судьбы. Это — Печоринъ. Ему, въ «Княжнѣ Мэри», противопоставленъ Грушницкій, романтичскій позеръ, старавшійся съ серьезностью рядиться въ плащъ необыкновенныхъ чувствъ, высокой страсти и исключительной скорби, чтобы только быть героемъ романа; онъ говорилъ другимъ о своихъ чувствахъ такъ часто, пока самъ не повѣрилъ въ нихъ: родъ невольной самооцѣнки Печорина — Лермонтова. Но Печоринъ вовсе не злой человѣкъ, хотя иногда кажется наслаждается страданіями другихъ. Онъ вполне способенъ на благородныя чувства и выдаетъ себя за худшаго, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ. Въ сущности его главный недостатокъ только «*cette froide ironie, qui se glisse dans mon âme irrétistiblement, comme l'eau qui entre dans un bateau brisé*» (изъ письма поэта, 1835 г.).

Быль ли выходъ для поэта, и какой онъ избралъ бы, нельзя сказать; столь-же возможенъ былъ бы и рѣшительный отказъ отъ литературы. Ибо, къ сожалѣнію, гораздо болѣе, чѣмъ къ Пушкину, подходятъ къ нему его собственныя слова: «Замолкли звуки дивныхъ лѣсенъ, не раздаваться имъ опять, пріютъ пѣвца угрюмъ и тѣсенъ, и на устахъ его печать!» Съ Лермонтовымъ на десятки лѣтъ замолкла русская поэзія; да и нація, которая теперь думала о «другомъ», было не до нея.

Почти одновременно снесли въ могилу величайшаго народнаго поэта Руси. Съ нимъ раскрывается картина самыхъ глубинъ темной Руси, гдѣ

всякая духовная дѣятельность, если она не направлена непосредственно къ добычѣ денегъ, подвергается рѣшительному недобвѣрью, стѣсненіямъ всякаго рода. Кольцовъ, сынъ мѣщанина и торговца скотомъ, научился только грамотѣ въ Воронежскомъ уѣздномъ училищѣ и оставался совершенно необразованнымъ. Сопровождая своего отца, онъ узналъ народъ и познакомился съ его пѣснями, а страданія собственнаго сердца сдѣлали его тѣмъ воспримчивѣе къ мелодіи стихотворнаго созвучія, съ тайнами котораго онъ постепенно началъ осваиваться, такъ что скоро и самъ попытался писать стихи; кое-что помѣстилъ даже въ журналѣ, пока молодой «меченатъ», Станкевичъ, не облегчилъ ему отпечатанія дѣлаго томика его пѣсней, (1835). Кольцовъ черезъ это сразу сталъ извѣстенъ, даже прославился. Теперь онъ стремился нагнать все упущенное, придать своимъ свѣжимъ какъ природа пѣснямъ философскій смыслъ, что отчасти ему и удалось. Тяжелая борьба съ собственной семьей, связанная съ рано разстроеннымъ здоровьемъ, преждевременно погубила русскаго Берне (1842).

Интересъ къ народной пѣснѣ, какъ исторической такъ и лирической, пробудился уже задолго до него. Извѣстный сборникъ Кирши Данилова, знакомый и Лермонтову, легъ въ основаніе былинной сокровищницы, которая уже въ 1864—1869 была значительно расширена богатыми находками на сѣверо-востокѣ, въ Олонецкой губерніи, Рыбниковымъ, потомъ Гильфердингомъ. Народныя пѣсни или то, что принимали за нихъ, вошли въ рукописные пѣсенники XVIII ст. и въ его первыя печатныя книги. Они руководили Тредьяковскаго въ его стихотворной реформѣ, имъ подражалъ уже Сумароковъ; удачнѣе было то, что дали кн. Нелединскій—Мелецкій, проф. Мерзляковъ, наконецъ, баронъ Дельвигъ. Правда это были скорѣе иностранцы въ русскіхъ кафтанахъ. Подражали кратности метра, отсутствію рѣимы. Строго проводилась параллель между картиною природы и индивидуальными чувствованіями, напр., въ стихотвореніи: «Пѣла, пѣла пташечка и замолкла, знало сердце радости и забыло и т. д.

Наивныя души распѣвали эти романсы, и вѣрили ихъ народности. Только Кольцовъ, который нѣкогда тоже дивился и подражалъ Дельвигу, разрушилъ эти иллюзіи, далъ пѣсни, не только причесанныя à la russe, но такія, которыя какъ бы родились изъ чувствованій самого народа. Онъ не заботился о параллельной схемѣ. Жеманная сладость романсовъ оставалась ему чуждою; столь-же мало онъ впалъ въ ноющій, жалобный тонъ о суровой долѣ крестьянина; онъ отказался отъ сентиментальныхъ эффектовъ.

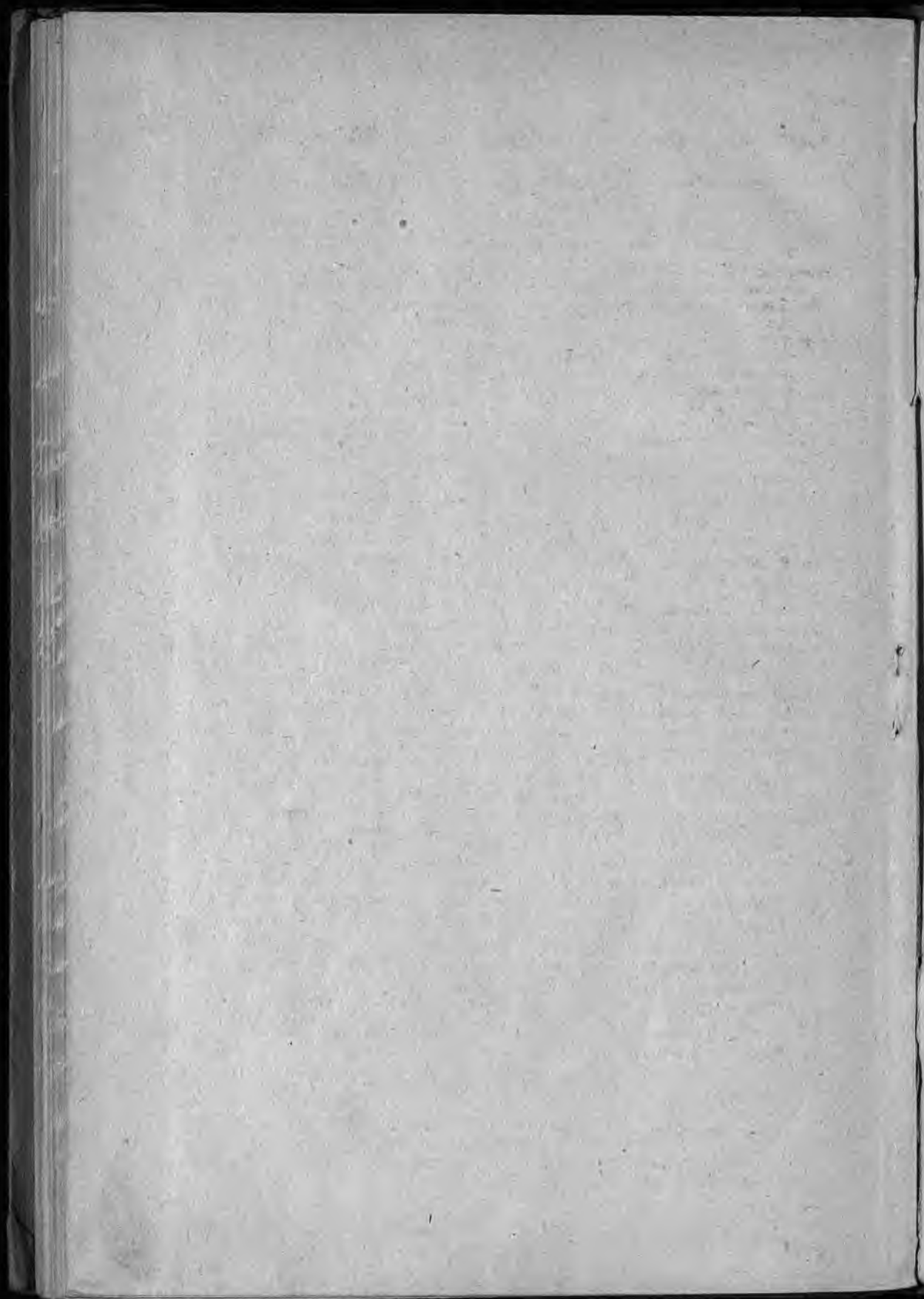
Даже когда тяжелая скорбь давить къ землѣ его крестьянина, онъ остается твердъ и свободенъ, какъ будто бы крѣпостное право, рабство скользили, не оставляя слѣдовъ на его духовномъ обликѣ. Жизнерадостность и бодрость говорить въ каждой пѣсни, и иначе у великаго народа и быть не можетъ; крестьянинъ какъ бы сросся съ землею, живетъ съ нею и любитъ ее; земля, поле регулируетъ не только его дѣятельность, но и его чувства какъ сжимается у него сердце, когда продолжительная засуха тяготѣетъ надъ его полемъ, какъ охотно жертвуетъ онъ свѣчку для иконы Божіей Матери, когда онъ наконецъ собралъ богатую жатву; какъ чувствуетъ онъ свое одиночество въ мрачный, холодный день; съ какою радостной надеждою выѣзжаетъ онъ весною въ поле! И жалуется онъ, что «въ несчастный день въ безталантный часъ родился безъ сорочки», такъ какъ старый богатѣй отказываетъ молодцу въ рукѣ прекрасной дочери; онъ покупаетъ себѣ новую косу, но не затѣмъ, чтобы перекосить себѣ шею: къ Дону идетъ онъ, въ его богатая слободушки, гдѣ «степь раздольная далеко вокругъ широко лежитъ, ковылемъ-травой разстилается»... «Я пришелъ самъ другъ съ косой острою. Раззудись плечо! размахнись,

рука! Ты пахни въ лицо, вѣтеръ съ полудня! Освѣжи, взволнуй степь просторную! Зажужжи, коса, засверкай кругомъ! За шуми, трава подкормленная; поклонись, цвѣты, головой землѣ! Наряду съ травой вы засохнете, какъ по Грунѣ я сохну, молодецъ! Нагребу копенъ, намечу стоговъ,—дасть козачка мнѣ денегъ пригоршни. Я зашью казну, соберегу казну, ворочусь въ село прямо къ старостѣ: не разжалобилъ его бѣдностью, такъ разжалоблю, золотой казной!» Даже упреки лѣнивцу, который промоталъ все свое состояніе не лишены юмористическаго тона, какъ будто все снова станетъ какъ нельзя лучше, лишь бы только мужичекъ одумался. Самое крайнее положеніе не вызываетъ въ поселянинѣ ожесточенности: онъ садится за столъ, и думаетъ думу горькую, какъ на свѣтѣ быть одинокому. «Нѣтъ у молодца молодой жены, нѣтъ у молодца друга вѣрнаго, золотой казны, угла теплаго, бороны-сохи, коня-пахаря... вмѣстѣ съ бѣдностью далъ мнѣ батюшка лишь одинъ талантъ—силу крѣпкую; да и ту, какъ разъ, нужда горькая по чужимъ людямъ вею истратила».

Въ пѣсняхъ Кольцова говоритъ радостная надежда, жажда жизни, сила, которыхъ мы тщетно стали бы искать у интеллигенціи, у Лермонтова или Пушкина. Въ этихъ пѣсняхъ нашло себѣ поэтическое выраженіе безконечное терпѣніе земледѣльческаго народа, который спокойно сносилъ на своихъ могучихъ плечахъ татарское иго и иго бюрократіи, неблагоприятныя условія суровой природы и удары судьбы, капризы господъ и притѣсненія старосты; въ нихъ отразились его оптимизмъ, кажущійся намъ легкомысліемъ, его покорность, которая напоминаетъ восточный фатализмъ; конечно, кругозоръ Кольцова узокъ, если можно назвать узкими тѣ степи, какія онъ охватываетъ; поэту отказываютъ крылья, когда онъ рѣшается на полетъ въ философскую высь, когда онъ берется за разрѣшеніе вопросовъ жизни и т. п. Но эту «Родину», ради которой только бился сердце Пушкина и Лермонтова, это благоуханіе жатвы, эти волнующіяся нивы, праздничныя радости крестьянъ,—мы находимъ лишь у Кольцова; это—русская идиллія, изобразить которую напрасно старалась художественная поэзія. Онъ пѣлъ природу и человѣка, для которыхъ только и были открыты его очи, уши, и сердце; далъ, и задолго раньше, чѣмъ это было сдѣлано въ прозѣ, народный поэтъ чудныя картины изъ жизни русскаго простолюдина, жизни, полной борьбы, надеждъ и страданій. Онъ первый ввелъ земледѣльца въ литературу, сообщилъ ей національныя черты, какихъ почти постоянно не доставало прежней лутературѣ: Пушкину и Лермонтову тожъ.

Поэзія послѣднихъ была или глубоко индивидуальна, или подражала иностранному; Кольцовъ показалъ русскаго крестьянина, особенно жителя южныхъ губерній, съ ихъ болѣе богатой природой и болѣе свободными людьми; и опять поэзія опередила прозу. Скоро въ величайшемъ деревенскомъ и крестьянскомъ царствѣ міра на первый планъ будутъ воздвинуты крестьянинъ и его страданіе, скоро мысль и воля сосредоточатся вокругъ того долга, который должна выплатить интеллигенція народу. Возрожденіе Россіи, ея обновленіе было неразрывно связано съ освобожденіемъ девяти десятыхъ ея населенія. Въ этомъ процессѣ руководящую роль возьмутъ на себя не отвлеченность поэзіи и романтики, но жизненный натурализмъ комедіи и прежде всего романа, реализмъ художественной прозы и ея критики.

Конецъ первой части.

Списокъ книгъ, данныхъ въ приложеніяхъ къ „Вѣстнику Знанія“ за 3 г. (1903—1905).

Отд. I. Общественно-экономическія и юридическія науки.

Мальтатули и его произведенія	— р. 50 к.	*Б. Каутскій. «Очерки политическо-экономическаго ученія Маркса» (полный перев.)	— » 50 »
«Соціальныя утопіи»	— » 50 »	Поленицъ. «Страна свободы»	1 » — »
«Общественно-политич. жизнь Западна. Англіи»	— » 50 »	*Проф. Монье. «Соціологія»	— » 80 »
«Краткій систем. словарь экономич. наукъ, въ 2-хъ част.»	1 » 10 »	*Проф. А. Льеве. «Статистика»	— » 50 »
въ перешлетъ	1 » 55 »	*Краткій систематич. словарь юридич. наукъ» въ 3-хъ частяхъ, по 60 к. кажд. часть, вмѣстѣ въ перешл.	1 » 50 » 1 » 95 »
Проф. Зомбартъ и проф. Келлессъ-Краузь. «Соціологическіе этюды»	— » 50 »		
«Ужасы войны и ея ковецъ»	1 » — »		
Проф. Клермонтъ. «Популярная политич. экономія»	— » 60 »		

Отд. II. Исторія и біографія, исторія литературы, критика и исторія искусствъ.

Проф. Боринскій и Жинисти. «Театръ, его задача, исторія и предствители. — Соврем. театральная жизнь»	1 р. — к.	ной культуры въ связи съ ея исторіей» 8 част. по 50 коп. вмѣстѣ	2 » 50 »
Мишо д'Юмьякъ. «Великія легенды человѣчества»	— » 50 »	к. Проф. Ру. «Братная исторія искусства»	1 » — »
Проф. Эмерсонъ. «Великіе люди»	— » 70 »	Проф. Арнольдъ. «Культура эпохи возрожденія»	— » 50 »
«Историческія загадки»: проф. Шерръ. «Лжедимитрій, царь Московскій». Вопросъ о Лжедим. въ русск. литер. «Желѣзная маска». «Графъ Калиостро». «Загадка Тампля» и т. д.	— » 50 »	«Литературные портреты»: Ибсенъ — проф. Брандеса, Гауптманъ — Б. Маршалъ и Метерлинкъ — Гартмана. *Проф. Сеньобосъ. «Новѣйшая исторія съ 1815 г.» — 1 ч. 1 р. 50 к., 2 ч. — 2 р.; вмѣстѣ ц.	— » 50 » 3 » — »
Проф. Андерсонъ. «Исторія погибшихъ цивилизацій Востока»	— » 90 »	Проф. Лоліе. «Обзоръ исторіи всемірн. литерат.»	— » 80 »
Проф. Мутеръ и проф. Кнакфусъ. «Изъ исторіи искусства»	— » 70 »	Проф. Веберъ. «Панорама вѣковъ»	1 » — »
Проф. Гартъ. «Исторія западной литературы XIX в.»	1 » 20 »	М. Буизенъ. «Рескнъ, его жизнь и дѣятельность»	— » 50 »
*Проф. Узальдстия. «Искусство XIX вѣка». Римск. республики» съ введ. проф. Оствальда: искусство и наука. Изъ серіи «Общедоступный Университетъ». «Новѣйшіе успѣхи матеріаль-	— » 50 »	Проф. Мутеръ. «Старое искусство»	— » 80 »
		*Проф. Пеллисъе. «Французск. литер. XIX въ 2 ч. по 80 к., вмѣстѣ	1 » 40 »
		Проф. Блохъ. «Сословн. и социальн. исторія. Гюдри-Мено. «Женщина»	— » 50 »

Отд. III. Философія, психологія, логика.

Проф. Алонзъ Риль. «Введеніе въ соврем. философію»	— » 65 »	Проф. Виндельбандтъ. «О свободѣ воли»	— » 70 »
Проф. Риль и проф. Кюльпе. «Введеніе въ философію» и «Совр. германск. философія»	— » 80 »	Проф. Вундтъ. «Психологія и естествознаніе»	— » 75 »
Профессоровъ Вольн. Унив. Обществ. Наукъ «Лекціи по обществ. этикѣ»	— » 90 »	Д-ръ Эльзенгансъ. «Психологія и логика»	— » 50 »
		В. Битнеръ. «Ницше и его произведенія»	— » 50 »

Отд. IV. Естествознание и медицина, география и этнография.

Изъ серіи «Общедоступн. Университетъ» 1903 г.	роdstв. явленія въ наукѣ и жизни»	1 > — >
«Атмосфера» — 3 ч. по 50 к., вмѣстѣ	Проф. Мейеръ. «Жизнь на землѣ и ея конецъ»	— > 70 >
«Теплота» — 3 ч. по 50 к., вмѣстѣ	Его же «Космическая и земная катастрофы»	— > 50 >
«Свѣтъ» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	Проф. Боммели и проф. Макмиланъ. «Жизнь растений»	— > 75 >
«Звукъ»	В. Бельше. «Исторія соврем. естествозн.»	— > 60 >
«Вода въ природѣ» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	Проф. Бальфуръ Стюартъ. «Курсъ физики» ч. 1-я 1 р. 40 к., ч. 2-я 1 р., вмѣстѣ	2 > — >
«Лучи и волны». 50 к. Въ 12 ч.	Проф. Боммели. «Миръ растеній»	1 > — >
Изъ серіи «Общед. Унив.» 1904 г. «Электричество и магнетизмъ» 3 ч. по 50 к., вмѣстѣ	Бельше. «Основы развитія органич. міра»	— > 60 >
«Механика» — 50 к., вмѣстѣ съ «Электрич. и магнетизмомъ»	«Популярн. химія», съ прил. В. Битнеръ. Анализъ почвъ	— > 65 >
Изъ серіи «Общед. Унив. 1905 г. *Проф. Заксъ «Строеніе и дѣятельн. человѣч. тѣла» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	В. Бельше. «Происхожд. органич. жизни»	— > 50 >
*Проф. Крейбихъ. «Пять чувствъ человѣка» 2 ч. по 50 к., вмѣстѣ	Его же. «Происхожд. человѣка. Будущность человечества»	— > 80 >
*Д-ръ Зейлеръ. «Ученіе о здоровьи—Гигіена»	Его же. «Прогрессъ дарвинизма»	— > 50 >
*Проф. Гааке. «Человѣческія расы»	*К. Фламмаріонъ. «Попул. лекціи по астроном.»	1 > 60 >
*М. Н. Т. «Жизнь европейск. народ.» 4 ч. вмѣстѣ	С. Исаковъ. «Вуководство для собир. ест.-ист. коллекц. и наблюд. природы»	— > 90 >
Проф. Серванъ. «Допогошная Европа»	*Д-ръ Целль. «Умъ животныхъ»	— > 80 >
Бельше. «Завоеваніе человѣка»	Проф. Оствальдъ. «Школа химіи» ч. I	1 > — >
Его же «Исторія міросозерцанія до Колумба»	» » ч. II	1 > 60 >
Проф. Бернацкій. «Современ. медицина, сущн. и пред. врачев. знанія»	» » вмѣстѣ	2 > 10 >
Бреннеръ и В. Бельше. «Астроном. вечера»	«Кратк. сист. словарь биологич. наукъ», 3 части въ переплетѣ	2 > 45 >
В. Битнеръ. «Гипнотизмъ и	Проф. Гюггертъ. «Физическая географія»	— > 50 >

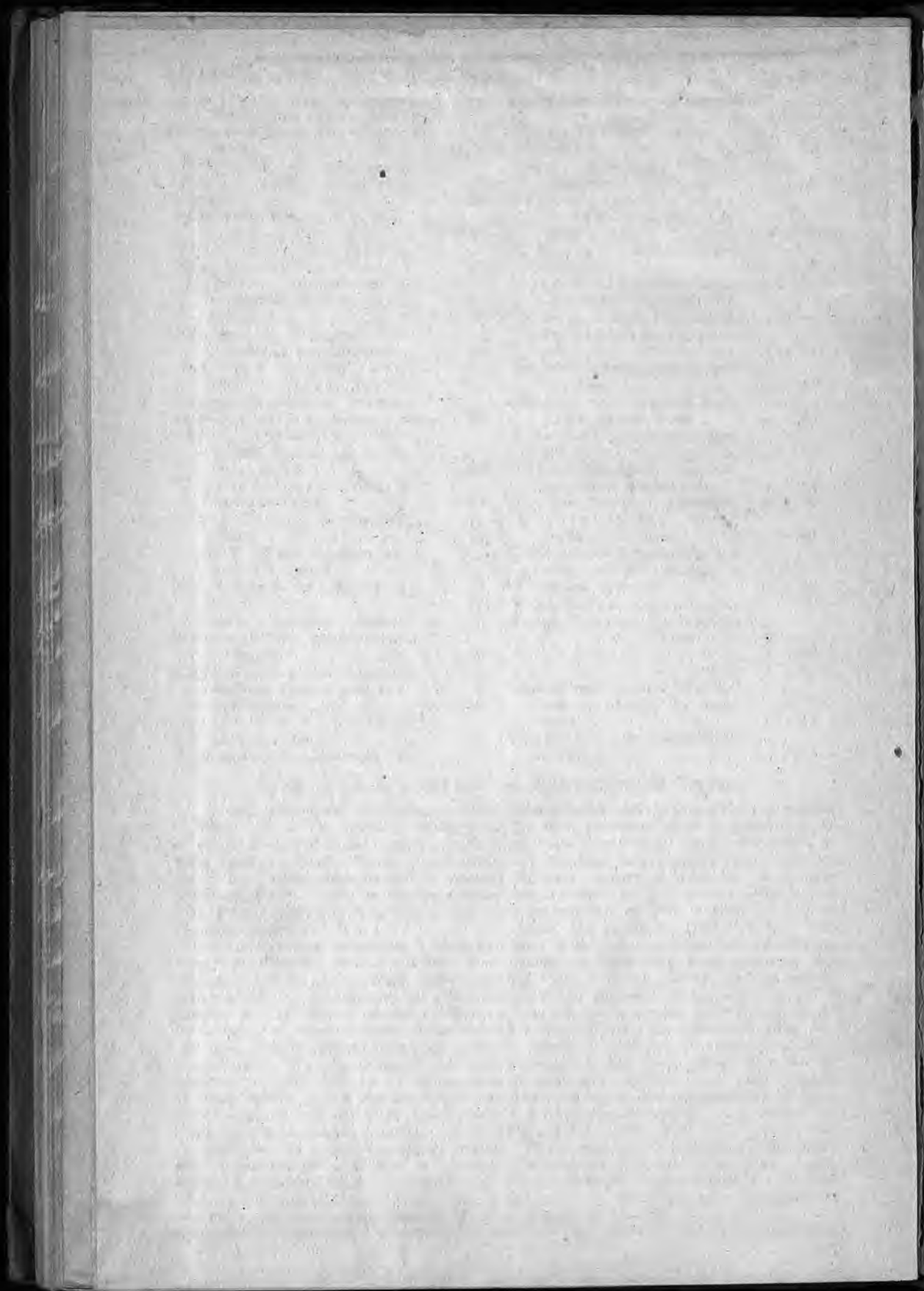
Отд. V. Языкознание и прикладныя науки.

* «Новый самоучитель эсперантскаго языка» не пользующіеся скидкой за пересылку не платятъ. — 75 к.; * А. И. Сапожко «Стенографія, Для тѣхъ, кто имѣетъ право на скидку, т. е. оныя исторія и самоучитель по слуховой методѣ для вые подписчики и члены союза «Вѣстника Знаній» изданіе богато иллюстрированное, понижена также цѣна на полные комплекты вое. Ц. 1 р. * «Самоучитель рисованія и живописи «Вѣстника Знанія» и «Недѣли» за прошлые красками». Ц. 1 р. * «Словарь научныхъ терминовъ», вошедш. съ приложеніями за 1903 и 1904 г.г.; 6 р. за въ употр. въ рус. яз.» Ц. 3 р.

Книги, обозначенныя звѣздочкою *, вышли при- дѣля» 1905 г. Пересылка на счетъ заказчиковъ ложеніи къ «Вѣстнику Знанія» въ 1905 г. и вы- Крышки для переплетовъ (англ. колленкоръ, тис- пущены въ продажу на велевой бумагѣ. Для нев. золот. и краск.) «Вѣстн. Зн.» съ прилож. новыхъ на 1906 г. подписчиковъ на «Вѣстникъ за 1903 (7 крышекъ) стоятъ особо 1 р. 55 к. Знанія» и «Недѣлю», а также и «Научную — для «В. З.» съ прилож. за 1904 г. (8 крыш.). Библиотеку», и членовъ союза подписчиковъ 1 р. 75 к. Крышки для переплетовъ «Вѣс. Зн.» «Вѣстника Знанія» дѣлается скидка съ обозна- съ прилож. за 1905 г. (10 крыш.) 2 р. 20 к. ченныхъ цѣвъ 50% (1/2 стоимости) на книги, Пересылка въ Евр. Рос. отдѣльно 55 к. Желая- вышедшія въ 1903 1904 г.г. и отпечатанныя ще выписывать прошлые года «Вѣс. Зн.» съ на обыкновен. бумагѣ (кромѣ систематическихъ сло- прилож. въ переплетахъ приплачиваютъ по 20 к. варей — экономическихъ наукъ и — биологическихъ за вставку каждаго тома, т. е. 1 р. 40 к., 1 р. наукъ, на которые скидки не дѣлается), и 25% 60 к. и 2 р. (1903 7 т., 1904 — 8 т., 1905 (1/4 стоимости) на книги, обозначенныя звѣздоч- 10 т.). Переплеты для «Научной Библиотеки» кою * и выпущенныя въ 1905 г. на велевой п. по подпискѣ 35 к. для каждаго тома, Адресъ бумажъ. Пользующіеся скидкой принимаютъ пере- Главной Конторы «Вѣстника Знанія» и Научной сылку на свой счетъ. Выписывающіе (даже не Библиотеки): С.-Петербургъ, уголь Владимирскаго подписчики) изъ глав. конторы редакціи «Вѣст- и Невскаго № 1 — 47. ника Знанія» С.-Петербургъ, Невскій пр., 47, и

1600

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ГР. Л. Н. ТОЛСТОГО,

пятидесяти съ 1879 г. и неизданных въ Россіи (изданы въ Петерб. 1884 г.), двѣнадцать изданий «НЕДѢЛЬ-НАГО» журнала съ июня выходило въ новомъ видѣ книжками въ 128 стр. каждаго недѣлю.

Подписчики получаютъ за 4 р. 50 и въ годъ безъ пересылки, 5 р. съ пересылкой.

832 стр. экзон. газеты (прежее прогрессивно-демократическое издательство).

832 стр. Малоземныхъ Книжечекъ «Нарѣванъ» (интер. научн. и практич. подел. изд. для самообразованія).

Въ первомъ изданы были: «Возстановленіе ада», «Обращеніе къ атеистамъ», «Отвѣтъ Синоду», «Какъ читать Евангеліе», «Къ рабочему народу». Сочиненія издаются съ вѣдомъ Л. Н. Толстого, который выразилъ согласіе на представленныя ему планы изданія. Доуведомитъ разсрочка по 1 р. Подписчики «Листишка Знаниа» и «Нарѣванъ» Библіотека» издуч. «Недѣлю» за 4 р. Отд. № изданы за 3 еслки марк.

Адресъ редакціи: С.-Петербургъ, Невскій пр., 47.

Редакторъ-издатель „Недѣль“, „Вѣст. Зн.“ и „Науч. Биб.“ В. Битнеръ.

Списокъ произведеній Льва Николаевича Толстого, написанныхъ въ періодъ отъ 1879 года и неизданныхъ въ Россіи.

- 1) Перикъ и Государство, 2) Николай Владиміръ, 3) Ученіе Давидовича Апостоловъ, 4) Сурацкая конференція, 5) Послѣдствіе къ Брейшовой Совакъ, 6) Общ. отношенія народа (Дана), 7) Изложене къ зарплатѣ Го (Послѣдствіе Совакъ), 8) О религіи и нравственности, 9) О религіи и наукѣ, 10) Предисловіе къ сочиненію Бокларева: «Трудовое и торжество земледѣльца», 11) Предисловіе къ сборнику «Нарѣванъ», 12) Три сына (журналъ), 13) Евангеліе и пустой барбаканъ, 14) Дорого стоитъ, 15) Кавалеры для народа, 16) «Стыжко», 17) О подвизаніи, 18) Какъ читать Евангеліе? 19) Послѣдствіе къ книжкѣ «Жизнь Давидовича», 20) Послѣдствіе къ «Домашнему христіанству», 21) Послѣдствіе къ «Помощи», 22) Статьи о голодѣ (1891—92 г.). 23) Патриотизмъ или мѣръ? 24) Христіанство и патриотизмъ, 25) Сербіи о дѣлѣ есау, 26) Приближеніе колаба, 27) Дѣтъ войны, 28) Голодъ или не голодъ? (1898), 29) По поводу исторіи конференціи въ Галѣ, 30) Патриотизмъ и нравственность, 31) Не ушибъ! 32) Где выходъ? 33) Неужели это такъ мало? 34) Единообразное сродство, 35) Нашъ дѣловой организмъ, и брошюрки и парилиты, 36) Вступленіе къ критикѣ догматическаго богословія и изложенію христіанскаго ученія (Помощи), 37) Критика догматическаго богословія и «Что такое христіанство и религія?», 38) Социализмъ, первичный и изложеніе 4-хъ Евангелій, 39) Въ чемъ моя вѣра? 40) Такъ что и сами дѣлать? (включая в статью «О порочности» и «Довѣры»), 41) О жизни, 42) Критика марксизма Евангелія, 43) Царство Божіе внутри насъ, 44) Христіанское ученіе, 45) Что такое искусство? 46) Воскресеніе, 47) Работы нашего времени, 48) Что такое религія? 49) Къ К. Н. (о покровительствѣ къ наукамъ), 50) Къ американцу Бауху (о томъ же), 51) Къ К. (о борьбѣ со злою), 52) Къ революціонеру (о борьбѣ со злою), 53) О Генри Джорджѣ (2 письма о земельной податѣ), 54) О физическомъ трудѣ (письмо къ братьямъ), 55) Къ волюкъ (о подвизаніи), 56) Къ Шиндлу (о государственномъ ислѣженіи), 57) Къ Crosby (о ипротипизации къ наукамъ), 58) Либерализмъ (объ участіи въ государствѣ), 59) Къ «Daily Chronicle» (о государствѣ), Теоборіянъ любви, 61) О религіозномъ обществѣ, 62) О религіозномъ воспитаніи, 63) Къ Бальзакову, 64) Къ П. В. Вертинску (о грамотности и друг. дѣл.), 65) Къ X. (объ общинности), 66) Два письма къ дѣтямъ къ Бауху, 67) Мысли о Божѣ, 68) Мысли о семейной жизни, 69) Мысли о политическомъ правѣ, 70) Три письма «О религіи, вѣрѣ и молитвѣ», 71) Отвѣтъ Синоду, 72) Письменно стюми къ государственнымъ людямъ (къ царю, министрамъ и военнымъ дѣламъ), 73) Письма къ разнымъ лицамъ (включая съобщеніе), 74) Двоичникъ и замѣтка къ князю, 75) Статьи 1882—1889 г., 76) «Оучаженіе» (статья по поводу русско-японской войны), 77) Предисловіе къ книжкѣ «О религіи», 78) «Едино на потребу», «Великій грѣхъ», 79) О семейной жизни, 80) Что нужно рабочему народу? (Какъ освободиться отъ работы за работу? Объ освобожденіи земли по системѣ Г. Джорджа), 81) Конецъ вѣка, О предостереженіи перепечатокъ, 82) Свѣдѣнія напечатаны, Офенбургъ извѣстія, 83) «Не убій» (по поводу убійства короля Губерта), 84) О Рахуѣ, Вѣрѣ и Молитвѣ. Кромѣ того, статья, печатанная въ «Свободномъ Словѣ» и не вышедшая сохраннымъ изданіемъ, и также предисловіе, написанная Леономъ Николаевичемъ, но еще не изданная.

Въ первомъ изданіи были помѣщены: 1) Разрушеніе ада и возстановленіе его, 2) Обращеніе къ атеистамъ, 3) Отвѣтъ Синоду, 4) Какъ читать Евангеліе, 5) Орудіемъ Синоду, 6) Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность? 7) Письмо Л. Н. Толстого къ прокуратуры о землѣ, 8) Письмо — къ японскому журналисту, 9) Проектъ японскаго общества, 10) Проектъ Генри Джорджа, 11) Великій грѣхъ, тт. I—VI. Кроме этого главныя статьи, помѣщенныя въ № 15 (№ 1 реформированной) «Вѣстникъ»: В. Битнеръ, 12) — грѣхъ заставляеся Патриархъ Вахидъ два и имѣние люди, В. Битнеръ, 13) — грѣхъ, какъ деньги? Вахидовичъ «Недѣль».

Каждый экзон. экз. — 70

Списокъ произведеній въ продолженіи года и неизданныхъ въ Россіи.